

Литература
и Искусство
Казахстана

82

3

Алма-Ата
1939

ЛИТЕРАТУРА
И ИСКУССТВО
КАЗАХСТАНА

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА
И УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ

МАРТ

Обл. библиотека
БИБЛИОТЕКА ГОГОЛЯ
Ч И Я Б Ы Ъ Г А Д

АЛМА-АТА
1939

Р. 41571

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД Т. СТАЛИНА НА XVIII-м СЪЕЗДЕ ПАРТИИ О РАБОТЕ ЦК ВКП(б).

I

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Товарищи! Со времени XVII съезда партии прошло пять лет. Период, как видите, не малый. За это время мир успел пережить значительные изменения. Государства и страны, их отношения между собой стали во многом совершенно иными.

Какие именно изменения произошли за этот период в международной обстановке? Что именно изменилось во внешнем и внутреннем положении нашей страны?

Для капиталистических стран этот период был периодом серьезнейших потрясений как в области экономики, так и в области политики. В области экономической эти годы были годами депрессии, а потом, начиная со второй половины 1937 года, — годами нового экономического кризиса, годами нового упадка промышленности в США, Англии, Франции, — следовательно, годами новых экономических осложнений. В области политической эти годы были годами серьезных политических конфликтов и потрясений. Уже второй год идет новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима.

Для Советского Союза, наоборот, эти годы были годами его роста и процветания, годами дальнейшего его экономического и культурного подъема, годами дальнейшего роста его политической и военной мощи, годами его борьбы за сохранение мира во всем мире.

Такова общая картина.

Рассмотрим конкретные данные об изменениях в международной обстановке.

1. НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ. ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА РЫНКИ СБЫТА, ЗА ИСТОЧНИКИ СЫРЬЯ, ЗА НОВЫЙ ПЕРЕДЕЛ МИРА.

Экономический кризис, начавшийся в капиталистических странах во второй половине 1929 года, продолжался до конца 1933 года. После этого кризис перешел в депрессию, а потом началось некоторое оживление промышленности, некоторый ее подъем. Но это оживление промышленности не перешло в процветание, как это бывает обычно в период оживления. Наоборот, начиная со второй половины 1937 года начался новый экономический кризис, захвативший прежде всего США, а вслед за ними — Англию, Францию и ряд других стран.

Таким образом, не успев еще оправиться от ударов недавнего экономического кризиса, капиталистические страны очутились перед лицом нового экономического кризиса.

Это обстоятельство естественно привело к усилению безработицы. Упавшее было число безработных в капиталистических странах с 30 миллионов человек в 1933 году до 14 миллионов в 1937 году, теперь вновь поднялось в результате нового кризиса до 18 миллионов человек.

Характерная особенность нового кризиса состоит в том, что он во многом отличается от предыдущего кризиса, при чем отличается не в лучшую сторону, а в худшую.

Во-первых, новый кризис начался после процветания промышленности, как это имело место в 1929 году, а после депрессии и некоторого оживления, которое, однако, не перешло в процветание. Это означает, что нынешний кризис будет более тяжелым и с ним будет труднее бороться, чем с предыдущим кризисом.

Далее, нынешний кризис разыгрался не в мирное время, а в период уже начавшейся второй империалистической войны, когда Япония, воюя уже второй год с Китаем, дезорганизует необъятный китайский рынок и делает его почти недоступным для товаров других стран, когда Италия и Германия уже перевели свое народное хозяйство на рельсы военной экономики, уклонив на это дело свои запасы сырья и валюты, когда все остальные крупные капиталистические державы начинают перестраиваться на военный лад. Это означает, что у капитализма ресурсов для нормального выхода из нынешнего кризиса будет гораздо меньше, чем в период предыдущего кризиса.

Наконец, в отличие от предыдущего кризиса, нынешний кризис является не всеобщим, а захватывает, пока что, главным образом экономически мощные страны, не перешедшие еще на рельсы военной экономики. Что касается стран агрессивных, вроде Японии, Германии и Италии, уже перестроивших свою экономику на военный лад, то они, усиленно развивая свою военную промышленность, не переживают еще состояния кризиса перепроизводства, хотя и приближаются к нему. Это означает, что в то время как экономически мощные, не агрессивные страны начнут вылезать из полосы кризиса, агрессивные страны, истощив свои золотые и сырьевые запасы в ходе военной горячки, должны будут вступить в полосу жесточайшего кризиса.

Это наглядно иллюстрируется хотя бы данными о наличии видимых золотых запасов в капиталистических странах.

ВИДИМЫЕ ЗОЛОТЫЕ ЗАПАСЫ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ. (в млн. старых золотых долларов)

	Конец 1936 г.	Сентябрь 1938 г.
Всего	12980	14301
США	6649	8126

	Конец 1936 г.	Сентябрь 1938 г.
Англия	2029	2396
Франция	1769	1435
Голландия	289	595
Бельгия	373	318
Швейцария	387	407
Германия	16	17
Италия	123	124
Япония	273	97

Из этой таблицы видно, что золотые запасы Германии, Италии и Японии, вместе взятых, представляют меньшую сумму, чем запасы одной лишь Швейцарии.

Вот некоторые цифровые данные, иллюстрирующие кризисное положение промышленности капиталистических стран за последние пять лет и движение промышленного подъема в СССР.

ОБЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В ПРОЦЕНТАХ К 1929 ГОДУ.

	(1929—100)				
	1934	1935	1936	1937	1938
США	66,4	75,6	88,1	92,2	72,0
Англия	98,8	105,8	115,9	123,7	112,0
Франция	71,0	67,4	79,3	82,8	70,0
Италия	80,0	93,8	87,5	99,6	96,0
Германия	79,8	94,0	106,3	117,2	125,0
Япония	128,7	141,8	151,1	170,8	165,0
СССР	238,3	293,4	382,3	424,0	477,0

Из этой таблицы видно, что Советский Союз является единственной страной в мире, которая не знает кризисов и промышленность которой все время идет вверх.

Из этой таблицы видно далее, что в США, Англии и Франции уже начался и развивается серьезный экономический кризис.

Из этой таблицы видно, далее, что в Италии и Японии, которые раньше Германии перевели свое народное хозяйство на рельсы военной экономики, уже начался в 1938 году период движения промышленности вниз.

Из этой таблицы видно, наконец, что в Германии, которая позже Италии и Японии перестроила свою экономику на военный лад, промышленность пока еще переживает состояние некоторого, правда, небольшого, но все же движения вверх.

—соответственно с тем, как это имело место до последнего времени в Японии и Италии.

Не может быть сомнения, что, если не случится чего-либо непредвиденного, промышленность Германии должна будет встать на тот же путь движения вниз, на который уже встали Япония и Италия. Ибо что значит перевести хозяйство страны на рельсы военной экономики? Это значит дать промышленности одностороннее, военное направление, всемерно расширить производство необходимых для войны предметов, не связавшее с потреблением населения, всемерно сузить производство и особенно вынудить на рынок предметов потребления населения, — следовательно, сократить потребление населения и поставить страну перед экономическим кризисом.

Такова конкретная картина движения нового экономического кризиса в капиталистических странах.

Понятно, что такой неблагоприятный оборот хозяйственных дел не мог не привести к обострению отношений между державами. Уже предыдущий кризис перепутал все карты и привел к обострению борьбы из-за рынков сбыта, из-за источников сырья. Захват Японией Манчжурии и Северного Китая, захват Италией Абиссинии, — все это отразило остроту борьбы между державами. Новый экономический кризис должен привести и действительно приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем военных действий.

Япония стала оправдывать свои агрессивные действия тем, что при заключении договора 9-ти держав ее обделили и не дали расширить свою территорию за счет Китая, тогда как Англия и Франция владеют громадными колониями. Италия вспомнила, что ее обделили при разделе добычи после первой империалистической войны и что она должна возместить себя за счет сфер влияния Англии и Франции. Германия, серьезно пострадавшая в результате первой империалистической вой-

ны и версальского мира, присоединилась к Японии и Италии и потребовала расширения своей территории в Европе, возвращения колоний, отнятых у нее победителями в первой империалистической войне.

Так стал складываться блок трех агрессивных государств.

На очереди встал вопрос о новом переделе мира посредством войны.

2. ОБОСТРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ, КРУШЕНИЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ СИСТЕМЫ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ, НАЧАЛО НОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Вот перечень важнейших событий за отчетный период, положивших начало новой империалистической войне. В 1935 году Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 года Германия и Италия организовали восстание интервенцию в Испании, при чем Германия утвердилась на севере Испании и в Испанском Марокко, а Италия — на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 году Япония, после захвата Манчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 года Германия захватила Австрию, а осенью 1938 года — Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 года Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. — остров Хайнань.

Таким образом, война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию, от Тяньцзиня, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара.

После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на Дальнем Востоке — договор девяти держав, а в Европе — версальский и целый ряд других договоров. Лига наций призвана была регулировать отношения между странами в рамках этого режима на основе единого фронта государств, на

основе коллективной защиты безопасности государств. Однако три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война опрокинули вверх дном всю эту систему послевоенного мирного режима. Япония разорвала договор девяти держав, Германия и Италия — версальский договор. Чтобы освободить себе руки, все эти три государства вышли из Лиги наций.

Новая империалистическая война стала фактом.

В наше время не так-то легко сорвать с сразу с цепи и ринуться прямо в войну, не считаясь с разного рода договорами, не считаясь с общественным мнением. Буржуазным политикам известно это достаточно хорошо. Известно это также фашистским заправилам. Поэтому фашистские заправилы, раньше чем ринуться в войну, решили известным образом обработать общественное мнение, т. е. ввести его в заблуждение, обмануть его.

Военный блок Германии и Италии против интересов Англии и Франции в Европе? Помилуйте, какой же это блок! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидная «ось Берлин—Рим», т. е. некоторая геометрическая формула насчет оси. (Смех).

Военный блок Германии, Италии и Японии против интересов США, Англии и Франции на Дальнем Востоке? Ничего подобного! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидный «треугольник Берлин—Рим—Токио», т. е. маленькое увлечение геометрией. (Общий смех).

Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! «Мы ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте «антикоминтерновский пакт», заключенный между Италией, Германией и Японией.

Так думали обработать общественное мнение господа агрессоры, хотя не трудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать «очаги» Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в джунглях испанского Марокко. (Смех).

Но война неумолима. Ее нельзя скрыть

никакими покровами. Ибо никакими «осями», «треугольниками» и «антикоминтерновскими пактами» невозможно скрыть тот факт, что Япония захватила за это время громадную территорию Китая, Италия — Абиссинию, Германия — Австрию и Судетскую область, Германия и Италия вместе — Испанию, — все это вопреки интересам неагрессивных государств. Война так и осталась войной, военный блок агрессоров — военным блоком, а агрессоры — агрессорами.

Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой.

Таким образом, на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств без каких-либо попыток отпора и даже при некотором попустительстве со стороны последних.

Невероятно, но факт.

Чем объяснить такой односторонний и странный характер новой империалистической войны?

Как могло случиться, что неагрессивные страны, располагающие громадными возможностями, так легко и без отпора отказались от своих позиций и своих обязательств в угоду агрессорам?

Не объясняется ли это слабостью неагрессивных государств? Конечно, нет! Неагрессивные, демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом и в военном отношении.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств агрессорам?

Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну, и война примет мировой характер. Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая

мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах.

Но это сейчас не единственная и даже не главная причина. Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего, Англии и Франции от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета».

Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!

Взять, например, Японию. Характерно, что перед началом вторжения Японии в Северный Китай все влиятельные французские и английские газеты громогласно кричали о слабости Китая, об его неспособности сопротивляться, о том, что Япония с ее армией могла бы в два-три месяца покорить Китай. Потом европейско-американские политики стали выжидать и наблюдать. А потом, когда Япония развернула военные действия, уступили ей Шанхай, сердце иностранного капитала в Китае, уступили Кантон, очаг монопольного английского влияния в Южном Китае, уступили Хайнань, дали окружить Гонконг. Не правда ли, все это очень по-

хоже на поощрение агрессора: дескать, влезай дальше в войну, а там посмотрим.

Или, например, взять Германию. Уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать ее самостоятельность, уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о «слабости русской армии», о «разложении русской авиации», о «беспорядках» в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начинайте войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо. Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора.

Характерен шум, который подняла англо-французская и северо-американская пресса по поводу Советской Украины. Дятелы этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения к так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью подлить ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований.

Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т. е. Советскую Украину, к козявке, т. е. к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смиренных рубах для таких сумасшедших. (Взрыв аплодисментов). Но если отбросить прочь сумасшедших и обратиться к нормальным людям, то разве не ясно, что смешно и глупо говорить серьезно о присоединении Советской Украины к так называемой Карпатской Украине? Подумайте только. Пришла козявка к слону и говорит ему, подбоченясь: «Эх ты, братец ты мой, до чего мне тебя жалко... Живешь ты без помещиков, без капиталистов, без национального гнета, без фашистских

заправил,—какая ж это жизнь... Гляжу я на тебя и не могу не заметить,—нет тебе спасения, кроме как присоединиться ко мне... (Общий смех). Ну что ж, так и быть, разрешаю тебе присоединить свою небольшую территорию к моей необъятной территории...» (Общий смех и аплодисменты).

Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «подхода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, проверенные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом.

Таково действительное лицо господствующей ныне политики невмешательства. Такова политическая обстановка в капиталистических странах.

3. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ.

Война создала новую обстановку в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности. Подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств. Пацифизм и проекты разоружения оказались похороненными в гроб. Их место заняла лихорадка вооружения. Стали вооружать-

ся все от малых до больших государств, в том числе и прежде всего государства, проводящие политику невмешательства. Никто уже не верит в елейные речи о том, что мюнхенские уступки агрессорам и мюнхенское соглашение положили, будто бы, начало новой эре «умиротворения». Не верят в них также сами участники мюнхенского соглашения, Англия и Франция, которые не менее других стали усиливать свое вооружение.

Попытно, что СССР не мог пройти мимо этих грозных событий. Несомненно, что всякая даже небольшая война, начатая агрессорами где-либо в отдаленном уголке мира, представляет опасность для миролюбивых стран. Тем более серьезную опасность представляет новая империалистическая война, успешная уже втянуть в свою орбиту более пятисот миллионов населения Азии, Африки, Европы. Ввиду этого наша страна, неуклонно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности нашей Красной армии, нашего Красного Военно-Морского флота.

Вместе с тем в интересах укрепления своих международных позиций Советский Союз решил предпринять и некоторые другие шаги. В конце 1934 г. наша страна вступила в Лигу наций, исходя из того, что, несмотря на ее слабость, она все же может пригодиться, как место разоблачения агрессоров и как некоторый, хотя и слабый, инструмент мира, могущий тормозить развязывание войны. Советский Союз считает, что в такое тревожное время не следует пренебрегать даже такой слабой международной организацией, как Лига наций. В мае 1935 г. была заключен договор между Францией и Советским Союзом о взаимной помощи против возможного нападения агрессоров. Одновременно с этим был заключен аналогичный договор с Чехословакией. В марте 1936 г. Советский Союз заключил договор с Монгольской Народной Республикой о взаимной помощи. В августе 1937 г. был заключен договор о взаимном ненападении между Советским Союзом и Китайской Республикой.

В этих трудных международных условиях проводил Советский Союз свою

внешнюю политику, отстаивая дело сохранения мира.

Внешняя политика Советского Союза ясна и понятна:

1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства.

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины.

4. Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ.

Такова внешняя политика Советского Союза. (Бурные продолжительные аплодисменты).

В своей внешней политике Советский Союз опирается:

1. На свою растущую хозяйственную, политическую и культурную мощь;

2. На морально-политическое единство нашего советского общества;

3. На дружбу народов нашей страны;

4. На свою Красную армию и Военно-Морской Красный флот;

5. На свою мирную политику;

6. На моральную поддержку трудящихся всех стран, кровно заинтересованных в сохранении мира;

7. На благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным причинам в нарушении мира.

***

Задачи партии в области внешней политики:

1. Проводить и вырешать политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками;

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной армии и Военно-Морского Красного флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами.

II

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Перейдем к внутреннему положению нашей страны.

С точки зрения внутреннего положения Советского Союза отчетный период представляет картину дальнейшего подъема всего народного хозяйства, роста культуры, укрепления политической мощи страны.

Наиболее важным результатом в области развития народного хозяйства за отчетный период нужно признать завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой, современной техники. У нас нет уже больше, или почти нет больше старых заводов с их отсталой техникой и старых крестьянских хозяйств с их допотопным оборудованием.

Основу нашей промышленности и земледелия составляет теперь новая, современная техника. Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной, где старое оборудование висит на ногах у производства и тормозит дело развития новой техники.

В области общественно-политического развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один

общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества, укрепление дружбы народов нашей страны и, как результат всего этого, — полную демократизацию политической жизни страны, создание новой Конституции. Никто не смеет оспаривать, что наша Конституция является наиболее демократической в мире, а результаты выборов в Верховный Совет СССР, равно как и в Верховные Советы союзных республик — наиболее показательными.

В итоге всего этого мы имеем полную устойчивость внутреннего положения и такую прочность власти в стране, которой могло бы позавидовать любое правительство в мире.

Рассмотрим конкретные данные об экономическом и политическом положении нашей страны.

1. ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

а) **Промышленность.** Движение нашей промышленности за отчетный период представляет картину неуклонного подъема. Подъем этот отражает не только рост продукции вообще, но, прежде всего, — процветание социалистической промышленности, с одной стороны, гибель частной промышленности, с другой стороны.

Вот соответствующая таблица:

РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ЗА 1934-1938 гг.

В процентах к предыдущему году.

1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1934г.	1935г.	1936г.	1937 г.	1938 г.	1938 г.
											в %/о к 1933 г.

В МЛН. РУБ. В ЦЕНАХ 1926-27 г.

Вся продукция	42030	50477	62137	80929	90166	100375	120,1	123,1	130,2	111,4	111,3	238,8
В том числе:												
1. Социалистичес. промышлен.	42002	50443	62114	80898	90138	100349	120,1	123,1	130,2	111,4	111,3	238,9
2. Частная промышленность	28	34	23	31	28	26	121,4	67,6	134,8	90,3	92,9	92,9

В П Р О Ц Е Н Т А Х.

Вся продукция	100	100	100	100	100	100						
В том числе:												
1. Социалистичес. промышлен.	99,93	99,93	99,96	99,96	99,97	99,97						
2. Частная промышленность	0,07	0,07	0,04	0,04	0,03	0,03						

Из этой таблицы видно, что наша промышленность выросла за отчетный период более, чем в два раза, при чем весь рост продукции шел за счет социалистической продукции.

Из этой таблицы видно далее, что социалистическая система является единственной системой промышленности СССР.

Из этой таблицы видно, наконец, что окончательная гибель частной промышленности является фактом, которого не могут отрицать теперь даже слепые.

Гибель частной промышленности нельзя считать случайностью. Она погибла, прежде всего, потому, что социалистическая система хозяйства является высшей системой в сравнении с системой капиталистической. Она погибла, во-вторых, потому, что социалистическая система хозяйства дала нам возможность в несколько лет переоборудовать всю нашу социалистическую промышленность на новой, современной технической базе. Такой возможности не дает и не может дать капи-

листическая система хозяйства. Это значит, что с точки зрения техники производства, с точки зрения объема насыщенности промышленного производства новой техникой, наша промышленность стоит первом месте в мире.

Если взять темпы роста нашей промышленности в процентах к довоенному уровню и сравнить их с темпами роста промышленности главных капиталистических стран, то получится следующая картина:

РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР И ГЛАВНЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН за 1913-1938 гг.

	1913 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
СССР	100,0	380,5	457,0	562,6	732,7	816,4	908,8
США	100,0	108,7	112,9	128,6	149,8	156,9	120,0
Англия	100,0	87,0	97,1	104,0	114,2	121,9	113,3
Германия	100,0	75,4	90,4	105,9	118,1	129,3	131,6
Франция	100,0	107,0	99,0	94,0	98,0	101,0	93,2

Из этой таблицы видно, что наша промышленность выросла в сравнении с довоенным уровнем более, чем в девять раз, тогда как промышленность главных капиталистических стран продолжает топтаться вокруг довоенного уровня, превышая его всего лишь на 20-30 процентов.

Это значит, что по темпам роста наша социалистическая промышленность стоит на первом месте в мире.

Выходит, таким образом, что по темпам производства и темпам роста нашей промышленности мы уже догнали и переняли главные капиталистические страны.

В чем же мы отстаем? Мы все еще отстаем в экономическом отношении, т. е. в отношении размеров нашего промышленного производства на душу населения. Мы произвели в 1938 г. около 15 миллионов тонн чугуна, а Англия — 7 миллионов тонн. Казалось бы, дело обстоит у нас лучше, чем в Англии. Но если разложить эти тонны чугуна на количество населения, то получается, что в Англии на каждую душу населения в 1938 году приходилось 145 килограммов чугуна, а в СССР — всего 87 килограммов. Или еще: Англия произвела в 1938 г. 10 миллионов и 800 тысяч тонн стали и около 29 миллиардов киловатт-часов (производство электроэнергии), а СССР произвел 18 миллионов тонн стали и более 39 миллиардов киловатт-часов. Казалось бы, дело у нас обстоит лучше, чем в Англии. Но если разложить все эти тонны и киловатт-часы на количество населения, то получается, что в Англии приходилось на

каждую душу населения в 1938 году 226 килограммов стали и 620 киловатт-часов, тогда как в СССР приходилось всего 107 килограммов стали и 233 киловатт-часа на душу населения.

В чем же дело? А в том, что населения у нас в несколько раз больше, чем в Англии, стало быть и потребностей больше, чем в Англии: в Советском Союзе 170 миллионов населения, а в Англии не более 46 миллионов. Экономическая мощь промышленности выражается не в объеме промышленной продукции вообще, безотносительно к населению страны, а в объеме промышленной продукции, взятом в его прямой связи с размерами потребления этой продукции на душу населения. Чем больше приходится промышленной продукции на душу населения, тем выше экономическая мощь страны, и наоборот, чем меньше приходится продукции на душу населения, тем ниже экономическая мощь страны и ее промышленности. Следовательно, чем больше населения в стране, тем больше в стране потребностей в предметах потребления, стало быть, тем больше должен быть объем промышленного производства такой страны.

Взять, например, производство чугуна. Чтобы перегнать Англию экономически в области производства чугуна, производство которого составляло там в 1938 году 7 млн. тонн, нам нужно довести ежегодную выплавку чугуна до 25 миллионов тонн. Чтобы перегнать экономически Германию, которая произвела в 1938 году всего 18 миллионов тонн чугуна, нам нуж-

но довести ежегодную выплавку чугуна до 40-45 миллионов тонн. А чтобы перегнать США экономически, имея в виду не уровень 1938 кризисного года, когда США произвели всего 18,8 миллиона тонн чугуна, а уровень 1929 года, когда в США был подъем промышленности и когда там производилось около 43 миллионов тонн чугуна, мы должны довести ежегодную выплавку чугуна до 50-60 миллионов тонн.

То же самое нужно сказать о производстве стали, проката, о машиностроении и т. д., так как все эти отрасли промышленности, как и остальные отрасли, зависят в последнем счете от производства чугуна.

Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе.

Что требуется для того, чтобы перегнать экономически главные капиталистические страны? Для этого требуется, прежде всего, серьезное и неукротимое желание идти вперед и готовность пойти на жертвы, пойти на серьезные капитальные вложения для всемерного расширения нашей социалистической промышленности. Есть ли у нас эти данные? Безусловно есть! Для этого требуется, далее, наличие высокой техники производства и высоких темпов развития промышленности. Есть ли у нас эти данные? Безусловно есть! Для этого требуется, наконец, время. Да, товарищи, время. Нужно строить новые заводы. Нужно ковать новые кадры для промышленности. Но для этого необходимо время, и не малое. Невозможно в 2-3 года перегнать экономически главные капиталистические страны. Для этого требуется несколько больше времени. Взять, например, тот же чугун и его производство. В продолжении какого периода времени можно перегнать экономически главные

капиталистические страны в области производства чугуна? Некоторые работники Госплана старого состава предлагали при составлении второго пятилетнего плана запланировать производство чугуна к концу второй пятилетки в размере 60 миллионов тонн. Это значит, что они исходили из возможности среднегодового прироста выплавки чугуна в размере 10 миллионов тонн. Это была, конечно, фантастика, если не хуже. Впрочем, эти товарищи ударились в фантастику не только в области производства чугуна. Они считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения в СССР должен составить три-четыре миллиона человек, или даже больше этого. Это тоже была фантастика, если не хуже. Но если отбросить прочь фантазеров и стать на реальную почву, то можно принять, как вполне возможный, среднегодовой прирост выплавки чугуна в размере двух-двух с половиной миллионов тонн, имея в виду нынешнее состояние техники выплавки чугуна. История промышленности главных капиталистических стран, так же как и нашей страны, показывает, что эта норма ежегодного прироста является напряженной, но вполне достижимой.

Стало быть, требуется время, и не малое, для того, чтобы перегнать экономически главные капиталистические страны. И чем выше будет у нас производительность труда, чем более совершенствоваться будет у нас техника производства, тем скорее можно будет выполнить эту важнейшую экономическую задачу, тем больше можно будет сократить сроки выполнения этой задачи.

б) **Сельское хозяйство.** Развитие сельского хозяйства шло за отчетный период, так же как и развитие промышленности, по линии подъема. Подъем этот выражается не только в росте сельскохозяйственной продукции, но, прежде всего, в росте и укреплении социалистического сельского хозяйства, с одной стороны, гибель единоличного хозяйства, с другой стороны. В то время как посевная площадь зерновых у колхозов выросла с 75 миллионов в 1933 г. до 92 миллионов гектаров в 1938 г., посевная площадь зерновых у единоличников сократилась за этот период с 15,7 миллиона гектаров до 600 тысяч гектаров, т. е. до 0,6 процента всей по-

зной площади зерновых. Я уже не говорю о посевных площадях по техническим культурам, где роль единоличного хозяйства сведена к нулю. Известно, кроме того, что в колхозах объединено теперь 8 млн. 800 тысяч крестьянских дворов, т. е. 93,5 процента всех крестьянских дворов, не считая рыболовецких и промышленных колхозов.

Это значит, что колхозы окончательно закреплены и упрочены, а социалистическая система хозяйства является теперь единственной формой нашего земледелия.

Если сравнить движение посевных площадей по всем культурам за отчетный период с размерами посевных площадей дореволюционного периода, то получится следующая картина:

ПОСЕВНЫЕ ПЛОЩАДИ ВСЕХ КУЛЬТУР ПО СССР

	В миллионах гектаров.						1938 г. в % к 1913 г.
	1913 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	
Вся посевная площадь	105,0	131,5	132,8	133,8	135,3	136,9	130,4
В том числе:							
а) зерновые	94,4	104,7	103,4	102,4	104,4	102,4	108,5
б) технические	4,5	10,7	10,6	10,8	11,2	11,0	244,4
в) огородно-бахчевые	3,8	8,8	9,9	9,8	9,0	9,4	247,4
г) кормовые	2,1	7,1	8,6	10,6	10,6	14,1	671,4

Из этой таблицы видно, что посевные площади выросли у нас по всем культурам и прежде всего—по линии кормовых, технических и огородно-бахчевых культур.

Это значит, что наше земледелие становится более квалифицированным и про-

дуктивным, а внедрение правильного севооборота получает под собою реальную почву.

Как росла вооруженность наших колхозов и совхозов тракторами, комбайнами и другими машинами за отчетный период,—ответ на это дают следующие таблицы:

1) ТРАКТОРНЫЙ ПАРК В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в % к 1933 г.
А) КОЛИЧЕСТВО ТРАКТОРОВ (В ТЫС. ШТ.)							
Всего тракторов	210,9	276,4	360,3	422,7	454,5	483,5	229,3
В том числе:							
а) тракторов в МТС	123,2	177,3	254,7	328,5	365,8	394,0	319,8
б) тракторов в совхозах и подсобных с-х. предприятиях	83,2	95,5	102,1	88,5	84,5	85,0	102,2
Б) МОЩНОСТЬ В ТЫС. ЛОШ. СИЛ							
Всех тракторов	3209,2	4462,8	6184,0	7672,4	8385,0	9256,2	288,4
В том числе:							
а) тракторов в МТС	1758,1	2753,9	4281,6	5856,0	6679,2	7437,0	423,0
б) тракторов в совхозах и подсобных с-х. предприятиях	1401,7	1669,5	1861,4	1730,7	1647,5	1751,8	125,0

2) ПАРК КОМБАЙНОВ И ДРУГИХ МАШИН В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР (в тыс. штук; на конец года)

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в % к 1933 г.
Комбайны	25,4	32,3	50,3	87,8	128,8	153,5	604,3
Двигатели внутреннего сгорания и локомобили	48,0	60,9	69,1	72,4	77,9	83,8	174,6

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в % к 1933 г.
Сложные и полусложные зерновые машины	120,3	121,9	120,1	123,7	126,1	130,8	108,7
Грузовые автомобили	26,6	40,3	63,7	96,2	144,5	195,8	736,1
Легковые автомобили (в шт.)	3991	5533	7555	7630	8156	9594	240,4

Если к этим цифрам добавить тот факт, что количество машино-тракторных станций за отчетный период выросло у нас с 2900 единиц в 1934 г. до 6350 единиц в 1938 г., то можно на основании всех этих данных с уверенностью сказать, что реконструкция нашего земледелия на основе новой, современной техники—уже завершена в основном.

Наше земледелие является, следова-

тельно, не только наиболее крупным и механизированным, а значит и наиболее товарным земледелием, но и наиболее оснащенным современной техникой, чем земледелие любой другой страны.

Если взять движение роста продукции зерновых и технических культур за отчетный период в сравнении с дореволюционным периодом, то данные дают следующую картину:

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ ЗЕРНОВЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПО СССР

	В миллионах центнеров						1938 г. к 1913 г.
	1913 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. к 1913 г.
Зерновые	801,0	894,0	901,0	827,3	1202,9	949,9	118,6
Хлопок (сырец)	7,4	11,8	17,2	23,9	25,8	26,9	363,5
Лен (волокно)	3,3	5,3	5,5	5,8	5,7	5,46	165,5
Сахарная свекла	109,0	113,6	162,1	168,3	218,6	166,8	153,0
Масличные	21,5	36,9	42,7	42,3	51,1	46,6	216,7

Из этой таблицы видно, что, несмотря на засуху в восточных и юго-восточных районах в 1936 г. и в 1938 г. и несмотря на небывало высокий урожай в 1913 году, рост валовой продукции зерна и технических культур шел у нас за отчетный период неуклонно вверх в сравнении с уровнем 1913 года.

Особенно интересен вопрос о товарности колхозно-совхозного зернового производства. Известный статистик т. Немчинов высчитал, что из 5 миллиардов пудов валовой продукции зерна в довоенное время на рынок отпускалось товарного зерна всего около 1 миллиарда 300 миллионов пудов, что составляет 26 процентов товарности тогдашнего зернового производства. Тов. Немчинов считает, что товарность колхозного и совхозного производства, как производства крупного, например, в 1926-1927 годах составляла около 47 процентов валовой продукции, а товарность единоличного крестьянского хозяйства—около 12 процентов. Если подойти к делу более осторожно и принять товарность колхозно-совхозного про-

изводства в 1938 году в 40 процентов валового производства, то получится, что наше социалистическое зерновое хозяйство могло отпустить и действительно отпустило в этом году на сторону около двух миллиардов и трехсот миллионов пудов товарного зерна, т. е. на 1 миллиард пудов больше товарного зерна, чем довоенное зерновое производство.

Следовательно, высокая товарность совхозно-колхозного производства является его важнейшей особенностью, имеющей серьезнейшее значение для снабжения страны.

В этой именно особенности колхозов и совхозов заключается секрет того, что нашей стране удалось так легко и быстро разрешить зерновую проблему, проблему достаточного снабжения громадной страны товарным зерном.

Следует отметить, что за последние три года ежегодные заготовки зерна не опускались у нас ниже миллиарда шестисот миллионов пудов зерна, подымаясь иногда, например, в 1937 году до миллиарда 800 миллионов пудов. Если добавить к этому,

около 200 миллионов ежегодной закупки зерна да несколько сот миллионов по линии колхозной торговли зерном, то мы получим в общем ту сумму отпуска на сторону товарного хлеба колхозами и совхозами, о которой упоминалось выше.

Интересно, далее, отметить, что за последние три года база товарного зерна переместилась из Украины, которая считалась раньше житницей нашей страны, на север и восток, т. е. в РСФСР. Известно, что за последние два-три года Украина заготавливает зерна всего около 400 миллионов пудов ежегодно, тогда как

РСФСР заготавливает за эти годы ежегодно миллиард сто—миллиард двести миллионов пудов товарного зерна.

Так обстоит дело с зерновым производством.

Что касается животноводства, то и в этой, наиболее отсталой, отрасли сельского хозяйства намечались за последние годы серьезные сдвиги. Правда, по конскому поголовью и овцеводству мы еще отстаем от дореволюционного уровня, но по крупному рогатому скоту и свиноводству мы уже перевалили дореволюционный уровень.

Вот данные на этот счет:

ПОГОЛОВЬЕ СКОТА ПО СССР

(в млн. голов)

	1916 г. по дан- ным пе- реписи	Н а и ю л ь м е с я ц						1938 г. в процентах	
		1933	1934	1935	1936	1937	1938г.	к 1916 г. по перс- писи	к 1933 г.
Лошади	35.8	16.6	15.7	15.9	16.6	16.7	17.5	48,9	105,6
Крупный рогатый скот	60.6	38.4	42.4	49.2	56.7	57.0	63.2	104,3	164,2
Овцы и козы	121.2	50,2	51.9	61.1	73.7	81.3	102.5	84,6	204,
Свиньи	20.9	12.1	17,4	22,5	30,5	22,8	30,6	146,4	252,9

Не может быть сомнения, что отсталость в области коневодства и овцеводства будет ликвидирована в кратчайший срок.

в) **Товарооборот, транспорт.** Вместе с подъемом промышленности и сельского хозяйства рос и товарооборот в стране. Розничная сеть государственной и коопе-

ративной торговли выросла за отчетный период на 25 процентов. Розничный оборот государственной и кооперативной торговли вырос на 178 процентов. Оборот колхозно-базарной торговли вырос на 112 процентов.

Вот соответствующая таблица:

ТОВАРООБОРОТ

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в % к 1933 г.
1. Розничная сеть государственной и кооперативной торговли (магазины и палатки)—на конец года	285355	286236	268713	289473	327361	356930	125,1
2. Розничный оборот государственной и кооперативной торговли (включая общественное питание)—в млн. руб.	49789,2	61814,7	81712,1	106760,9	125943,2	138574,3	278,3
3. Оборот колхозной базарной торговли—в млн. руб.	11500,0	14000,0	14500,0	15607,2	17799,7	24399,2	212,2
4. Областные торговые базы сбытов Наркомпищепрома, НК Лг-прома Наркомтяжпрома, НКЛеса, НКМестпромов союзных республик—на конец года.	718	836	1141	1798	1912	1994	277,7

Понятно, что товарооборот в стране не мог бы так развернуться без известного

роста транспортных перевозок. И действительно, перевозки выросли за отчетный

период по всем видам транспорта, особенно по железнодорожному и воздушному транспорту. Перевозки выросли также по водному транспорту, но с большими колебаниями, а в 1938 году перевозки по вод-

ному транспорту дали, к сожалению, некоторое снижение в сравнении с предыдущим годом.

Вот соответствующая таблица:

ГРУЗОБОРОТ

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г.	
							в%	% к 1933 г.
Железные дороги (в миллиардах тонно-километров)	169,5	205,7	258,1	323,4	354,8	369,1	217,7	
Речной и морской транспорт (в миллиардах тонно-километров)	50,2	56,5	68,3	72,3	70,1	66,0	131,5	
Гражданский воздушный флот (в миллионах тонно-километров)	3,1	6,4	9,8	21,9	24,9	31,7	1022,6	

Не может быть сомнения, что некоторая отсталость водного транспорта в 1938 году будет ликвидирована в 1939 году.

2. ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЪЕМ МАТЕРИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАРОДА.

Продолжающийся подъем промышленности и сельского хозяйства не мог не привести и действительно привел к новому росту материального и культурного положения народа.

Уничтожение эксплуатации и укрепление социалистической системы в народном хозяйстве, отсутствие безработицы и связанной с ней нищеты в городе и деревне, громадное расширение промышленности и непрерывный рост численности рабочих, рост производительности труда рабочих и колхозников, закрепление земли павечно за колхозами и снабжение колхозов громадным количеством первоклассных тракторов и сельскохозяйственных машин,— все это создало реальные условия для дальнейшего роста материального положения рабочих и крестьян. Улучшение же материального положения рабочих и крестьян естественно привело к улучшению материального положения интеллигенции, представляющей значительную силу нашей страны и обслуживающей интересы рабочих и крестьян.

Теперь уже речь идет не о том, чтобы пристроить как-нибудь в промышленности и взять из милости на работу безработных и бездомных крестьян, отбившихся от деревни и живущих под страхом голода. Таких крестьян давно уже нет в нашей стране. И это, конечно, хорошо, ибо

оно свидетельствует о зажиточности нашей деревни. Теперь речь может идти лишь о том, чтобы предложить колхозам уважить нашу просьбу и отпустить нам для растущей промышленности ежегодно хотя бы около полтора миллиона молодых колхозников. Колхозы, ставшие уже зажиточными, должны иметь в виду, что без такой помощи с их стороны очень трудно будет расширять дальше нашу промышленность, а без расширения промышленности—не сможем удовлетворить растущий спрос крестьян на товары массового потребления. Колхозы имеют полную возможность удовлетворить эту нашу просьбу, так как обилие техники в колхозах освобождает часть работников в деревне, а эти работники, переведенные в промышленность, могли бы принести громадную пользу всему нашему народному хозяйству.

В итоге мы имеем следующие показатели улучшения материального положения рабочих и крестьян за отчетный период:

1. Народный доход возрос с 48,5 миллиарда рублей в 1933 г. до 105,0 миллиардов рублей в 1938 г.;

2. Численность рабочих и служащих поднялась с 22 миллионов с лишним человек в 1933 г. до 28 миллионов человек в 1938 г.;

3. Годовой фонд заработной платы рабочих и служащих вырос с 34.953 миллионов рублей до 96.425 миллионов рублей;

4. Среднегодовая заработная плата р

бочих промышленности, составлявшая в 1933 г. 1513 рублей, поднялась до 3447 рублей в 1938 г.;

5. Денежные доходы колхозов поднялись с 5.661,9 миллиона рублей в 1933 г. до 14.180,1 миллиона рублей в 1937 г.;

6. Средняя выдача зерна в зерновых районах на один колхозный двор поднялась с 61 пуда в 1933 году до 144 пудов в 1937 году, не считая семян, семенных страховых фондов, кормового фонда для общественного скота, зернопоставок, натуроплаты работ МТС;

7. Государственные ассигнования по бюджету на социально-культурные мероприятия возросли с 5.839,9 миллиона

рублей в 1933 г. до 35.202,5 миллиона рублей в 1938 году.

Что касается культурного положения народа, то его подъем шел вслед за подъемом материального положения народа.

С точки зрения культурного развития народа отчетный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь всеобщего обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции,—такова общая картина культурного подъема народа.

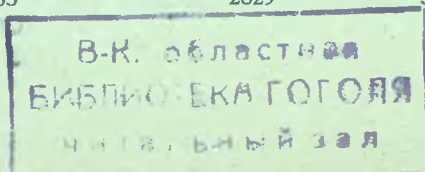
Вот данные на этот счет:

1) ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ НАРОДА

Показатели	Единица измерения	1933/34 г.	1938/39 г.	1938/39 г. в % к 1933/34 г.
Число учащихся в школах всех ступеней	Тысяч человек	23814	33965,4	142,6
В том числе:				
По начальному образованию	Тысяч человек	17873,5	21288,4	119,1
По среднему образованию (общему и специальному)	Тысяч человек	5482,2	12076,0	220,3
По высшему образованию	Тысяч человек	458,3	601,0	131,1
Число обучающихся в СССР (включая все виды обучения)	Тысяч человек	—	47442,1	—
Число массовых библиотек	Тысяч	40,3	70,0	173,7
Число книг в них	Млн.	86,0	126,6	147,2
Число клубных учреждений	Тысяч	61,1	95,6	156,5
Число театров	Единиц	587	790	134,6
Число киноустановок (без узкоплечных)	Единиц	27467	30461	110,9
В том числе звуковых	Единиц	498	15202	В 31 раз
Число киноустановок (без узкоплечных) на селе	Единиц	17470	18991	108,7
В том числе звуковых	Единиц	24	6670	В 278 раз
Годовой тираж газет	Млн.	4984,6	7092,4	142,3

2) ПОСТРОЕНО ШКОЛ ЗА 1933-1938 гг. по СССР

Г О Д Ы	Ч и с л о ш к о л		
	В городах и поселенных городского типа	В сельских местностях	Всего
1933	326	3261	3587
1934	577	3488	4065
1935	533	2829	3362

Г О Д Ы	Ч и с л о ш к о л		
	В городах и посе- лениях городского типа	В сельских местностях	Всего
1936	1505	4206	5711
1937	730	1323	2053
1938 г.	583	1246	1829
Всего за 1933-38 г. г.	4254	16353	20607

3) ВЫПУЩЕНО МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗА 1933-1938 гг. (в тыс.)

	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Всего по СССР (не считая военных специалистов)	34,6	49,2	83,7	97,6	104,8	106,7
1. Инженеры промышленности и строительства	6,1	14,9	29,6	29,2	27,6	25,2
2. Инженеры транспорта и связи	1,8	4,0	7,6	6,6	7,0	6,1
3. Инженеры по механизации сельского хозяйства, агрономы, ветеринарные врачи и зоотехники	4,8	6,3	8,8	10,4	11,3	10,6
4. Экономисты и юристы	2,5	2,5	5,0	6,4	5,0	5,7
5. Преподаватели средней школы, рабфаков, техникумов и другие работники просвещения, в том числе работники искусства	10,5	7,9	12,5	21,6	31,7	35,7
6. Врачи, провизоры и работники физической культуры	4,6	2,5	7,5	9,2	12,8	13,6
7. Другие специальности	4,3	11,1	12,7	14,2	9,9	9,8

В результате всей этой громадной культурной работы народилась и сложилась у нас многочисленная повая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа, — интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой.

Я думаю, что порождение этой новой, народной, социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране.

3. ДАЛЬНЕЙШЕЕ УПРОЧЕНИЕ СОВЕТСКОГО СТРОЯ.

Один из важнейших результатов отчетного периода состоит в том, что он привел к дальнейшему упрочению внутреннего положения страны, к дальнейшему упрочению советского строя.

Иначе и не могло быть. Утверждение социалистической системы во всех отрас-

лях народного хозяйства, подъем промышленности и сельского хозяйства, подъем материального положения трудящихся, повышение культурности народных масс, повышение их политической активности, — все это, осуществленное под руководством Советской власти, не могло не привести к дальнейшему упрочению советского строя.

Особенность советского общества нынешнего времени, в отличие от любого капиталистического общества, состоит в том, что в нем нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества. В то время как капиталистическое общество раздирается непримиримыми противоречиями между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, что ведет к неустойчивости его внутреннего положения, советское общество, освобожденное от ига эксплу-

тации, не знает таких противоречий, свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм. На этой же основе возникли Конституция СССР, принятая в ноябре 1936 г., и полная демократизация выборов в верховные органы страны.

Что касается самих выборов в верховные органы страны, то они послужили блестящей демонстрацией того самого единства советского общества и той самой дружбы народов СССР, которые составляют характерную особенность внутреннего положения нашей страны. Как известно, на выборах в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г. за блок коммунистов и беспартийных голосовало почти 90 миллионов избирателей, т. е. 98,6 процента всех принимавших участие в голосовании, а на выборах в Верховные Советы союзных республик в июне 1938 г. за блок коммунистов и беспартийных голосовало 92 миллиона избирателей, т. е. 99,4 процента всех принимавших участие в голосовании.

Вот где основа прочности советского строя и источник неосыпаемой силы Советской власти.

Это значит, между прочим, что в случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их однородности и внутреннего единства—будут крепче, чем в любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений.

Некоторые деятели зарубежной прессы болтают, что очищение советских организаций от шпионов, убийц и вредителей, вроде Троцкого, Зиновьева, Каменева, Якира, Тухачевского, Розенгольца, Бухарина и других извергов «поколебало» будто бы советский строй, внесло «разложение». Эта пошлая болтовня стоит того, чтобы поиздеваться над ней. Как может поколебать и разложить советский строй очищение советских организаций от вредных и враждебных элементов? Троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшаяся перед за-

границей, проникнутая рабским чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей и готовая пойти к нему в шпионское услужение, — кучка людей, не понявшая того, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства, — кому нужна эта жалкая банда продажных рабов, какую ценность она может представлять для народа и кого она может «разложить»? В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 г. были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки «разложения» и почему это «разложение» не сказалось на результатах выборов?

Слушая этих иностранных болтунов, можно прийти к выводу, что если бы оставили на воле шпионов, убийц и вредителей и не мешали им вредить, убивать и шпионить, то советские организации были бы куда более прочными и устойчивыми. (Смех). Не слишком ли рано выдают себя с головой эти господа, так нагло защищающие шпионов, убийц, вредителей?

Не вернее ли будет сказать, что очищение советских организаций от шпионов, убийц, вредителей должно было привести и действительно привело к дальнейшему укреплению этих организаций?

О чем говорят, например, события у озера Хасан, как не о том, что очищение советских организаций от шпионов и вредителей является вернейшим средством их укрепления?

***

Задачи партии в области внутренней политики:

1. Развернуть дальше подъем нашей промышленности, рост производительности труда, усовершенствование техники про-

изводства с тем, чтобы, после того, как уже перегнали главные капиталистические страны в области техники производства и темпов роста промышленности,—перегнать их также экономически в течение ближайших 10—15 лет.

2. Развернуть дальше подъем нашего земледелия и животноводства с тем, чтобы в течение ближайших 3-4 лет добиться ежегодного производства зерна 8 миллиардов пудов со средней урожайностью на гектар в 12-13 центнеров, увеличить производство по техническим культурам на 30-35 процентов в среднем, увеличить поголовье овец и свиней вдвое, поголовье крупного рогатого скота — процентов на 40, поголовье лошадей—процентов на 35.

3. Продолжать дальше улучшение материального и культурного положения рабочих, крестьян, интеллигенции.

4. Неуклонно проводить в жизнь нашу социалистическую Конституцию, осуществлять до конца демократизацию политической жизни страны, укреплять морально-политическое единство советского общества и дружественное сотрудничество рабочих, крестьян, интеллигенции, укреплять всемерно дружбу народов СССР, развивать и культивировать советский патриотизм.

5. Не забывать о капиталистическом окружении, помнить, что иностранная разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вредителей, помнить об этом и укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей бороться и корчевать врагов народа.

III

ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ ВКП(б).

С точки зрения политической линии и повседневной практической работы отчетный период был периодом полной победы генеральной линии нашей партии. **(Бурные продолжительные аплодисменты).**

Утверждение социалистической системы во всем народном хозяйстве, завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой техники, досрочное выполнение второго пятилетнего плана по промышленности, подъем ежегодного производства зерна до уровня 7 миллиардов пудов, уничтожение нищеты и безработицы и подъем материального и культурного положения народа,—таковы основные достижения, демонстрирующие правильность политики нашей партии, правильность ее руководства.

Перед лицом этих грандиозных достижений противники генеральной линии нашей партии, разные там «левые» и «правые» течения, всякие там троцкистско-пятакосские и бухаринско-рыжовские перерожденцы оказались вынужденными смяться в комок, спрятать свои затасканные «платформы» и уйти в подполье. Не имея мужества покориться воле народа, они предпочли слиться с меньшевиками, эсерами, фашистами, пойти в услужение к иностранной разведке, наняться в шпи-

оны и обязаться помогать врагам Советского Союза расчленив нашу страну и восстановить в ней капиталистическое рабство.

Таков бесславный конец противников линии нашей партии, ставших потом врагами народа.

Разгромив врагов народа и очистив от перерожденцев партийные и советские организации, партия стала еще более единой в своей политической и организационной работе, она стала еще более сплоченной вокруг своего Центрального Комитета. **(Бурные аплодисменты. Все делегаты встают и стоя приветствуют докладчика. Возгласы: «Товарищу Сталину — ура! Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует ЦК нашей партии! Ура!»).**

Рассмотрим конкретные данные о развитии внутренней жизни партии, об ее организационной и пропагандистской работе за отчетный период.

1. МЕРЫ УЛУЧШЕНИЯ СОСТАВА ПАРТИИ. РАЗУКРУПНЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ. ПРИБЛИЖЕНИЕ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ К НИЗОВОЙ РАБОТЕ.

Укрепление партии и ее руководящих органов осуществлялось за отчетный пе-

риод в первую очередь по двум линиям: по линии регулирования состава партии, вытеснения ненадежных и отбора лучших, и по линии разукрупнения организаций, уменьшения их размеров и приближения руководящих органов к низовой, оперативной, конкретной работе.

На XVII съезде партии было представлено 1.874.488 членов партии. Если сравнить эти данные с данными о количестве членов партии, представленных на предыдущем, XVI съезде партии, то получится, что за период от XVI съезда партии до XVII съезда в партию прибыло 600 тысяч новых членов партии. Партия не могла не почувствовать, что такой массовый наплыв в партию в условиях 1930-1933 годов является нездоровым и нежелательным расширением ее состава. Партия знала, что в ее ряды идут не только честные и преданные, но и случайные люди, но и карьеристы, стремящиеся использовать знамя партии в своих личных целях. Партия не могла не знать, что она сильна не только количеством своих членов, но, прежде всего, их качеством. В связи с этим встал вопрос о регулировании состава партии. Было решено продолжить чистку членов партии и кандидатов, начатую еще в 1933 году, и она действительно была продолжена до мая 1935 года. Было решено, далее, прекратить прием в партию новых членов, и он действительно был прекращен влить до сентября 1936 года, при чем прием в партию новых членов был возобновлен лишь 1 ноября 1936 года. Далее, в связи с злодейским убийством тов. Кирова, свидетельствовавшим о том, что в партии имеется не мало подозрительных элементов, было решено провести проверку и обмен партийных документов, при чем то и другое было закончено лишь к сентябрю 1936 года. Только после этого был открыт прием в партию новых членов и кандидатов. В результате всех этих мероприятий партия добилась того, что она очистила свои ряды от случайных, пассивных, карьеристских и прямо враждебных элементов, отобрав наиболее стойких и преданных людей. Нельзя сказать, что чистка была проведена без серьезных ошибок. К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить.

Несомненно, что нам не придется больше пользоваться методом массовой чистки. По чистке 1933—1936 гг. была все же неизбежна и она в основном дала положительные результаты. На настоящем XVIII съезде представлено около 1.600 тысяч членов партии, т. е. на 270 тысяч членов партии меньше, чем на XVII съезде. Но в этом нет ничего плохого. Наоборот, это — к лучшему, ибо партия укрепляется тем, что очищает себя от скверны. Партия у нас теперь несколько меньше по количеству ее членов, но зато она лучше по качеству.

Это большое достижение.

Что касается улучшения повседневного партийного руководства в смысле его приближения к низовой работе, в смысле его дальнейшей конкретизации, то партия пришла к тому выводу, что разукрупнение организаций, уменьшение их размеров является наилучшим средством для того, чтобы облегчить партийным органам руководство этими организациями, а само руководство сделать конкретным, живым, оперативным. Разукрупнение шло как по линии наркоматов, так и по линии административно-территориальных организаций, т. е. по линии союзных республик, краев, областей, районов и т. п. В результате принятых мероприятий мы имеем теперь вместо 7 союзных республик 11 союзных республик, вместо 14 наркоматов СССР 34 наркомата, вместо 70 краев и областей 110 краев и областей, вместо 2559 городских и сельских районов 3815. Соответственно с этим в системе руководящих органов партии имеется теперь 11 центральных комитетов во главе с ЦК ВКП(б), 6 краевых комитетов, 104 областных комитета, 30 окружных комитетов, 212 общегородских комитетов, 336 городских районных комитетов, 3479 сельских районных комитетов и 13060 первичных партийных организаций.

Нельзя сказать, что дело разукрупнения организаций уже закончено. Вероятнее всего, что разукрупнение пойдет дальше. Но, как бы то ни было, оно уже дает свои благие результаты как в отношении улучшения повседневного руководства работой, так и в отношении приближения самого руководства к низовой конкретной работе. Я уже не говорю о том, что разукруп-

группирование организаций дало возможность выдвинуть на руководящую работу сотни и тысячи новых людей.

Это тоже большое достижение.

2. ПОДБОР КАДРОВ, ИХ ВЫДВИЖЕНИЕ, ИХ РАССТАНОВКА.

Регулирование состава партии и приближение руководящих органов к конкретной низовой работе не были и не могли быть единственным средством дальнейшего укрепления партии и ее руководства. Другим средством укрепления партии за отчетный период было коренное улучшение работы с кадрами, улучшение дела подбора кадров, их выдвижения, их расстановки, их проверки в процессе работы.

Кадры партии — это командный состав партии, а так как партия стоит у власти, — они являются также командным составом руководящих государственных органов. После того как выработана правильная политическая линия, проверенная на практике, кадры партии становятся решающей силой партийного и государственного руководства. Иметь правильную политическую линию, — это, конечно, первое и самое важное дело. Но этого все же недостаточно. Правильная политическая линия нужна не для декларации, а для проведения в жизнь. Но чтобы претворить в жизнь правильную политическую линию, нужны кадры, нужны люди, понимающие политическую линию партии, воспринимающие ее, как свою собственную линию, готовые провести ее в жизнь, умеющие осуществлять ее на практике и способные отвечать за нее, защищать ее, бороться за нее. Без этого правильная политическая линия рискует остаться на бумаге.

Здесь именно и встает вопрос о правильном подборе кадров, о выращивании кадров, о выдвижении новых людей, о правильной расстановке кадров, об их проверке по проделанной работе.

Что значит правильно подбирать кадры?

Правильно подбирать кадры, это еще не значит набрать себе замов и помов, составить канцелярию и выпускать отсюда разные указания. (Смех). Это также не значит злоупотреблять своей властью, перебрасывать без толку десятки и сотни людей из одного места в другое и обрат-

но и устраивать нескончаемые «реорганизации». (Смех).

Правильно подбирать кадры это значит:

Во-первых, ценить кадры, как золотой фонд партии и государства, дорожить ими, иметь к ним уважение.

Во-вторых, знать кадры, тщательно изучать достоинства и недостатки каждого кадрового работника, знать на каком посту могут легче всего развернуться способности работника.

В-третьих, заботливо выращивать кадры, помогать каждому растущему работнику подняться вверх, не жалеть времени для того, чтобы терпеливо «повозиться» с такими работниками и ускорить их рост.

В-четвертых, во-время и смело выдвигать новые, молодые кадры, не давая им перестояться на старом месте, не давая им закиснуть.

В-пятых, расставить работников по постам таким образом, чтобы каждый работник чувствовал себя на месте, чтобы каждый работник мог дать нашему общему делу максимум того, что вообще способен он дать по своим личным качествам, чтобы общее направление работы по расстановке кадров вполне соответствовало требованиям той политической линии, во имя проведения которой производится эта расстановка.

Особенное значение имеет здесь вопрос о смелом и своевременном выдвижении новых, молодых кадров. Я думаю, что у наших людей нет еще полной ясности в этом вопросе. Одни считают, что при подборе людей надо ориентироваться, главным образом, на старые кадры. Другие, наоборот, думают ориентироваться, главным образом, на молодые кадры. Мне кажется, что ошибаются и те и другие. Старые кадры представляют, конечно, большое богатство для партии и государства. У них есть то, чего нет у молодых кадров — громадный опыт по руководству, марксистско-ленинская принципиальная закалка, знание дела, сила ориентировки. Но, во-первых, старых кадров бывает всегда мало, меньше, чем нужно, и они уже частично начинают выходить из строя в силу естественных законов природы. Во-вторых, у одной части старых кадров бывае иногда склонность упорно смотреть в прошлое, застрять на прошлом, застрять

на старом и не замечать нового в жизни. Это называется потерей чувства нового. Это очень серьезный и опасный недостаток. Что касается молодых кадров, то у них, конечно, нет того опыта, закалки, знания дела и силы ориентировки, которыми обладают старые кадры. Но, во-первых, молодые кадры составляют громадное большинство, во-вторых, они молоды, и им не угрожает, пока-что, выход из строя, в-третьих, у них имеется в избытке чувство нового, — драгоценное качество каждого большевистского работника, и в-четвертых, они растут и просвещаются до того быстро, они прут вверх до того стремительно, что недалеко то время, когда они догонят стариков, станут бок-о-бок с ними и составят им достойную смену. Следовательно, задача состоит не в том, чтобы ориентироваться либо на старые, либо на новые кадры, а в том, чтобы держать курс на сочетание, на соединение старых и молодых кадров в одном общем оркестре руководящей работы партии и государства. (Продолжительные аплодисменты).

Вот почему необходимо своевременно и смело выдвигать молодые кадры на руководящие посты.

Одно из серьезных достижений партии за отчетный период в деле укрепления партийного руководства состоит в том, что она с успехом проводила снизу доверху этот именно курс на сочетание старых и молодых работников в области подбора кадров.

В Центральном Комитете партии имеются данные, из которых видно, что за отчетный период партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тысяч молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии, из них более 20 процентов женщин.

В чем состоит теперь задача?

Задача состоит в том, чтобы взять полностью в одни руки дело подбора кадров снизу доверху и поднять его на должную, научную, большевистскую высоту.

Для этого необходимо покончить с расщеплением дела изучения, выдвижения и подбора кадров по разным отделам и секторам, сосредоточив его в одном месте.

Таким местом должно быть Управление

кадров в составе ЦК ВКП(б) и соответствующий отдел кадров в составе каждой республиканской, краевой и областной парторганизации.

3. ПАРТИЙНАЯ ПРОПАГАНДА. МАРКСИСТСКО ЛЕНИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ.

Есть еще одна область партийной работы, очень важная и очень ответственная, по линии которой осуществлялось за отчетный период укрепление партии и ее руководящих органов, — это партийная пропаганда и агитация, устная и печатная, работа по воспитанию членов партии и кадров партии в духе марксизма-ленинизма, работа по повышению политического и теоретического уровня партии и ее работников.

Едва ли есть необходимость распространяться о серьезнейшем значении дела партийной пропаганды, дела марксистско-ленинского воспитания наших работников. Я имею в виду не только работников партийного аппарата. Я имею в виду также работников комсомольских, профсоюзных, торгово-кооперативных, хозяйственных, советских, просвещенских, военных и других организаций. Можно удовлетворительно поставить дело регулирования состава партии и приближения руководящих органов к низовой работе; можно удовлетворительно поставить дело выдвижения кадров, их подбора, их расстановки; но если при всем этом начинает почему-либо хромать наша партийная пропаганда, если начинает хрипеть дело марксистско-ленинского воспитания наших кадров, если ослабевает наша работа по повышению политического и теоретического уровня этих кадров, а сами кадры перестают в связи с этим интересоваться перспективой нашего движения вперед, перестают понимать правоту нашего дела и превращаются в бесперспективных делеяг, слепо и механически выполняющих указания сверху, — то должна обязательно захрипеть вся наша государственная и партийная работа. Нужно признать, как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодо-

творнее сама работа, тем эффективнее результаты работы, и наоборот, — чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измелчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение. Можно с уверенностью сказать, что, если бы мы сумели подготовить идеологически наши кадры всех отраслей работы и закалить их политически в такой мере, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми марксистами-ленинцами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, — то мы имели бы все основания считать девять десятых всех наших вопросов уже разрешенными. А решить эту задачу мы безусловно можем, ибо у нас есть все средства и возможности, необходимые для того, чтобы разрешить ее.

Выращивание и формирование молодых кадров протекает у нас обычно по отдельным отраслям науки и техники, по специальностям. Это необходимо и целесообразно. Нет необходимости, чтобы специалист-медик был вместе с тем специалистом по физике или ботанике и наоборот. Но есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, — это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма. Ибо нельзя считать действительным ленинцем человека, именующего себя ленинцем, но замкнувшегося в свою специальность, замкнувшегося, скажем, в математику, ботанику или химию и не видящего ничего дальше своей специальности. Ленинец не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки, — он должен быть вместе с тем политиком-общественником, живо интересующимся судьбой своей страны, знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страной. Это будет,

конечно, дополнительной нагрузкой для большевиков-специалистов. Но это будет такая нагрузка, результаты которой окупятся с лихвой.

Задача партийной пропаганды, задача марксистско-ленинского воспитания кадров состоит в том, чтобы помочь нашим кадрам всех отраслей работы овладеть марксистско-ленинской наукой о законах развития общества.

Вопрос о мерах улучшения дела пропаганды и марксистско-ленинского воспитания кадров был предметом единогласного обсуждения ЦК ВКП(б) с участием пропагандистов различных областных парторганизаций. Был учтен при этом выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» в сентябре 1938 года. Было установлено, что выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» кладет начало новому размаху марксистско-ленинской пропаганды в нашей стране. Результаты работ ЦК ВКП(б) опубликованы в известном его постановлении «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском краткого курса истории ВКП(б)».

Исходя из этого постановления и учитывая известные решения мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937 г. «О недостатках партийной работы», ЦК ВКП(б) наметил следующие главные мероприятия по устранению недостатков в области партийной пропаганды и улучшению дела марксистско-ленинского воспитания членов партии и партийных кадров:

1. Сосредоточить в одном месте дело партийной пропаганды и агитации и объединить отделы пропаганды и агитации и отделы печати в едином Управлении пропаганды и агитации в составе ЦК ВКП(б), с организацией соответствующего отдела пропаганды и агитации в составе каждой республиканской, краевой и областной парторганизации;

2. Признавая неправильным увлечение кружковой системой пропаганды и считая более целесообразным метод индивидуального изучения членами партии основ марксизма-ленинизма, сосредоточить внимание партии на пропаганде в печати и организации лекционной системы пропаганды;

3. Организовать в каждом областном

центре годичные Курсы переподготовки для низового звена наших кадров;

4. Организовать в ряде центров нашей страны двухгодичную Ленинскую школу для среднего звена наших кадров;

5. Организовать Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) с трехгодичным курсом для подготовки квалифицированных теоретических кадров партии;

6. Создать в ряде центров нашей страны годичные Курсы переподготовки пропагандистов и газетных работников;

7. Создать при Высшей школе марксизма-ленинизма шестимесячные Курсы для переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма в вузах.

Нет сомнения, что осуществление этих мероприятий, которые уже проводятся, но еще не проведены в достаточной мере, не замедлит дать свои благие результаты.

4. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ.

К числу недостатков нашей пропагандистской и идеологической работы нужно отнести также отсутствие полной ясности среди наших товарищей в некоторых вопросах теории, имеющих серьезное практическое значение, наличие некоторой неразберихи в этих вопросах. Я имею в виду вопрос о государстве вообще, особенно о нашем социалистическом государстве и вопрос о нашей советской интеллигенции.

Иногда спрашивают: «эксплуататорские классы у нас уничтожены, враждебных классов нет больше в стране, подавлять некого, значит, нет больше нужды в государстве, оно должно отмереть, — почему же мы не содействуем отмиранию нашего социалистического государства, почему мы не стараемся покончить с ним, не пора ли выкинуть вон весь этот хлам государственности?»

Или еще: «эксплуататорские классы уже уничтожены у нас, социализм в основном построен, мы идем к коммунизму, а марксистское учение о государстве говорит, что при коммунизме не должно быть никакого государства, — почему мы не содействуем отмиранию нашего социалистического государства, не пора ли сдать государство в музей древностей?»

Эти вопросы свидетельствуют о том, что

их авторы добросовестно заучили отдельные положения учения Маркса и Энгельса о государстве. Но они говорят также о том, что эти товарищи не поняли существа этого учения, не разобрались, в каких исторических условиях вырабатывались отдельные положения этого учения и, особенно, не поняли современной международной обстановки, проглядели факт капиталистического окружения и вытекающих из него опасностей для страны социализма. В этих вопросах сквозит не только недооценка факта капиталистического окружения. В них сквозит также недооценка роли и значения буржуазных государств и их органов, засылающих в нашу страну шпионов, убийц и вредителей и старающихся улучшить минуту для военного нападения на нее, равно как сквозит недооценка роли и значения нашего социалистического государства и его военных, карательных и разведывательных органов, необходимых для защиты страны социализма от нападения извне. Нужно признать, что в этой недооценке грешны не только вышеупомянутые товарищи. В ней грешны также в известной мере все мы, большевики, все без исключения. Разве не удивительно, что о шпионской и заговорщической деятельности верхушки троцкистов и бухаринцев узнали мы лишь последнее время, в 1937-1938 годах, хотя, как видно из материалов, эти господа состояли в шпионах иностранной разведки и вели заговорщическую деятельность уже в первые дни Октябрьской революции? Как мы могли проглядеть это серьезное дело? Чем объяснить этот промах? Обычно отвечают на этот вопрос таким образом: мы не могли предположить, что эти люди могут пасть так низко. Но это не объяснение и тем более не оправдание, ибо факт промаха остается фактом. Чем объяснить такой промах? Объясняется этот промах недооценкой силы и значения механизма окружающих нас буржуазных государств и их разведывательных органов, старающихся использовать слабости людей, их тщеславие, их бесхарактерность для того, чтобы запутать их в свои шпионские сети и окружить ими органы Советского государства. Объясняется он недооценкой роли и значения механизма нашего социалисти-

ческого государства и его разведки, недооценкой этой разведки, болтовней о том, что разведка при Советском государстве — мелочь и пустяки, что советскую разведку, как и само Советское государство, скоро придется сдать в музей древностей.

На какой почве могла возникнуть у нас эта недооценка?

Она возникла на почве недоработанности и недостаточности некоторых общих положений учения марксизма о государстве. Она получила распространение вследствие нашего непозволительно-беспечного отношения к вопросам теории государства, несмотря на то, что мы имеем практический опыт двадцатилетней государственной деятельности, дающий богатый материал для теоретических обобщений, несмотря на то, что у нас есть возможность при желании с успехом восполнить этот теоретический пробел. Мы забыли важнейшее указание Ленина о теоретических обязанностях русских марксистов, призванных разработать дальше теорию марксизма. Вот что говорит Ленин на этот счет:

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социаллисты **должны** двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима **самостоятельная** разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие **руководящие** положения, которые применяются **в частности** к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» (Ленин, т. II стр. 492).

Взять, например, классическую формулу теории развития социалистического государства, данную Энгельсом:

«Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены

вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отмирает», оно **отмирает**» (Ф. Энгельс, «Антидюринг», 1933 г., издание Партиздата, стр. 202).

Правильно ли это положение Энгельса?

Да, правильно, но при одном из двух условий: а) **если** вести изучение социалистического государства с точки зрения только лишь внутреннего развития страны, заранее отвлекаясь от международного фактора, изолируя страну и государство для удобства исследования от международной обстановки, или б) **если** предположить, что социализм уже победил во всех странах или в большинстве стран, вместо капиталистического окружения имеется налицо окружение социалистическое, нет больше угрозы нападения извне, нет больше нужды в усилении армии и государства.

Ну, а если социализм победил только в одной, отдельно взятой стране, и отвлекаться, ввиду этого, от международных условий никак невозможно, — как быть в таком случае? На этот вопрос формула Энгельса не дает ответа. Энгельс собственно и не ставит себе такого вопроса, следовательно, у него не могло быть ответа на этот вопрос. Энгельс исходит из того предположения, что социализм уже победил более или менее одновременно во всех странах или в большинстве стран. Следовательно, Энгельс исследует здесь не то или иное конкретное социалистическое государство той или иной отдельной страны, а развитие социалистического госу-

ства вообще при допущении факта победы социализма в большинстве стран — формуле: «допустим, что социализм победил в большинстве стран, спрашивается—какие изменения должно претерпеть в этом случае пролетарское, социалистическое государство». Только этим широким и абстрактным характером проблемы можно объяснить тот факт, что при исследовании вопроса о социалистическом государстве Энгельс совершенно отвлекается от такого фактора, как международные условия, международная обстановка.

Но из этого следует, что нельзя распространять общую формулу Энгельса о судьбе социалистического государства вообще на частный и конкретный случай победы социализма в одной, отдельно взятой стране, которая имеет вокруг себя капиталистическое окружение, которая подвержена угрозе военного нападения извне, которая не может ввиду этого отвлекаться от международной обстановки и которая должна иметь в своем распоряжении и хорошо обученную армию, и хорошо организованные карательные органы, и крепкую разведку, следовательно, должна иметь свое достаточно сильное государство, — для того, чтобы иметь возможность защищать завоевания социализма от нападения извне.

Целью требовать от классиков марксизма, отделенных от нашего времени периодом в 45-55 лет, чтобы они предвидели все и всякие случаи зигзагов истории в каждой отдельной стране в далеком будущем. Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50-100 лет, с тем, чтобы мы, потомки классиков марксизма имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения. (Общий смех). Но мы можем и должны требовать от марксистов-ленинцев нашего времени, чтобы они не ограничивались заучиванием отдельных общих положений марксизма, чтобы они выискали в существе марксизма, чтобы они научились учитывать опыт двадцатилетнего существования социалистического государства в нашей стране, чтобы они научились, наконец, опираться на этот опыт

и исходя из существа марксизма, конкретизировать отдельные общие положения марксизма, уточнить и улучшить их. Ленин написал свою знаменитую книгу «Государство и революция» в августе 1917 года, т. е. за несколько месяцев до Октябрьской революции и создания Советского государства. Главную задачу этой книги Ленин видел в защите учения Маркса и Энгельса о государстве от искажения и опощения со стороны оппортунистов. Ленин собирался написать вторую часть «Государства и революции», где он рассчитывал подвести главные итоги опыта русских революций 1905-го и 1917-го года. Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги разработать и развить дальше теорию государства, опираясь на опыт существования Советской власти в нашей стране. Но смерть помешала ему выполнить эту задачу. Но чего не успел сделать Ленин, должны сделать его ученики. (Бурные аплодисменты).

Государство возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства. Орудия власти государства сосредоточивались, главным образом, в армии, в карательных органах, в разведке, в тюрьмах. Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме.

Чтобы свергнуть капитализм, необходимо было не только снять с власти буржуазию, не только экспроприровать капиталистов, но и разбить вовсе государственную машину буржуазии, ее старую армию, ее бюрократическое чиновничество, ее полицию, и поставить на ее место новую пролетарскую государственность, новое социалистическое государство. Большевики, как известно, так именно и поступили. Но из этого вовсе не следует,

что у нового пролетарского государства не могут сохраниться некоторые функции старого государства, измененные применительно к потребностям пролетарского государства. Из этого тем более не следует, что формы нашего социалистического государства должны остаться неизменными, что все первоначальные функции нашего государства должны полностью сохраниться и в дальнейшем. На самом деле формы нашего государства меняются и будут меняться в зависимости от развития нашей страны и изменения внешней обстановки.

Ленин совершенно прав, когда он говорит:

«Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно **диктатурой буржуазии**. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: **диктатура пролетариата**» (Ленин, т. XXI, стр. 393).

Со времени Октябрьской революции наше социалистическое государство прошло в своем развитии две главные фазы.

Первая фаза — это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов. Основная задача этого периода состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, в организации обороны страны от нападения интервентов, в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, в подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов. Сообразно с этим наше государство осуществляло в этот период две основные функции. Первая функция — подавление свергнутых классов внутри страны. Этим наше государство внешним образом напоминало предыдущие государства, функция которых состояла в подавлении непокорных, с той однако принципиальной разницей, что наше государство подавляло эксплуататорское меньшинство во имя интересов трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства подавляли эксплуатируемое большинство во имя интересов эксплуататорского

меньшинства. Вторая функция — оборона страны от нападения извне. Этим оно также напоминало внешним образом предыдущие государства, которые также занимались вооруженной защитой своих стран, с той однако принципиальной разницей, что наше государство защищало от внешнего нападения завоевания трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства защищали в таких случаях богатство и привилегии эксплуататорского меньшинства. Была здесь еще третья функция — это хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа органов нашего государства, имевшая своей целью развитие ростков нового, социалистического хозяйства и перевоспитание людей в духе социализма. Но эта первая функция не получила в этот период серьезного развития.

Вторая фаза — это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции. Основная задача этого периода — организация социалистического хозяйства по всей стране и ликвидация последних остатков капиталистических элементов, организация культурной революции, организация вполне современной армии для обороны страны. Сообразно с этим изменились и функции нашего социалистического государства. Отпала — отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше и подавлять некого. Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхищателей народного добра. Сохранилась полностью функция военной защиты страны от нападения извне, стало быть, сохранились также Красная армия, Военно-Морской флот, равно как карательные органы и разведка, необходимые для вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засылаемых в нашу страну иностранной разведкой. Сохранилась и получила полное развитие функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы государственных органов. Теперь основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и

культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во внеше, против внешних врагов.

Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы.

По развитие не может остановиться на этом. Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма?

Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне. При этом понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены, согласно с изменением внутренней и внешней обстановки.

Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим.

Так обстоит дело с вопросом о социалистическом государстве.

Второй вопрос — это вопрос о советской интеллигенции.

В этом вопросе, так же как и в вопросе о государстве, существует в нашей партии некоторая неясность, неразбериха.

Несмотря на полную ясность позиции партии в вопросе о советской интеллигенции, в нашей партии все еще имеют распространение взгляды, враждебные к советской интеллигенции и несовместимые с позицией партии. Носители этих неправильных взглядов практикуют, как известно, пренебрежительное, презрительное отношение к советской интеллигенции, рассматривая ее как силу чуждую и даже враждебную рабочему классу и крестьянству. Правда, интеллигенция за период советского развития успела измениться в корне, как по своему составу, так и по своему положению, сближаясь с народом и честно сотрудничая с ним, чем она принципиально отличается от старой, буржуазной интеллигенции. Но этим товарищам, повидимому, нет дела до этого. Они продолжают дудить в старую дудку, неправильно перенося на советскую интел-

лигенцию те взгляды и отношения, которые имели свое основание в старое время, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов.

В старое, дореволюционное время, в условиях капитализма интеллигенция состояла прежде всего из людей имущих классов,—дворян, промышленников, купцов, кулаков и т. п. Были в рядах интеллигенции также выходцы из мещан, мелких чиновников и даже из крестьян и рабочих, но они не играли и не могли играть там решающей роли. Интеллигенция в целом кормилась у имущих классов и обслуживала их. Понятно поэтому то недоверие, переходившее передко в ненависть, которое питали к ней революционные элементы нашей страны и прежде всего рабочие. Правда, старая интеллигенция дала отдельные единицы и десятки смелых революционных людей, ставших на точку зрения рабочего класса и связавших до конца свою судьбу с судьбой рабочего класса. Но таких людей среди интеллигенции было слишком мало, и они не могли изменить физиономию интеллигенции в целом.

Дело с интеллигенцией изменилось, однако, в корне после Октябрьской революции, после разгрома иностранной военной интервенции, особенно после победы индустриализации и коллективизации, когда уничтожение эксплуатации и утверждение социалистической системы хозяйства создали реальную возможность дать стране и провести в жизнь новую Конституцию. Наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции уже в первые дни Октябрьской революции откололась от остальной массы интеллигенции, объявила борьбу Советской власти и пошла в саботажники. Она попала за это заслуженную кару, была разбита и рассеяна органами Советской власти. Впоследствии большинство уцелевших из них завербовалось врагам нашей страны во вредители, в шпионы, вычеркнув себя тем самым из рядов интеллигенции. Другая часть старой интеллигенции, менее квалифицированная, но более многочисленная, долго еще продолжала топтаться на месте, выжидая «лучших времен», но потом, видимо, махнула рукой и решила пойти в службицы, решила

ужиться с Советской властью. Большая часть этой группы старой интеллигенции успела уже состариться и начинает выходить из строя. Третья часть старой интеллигенции, главным образом рядовая ее часть, имевшая еще меньше квалификации, чем предыдущая часть, присоединилась к народу и пошла за Советской властью. Ей необходимо было доучиваться, и она действительно стала доучиваться в наших вузах. Но наряду с этим мучительным процессом дифференциации и разлома старой интеллигенции шел бурный процесс формирования, мобилизации и собирания сил новой интеллигенции. Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции пошли в вузы и техникумы и, вернувшись из школ, заполнили поредевшие ряды интеллигенции. Они влили в интеллигенцию новую кровь и оживили ее по-новому, по-советски. Они в корне изменили весь облик интеллигенции, по образу своему и подобно. Остатки старой интеллигенции оказались растворенными в недрах новой, советской, народной интеллигенции. Создалась, таким образом, новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой.

В итоге мы имеем теперь многочисленную, новую, народную, социалистическую интеллигенцию, в корне отличающуюся от старой, буржуазной интеллигенции как по своему составу, так и по своему социально-политическому облику.

К старой дореволюционной интеллигенции, служившей помещикам и капиталистам, вполне подходила старая теория об интеллигенции, указывавшая на необходимость недоверия к ней и борьбы с ней. Теперь эта теория отжила свой век и она уже не подходит к нашей новой, советской интеллигенции. Для новой интеллигенции нужна новая теория, указывающая на необходимость дружеского отношения к ней, заботы о ней, уважения к ней и сотрудничества с ней во имя интересов рабочего класса и крестьянства.

Кажется, понятно.

Тем более удивительно и странно, что после всех этих коренных изменений в положении интеллигенции у нас в партии

еще имеются, оказывается, люди, пытающиеся старую теорию, направленную против буржуазной интеллигенции, применить к нашей новой, советской интеллигенции, являющейся в своей основе социалистической интеллигенцией. Эти люди, оказывается, утверждают, что рабочие и крестьяне, недавно еще работавшие по-стахановски на заводах и в колхозах, а потом направленные в вузы для получения образования, перестают быть тем самым настоящими людьми, становятся людьми второго сорта. Выходит, что образование — вредная и опасная штука. (Смех). Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем. Но по взгляду этих страшных товарищей получается, что подобная затея таит в себе большую опасность, ибо после того как рабочие и крестьяне станут культурными и образованными, они могут оказаться перед опасностью быть зачисленными в разряд людей второго сорта. (Общий смех). Не исключено, что со временем эти страшные товарищи могут докатиться до воспевания отсталости, невежества, темноты, мракобесия. Оно и понятно. Теоретические вывихи никогда не вели и не могут вести к добру.

Так обстоит дело с вопросом о нашей новой, социалистической интеллигенции.

***

Наши задачи в области дальнейшего укрепления партии:

1. Систематически улучшать состав партии, подымая уровень сознательности членов партии и принимая в ряды партии в порядке индивидуального отбора только лишь проверенных и преданных делу коммунизма товарищей;

2. Приблизить руководящие органы к низовой работе с тем, чтобы сделать их руководящую работу все более оперативной и конкретной, все менее заседательской и канцелярской;

3. Централизовать дело подбора кадров, заботливо выращивать кадры, тщательно изучать достоинства и недостатки работников, смелее выдвигать молодых работников, приспособлять дело подбора и расстановки кадров к требованиям политической линии партии;

4. Централизовать дело партийной про-

паганды и агитации, расширить пропаганду идей марксизма-ленинизма, поднять теоретический уровень и политическую закалку наших кадров.

***

Товарищи! Я кончаю свой отчетный доклад.

Я обрисовал в общих чертах путь, пройденный нашей партией за отчетный период. Результаты работы партии и ее ЦК за этот период известны. Были у нас недочеты и ошибки. Партия и ее ЦК не скрывали их и старались их исправить. Есть и серьезные успехи и большие достижения, которые не должны вкружить нам голову.

Главный итог состоит в том, что рабочий класс нашей страны, уничтожив эксплуатацию человека человеком и утвердив социалистический строй, доказал всему миру правоту своего дела. В этом главный итог, так как он укрепляет веру в силы рабочего класса и в неизбежность его окончательной победы.

Буржуазия всех стран твердит, что народ не может обойтись без капиталистов и помещиков, без купцов и кулаков. Рабочий класс нашей страны доказал на деле, что народ может с успехом обойтись без эксплуататоров.

Буржуазия всех стран твердит, что рабочий класс, разрушив старые буржуазные порядки, не способен построить что-либо новое, взамен старого. Рабочий класс нашей страны доказал на деле, что он вполне способен не только разрушить старый строй, но и построить новый, лучший, социалистический строй и при том такой строй, который не знает ни кризисов, ни безработицы.

Буржуазия всех стран твердит, что крестьянство не способно стать на путь социализма. Колхозное крестьянство нашей страны доказало на деле, что оно может с успехом стать на путь социализма.

Главное, чего особенно добиваются буржуазия всех стран и ее реформистские прихвостли, — это то, чтобы искоренить в рабочем классе веру в свои силы, веру в возможность и неизбежность его победы и тем самым увековечить капиталистическое рабство. Ибо буржуазия знает, что если капитализм еще не свергнут и он продолжает все еще существовать, то этим он обязан не своим хорошим качествам, а тому, что у пролетариата нет еще достаточной веры в возможность своей победы. Нельзя сказать, чтобы старания буржуазии в этом направлении оставались вполне безуспешными. Нужно признать, что буржуазии и ее агентам в рабочем классе удалось в известной мере отравить душу рабочего класса ядом сомнений и неведения. Если успехи рабочего класса нашей страны, если его борьба и победа послужат к тому, чтобы поднять дух рабочего класса капиталистических стран и укрепить в нем веру в свои силы, веру в свою победу, то наша партия может сказать, что она работает не даром. Можно не сомневаться, что так оно и будет. **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

Да здравствует наш победоносный рабочий класс! **(Аплодисменты).**

Да здравствует наше победоносное колхозное крестьянство! **(Аплодисменты).**

Да здравствует наша социалистическая интеллигенция! **(Аплодисменты).**

Да здравствует великая дружба народов нашей страны! **(Аплодисменты).**

Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков! **(Аплодисменты).**

(Все делегаты встанут, стоя приветствуют товарища Сталина и устраивают ему продолжительную овацию. Возгласы: «Ура! Да здравствует товарищ Сталин! Великому Сталину — ура! Нашему любимому Сталину — ура!»).

Д Ж А М Б У Л

СЪЕЗДУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Пусть голос мой мчится, как ветер степной,
Крылатая песня лети над страной,—
До края земли через все океаны,
Как вестник победы, как сокол желанный.
Народу родному мое посвященье,
Героям, не знавшим в боях поражения,
Героям, на счастье народа рожденным,
Партией нашей в боях закаленным.
Врагов ненавистных беспощадно разя,—
Лети, моя песня, на радость друзьям,
Как сердце свое посылаю тебя
На Съезд победителей, песня моя!

Ну как же от счастья друзьям не цвести,
Ну как же от страха врагам не трястись,
И в памяти каждому как не сберечь—
Великого Сталина гордую речь.
На Съезде Семнадцатом он говорил,
Я каждое слово в ауре ловил.
Казалось, что сам он любимый, родной
Сидел и беседовал в юрте со мной.
В борьбе и победах прошло пятилетье,
Но прожитый год я равняю столетию.
Прошло пятилетье, весь мир в восхищенье:—
Летит, как орел, в молодом оперенье,
На гибель врагам и на счастье друзьям,
Страна моя, родина, гордость моя.
Взошло Конституции вечной светило,
Лучами жемчужными мир осветило.

Враг извивался, как раненый змей,
Радостью билась сердца у друзей...

Под сталинским солнцем неугасимым,
Под сталинским знаменем непобедимым
Живем мы в обилии, богаты, сильны,
На пастбищах тучно растут табуны,

Омыта пустыня хрустальной водой,
 Наполнен жерсень*) самой вкусной едой.
 Как море, волнуется хлеб на полях,
 Дорога комбайна, как путь корабля,
 Нам недра свои открывает земля,
 Рождая высокие скалы угля.
 И бьет водопадом с горы вековой
 Железо горячей бескрайней струей.
 Кипучая нефть, как поющий ручей,
 Течет по земле полногрудой моей.
 Узором затейливым стены обвел
 Моих караванов большой темир-жол.*)
 Мои сыновья на тулпаре сидят,
 Глаза, как зевильник, от счастья горят.

Враг извивался, как раненый змей,
 Радостью бились сердца у друзей.

Под сталинским солнцем неугасимым,
 Под сталинским знаменем непобедимым
 Встает моя родина в броне булатной
 С душой богатырской, с шашкою ратной.
 И, как облака, в поднебесных полетах,
 Сомкнув свои крылья, плывут самолеты.
 Змеиное сердце врага векового
 Трепещет от страха и ложнуть готово.
 Могучие танки готовы к боям—
 Покорны бесстрашным моим сыновьям.
 И грозные пушки из верных бойниц
 На каждой тропе неприступных границ
 В глаза ненавистные смотрят врагу,
 И счастье мое и мой труд берегут.

Враг извивался, как раненый змей,
 Радостью бились сердца у друзей.

Под сталинским солнцем неугасимым,
 Под сталинским знаменем непобедимым
 Сокровище разума—Кремль сияет,
 Опора народа—сердца обновляет.
 Делает, как в радостной юрте своей,
 Там Сталин одиннадцать сыновей—
 Могучих, счастливых своих сыновей
 С заботой отца им дает ордена.
 И песня народная награждена,

*) Жерсень—чаша, блюдо.

*) Темир-жол—железная дорога.

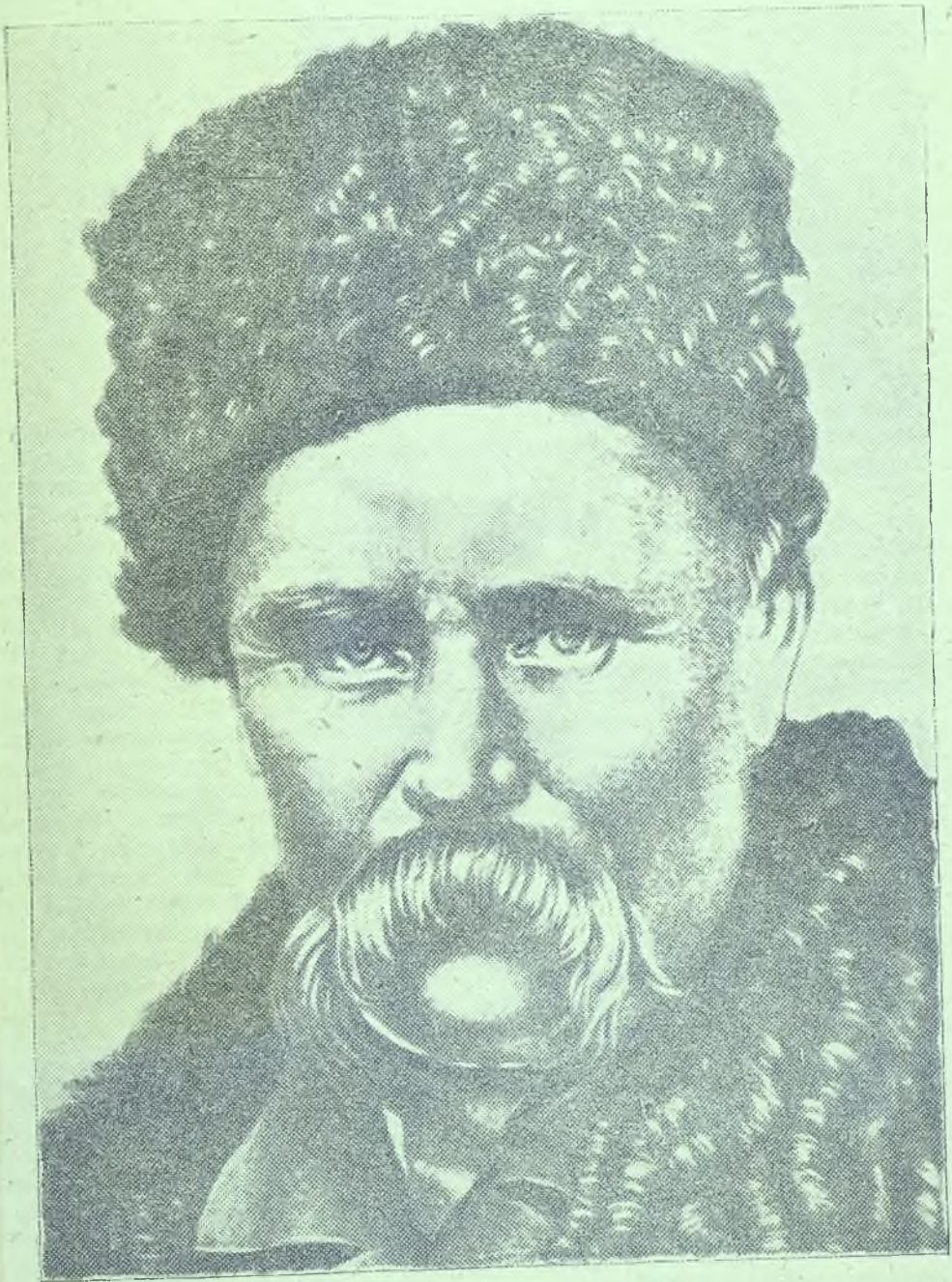
Подобно отважным героям Хасапа,
 Чьи смелые подвиги любит страна.
 На празднике родины все на виду,
 Хозяева жизни в почетном ряду.
 Профессора, агрономы, шахтеры,
 Поэты, колхозники и комбайнеры.

Враг пазивался, как раненый змей,
 Радостью блились сердца у друзей.

Под ленинским знаменем Сталин родной
 Могучий народ поднимает с собой,
 За ним без числа на победный котан,
 Овитые славой, пдут топжарган*),
 Их сила, как луч, на булате горит.
 Вот вождь на трибуне. Наш вождь говорит.
 Слушайте все,—и Урал, и Кузбасс,
 Караганда, и Алтай, и Донбасс.
 Слушай, колхозник, и ты командир,
 Слушай, чабан, комбайнер, бригадир.
 Слушайте все, и для родины милой
 В дни эти с новой, утроенной силой
 В шахтах, забоях, в полях и отарах
 Вы приготовьте заветный подарок,
 Хлынули чтобы, как песня певца,
 Реки металла, железа, свинца,
 Чтобы в колхозах дала нам весна
 Семь миллиардов пудов зерна.

Враги окружают нас черным кольцом,
 Глазами кровавыми смотрят кругом,
 И тянут костлявые руки свои
 К горячему золоту нашей земли.
 Чтоб голову вражью ударом снести,
 Чтоб нечисть фашистскую всюду смести,
 Во всеоружьи, готовый в поход,
 Будь на-чеку, мой великий народ.
 Вооружайтесь поэты стихами,
 Взвейте поэмы и кюп, как знамя,
 Зовущее к новым победам и славе,
 С'езд победителей в песнях прозлавим,
 Сталину верную клятву дадим—
 С ним побеждали мы, с ним победим.

*) Топжарган—низем непобедимый в борьбе.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

СЛАВА И ГОРДОСТЬ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Все он изведал; тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Все — и раздольную степь оренбургскую,
И ее крепость...

Н. А. Некрасов.

Понятия большого исторического смысла и социального значения бывают обычно просты. Но чем проще идейное понятие, тем опаснее оно для эксплуататорских классов. Надобно поскорее навести тень на ясный день. Тогда начинается возня, подобная той, какая, например, затеяна была в России в сороковых годах прошлого века вокруг понятия «народность». Царские чиновники, крепостники и представители дворянской «славянофильской» интеллигенции десятилетиями трудились над тем, чтоб подмешать к «народности» лошадиную дозу православия, самодержавия, империалистического византизма и создать из всего этого своеобразный сплав. Лучшее из понятий русского идейного лексикона спаялось с худшими, и цель казалась достигнутой...

Но всегда запутывание осуществляется путем усложнений. Часто дается оно и с помощью нарочитого выхолащивания, обеднения опасных понятий. Тогда начинается «работа», подобная той, какую, например, неоднократно проделывали буржуазные фальсификаторы над словами «народная поэзия», «народный поэт». С оттенком барского высокомерия, с уступочкой «неизбежному злу» эти господа склонны были разуть под народными поэтами т. п. «самородков», талантливых выходцев из народной среды. И все.

При такой «наивнейшей» точке зрения очень удобно бывало стричь под одну гребенку, скажем, Слепушкина и Кольцова, Кольцова и Никитина, Никитина и Шевченко, Шевченко и Сурикова. Для

всех них заранее уготован был свой особый Олимп — пониже, поскромнее нежели тот, на котором живут «пастыщие» боги.

Оттирая от большой литературы «слова» народных поэтов, буржуазия фактически всегда противопоставала литературу, имеющую своими истоками т. п. «книжную образованность», литературе, питаемой родниками народного творчества. Одна возвеличивалась, другая соответственно принижалась.

Существовало еще много способов борьбы с распространением влияния опасных для классового общества народных поэтов. Отметим тот, который был наиболее живуч, а именно: народного поэта, завоевавшего себе мировое имя, объявляли неотъемлемым достоянием какой-нибудь одной национальной культуры. Из народной поэзии буржуазные идеологи делали знамя для своего звериного национализма. Таким приемом они пользовались и затем, чтобы «локализовать» поэта, и затем, чтоб облыжно навязать ему под маской национальной исключительности гнусную философию человеконенавистничества.

Особенно «повезло» в этом отношении Тарасу Шевченко. Не успел вырасти могильный холм над прахом великого кобзаря, как книжники и фарисеи, типа Кулиша и Костомарова, приступили к усердной «обработке» шевченковского литературного наследия. Не упущен был ни единый маневр — вплоть до прямых текстологических подлогов, до утаивания и уничто-

жения отдельных рукописей поэта, — лишь бы достался потомству такой Шевченко, каким хотели видеть его либеральные филлисты и реакционные зубры. На подмогу тем и другим приходила царская цензура.

Что же в результате случилось? Все дореволюционные издания «Кобзаря» были явно дефектны. Оспаривалась иногда допустимость включения в него ряда превосходных произведений поэта, вроде цикла «Царей», «Марин», «Саула» и т. п. Десятилетиями задерживалось опубликование художественной прозы, которую Шевченко писал на русском языке. Сохранились только одни названия от бесследно исчезнувших: «Повести о безродном Петрусе» и «Отрывка драматического сочинения». Знаменитый шевченковский «Дневник» печатался в изувеченном виде. Оставалась неизвестной значительная часть шевченковской переписки. Переводились шевченковские стихи с вопиющими искажениями.

Среди «образованных» друзей и душеприказчиков великого поэта преобладала как раз та порода людей, для которой, по выражению Ленина, образование — «дегонький лак, дрессировка, «натасканность» в джентльменских формах обделывания самых грубых и самых грязных политических гешефтов» (т. XII, стр. 9).

«Политическими гешефтами» вокруг имени Шевченко продолжали заниматься еще и в советское время украинские буржуазные националисты и агенты фашизма. В зарубежной же Западной Украине этим подлым делом они занимаются по сей день.

Советская литературная наука призвана восстановить подлинный облик Тараса Шевченко. Возможности правдивого исследования жизни и творчества замечательного поэта стали после Великой Октябрьской Революции неисчерпаемы. Начисто отрешившись от классово-чуждых и буржуазно-националистических традиций в шевченковедении, разоблачивши их и освободившись от них, советская наука, по существу, уже вернула богатырю народной поэзии то место в мировой революционной литературе, какое ему по праву принадлежит.

Шевченковская биография всегда строится приблизительно по одной и той же

схеме. Родился Тарас 9 марта (н. с.) 1814 года в с. Моринцах, в Киевщине. Отец его был крепостным батраком. Вся многодетная семья была «крещеной собственностью» помещика Энгельгардта. Расти пришлось в жуткой нищете, в страхе, в унижениях. Ранняя потеря матери. Издевательства мачехи. Смерть отца, замученного неволей. Сиротские «университеты» у пьяных дьячков. «Бродяга-школяр» берет первые уроки малярского ремесла у мастера, «славившегося в околотке изображением великомученика Никиты и Ивана-воина»...*) Ужасы дьячей педагогики. Тарас — пастух. Тарас взят в барскую челядь: сперва поваренком, потом — «казачком». Сопровождение Энгельгардта в его разъездах по Польше и Литве. Розги за тайное пристрастие к живописи. Жизнь при помещике в Петербурге. Тяжкое ученичество у маляра-подрядчика. Случайная встреча в столице с художником — земляком Сошенко. Первое признание способностей к живописи. Судьбой молодого Шевченко заинтересовываются поэт Жуковский и художники Брюллов, Венецианов. С громадными усилиями и за большой выкуп удается склонить крепостника Энгельгардта на отпускную Тарасу Шевченко (1838 г.). Получивший волю, Шевченко — ученик Академии Художеств и одновременно — начинающий поэт. В 1838 году написаны уже: «Причиша», «Вітре буйний», «Тече вода в синє море», «Катерина» и др. В 1840 году — выход в свет первого «Кобзаря». В 1841 году — первая большая поэма («Гайдамаки»). В 1843 и 1844 гг. — посещения родной Украины. В 1845 году — окончание Академии Художеств, за время пребывания в которой отмечены медалями талантливые работы по живописи. Дальше — снова поездка на Украину и установление там связей с участниками Кирилло-Мефодиевского общества. Весной 1847 года — арест, обнаружение антимонархических стихов, переезд под ковром из Киева в Петербург, допросы в III отделении, заключение в тюремный каземат. Летом того же года — ссылка рядовым в Отдельный оренбургский корпус с запрещением писать и рисовать. Затем — десять лет страшной солдатчины, протек-

*) См. «Автобиографию» Шевченко.

кающей сначала в Орской крепости, потом в Раиме, потом в военно-географической экспедиции на Аральском море, потом опять в Орске, наконец — в Новопетровском укреплении, на Каспии. В 1857 году — долгожданное освобождение и возвращение по Волге, через Астрахань и Нижний, в Петербург. В Петербурге (1858 г.) — новый творческий подъем и новые успехи в живописи: присуждено звание академика по гравюре. Следующий 1859 год знаменуется первой после ссылки и прощальной, по существу, поездкой на Украину. Там сыпятся на Шевченко новые административные репрессии за «богохульственные речи». Затем в Петербурге несчастная любовь поэта к Лукерье Полюсмак, женщине того же положения, в каком был раньше сам кобзарь: «крипачке», сироте, «наймичке». С 1860 года Шевченко начал болеть, а в феврале 1861 года скончался. Прах его, спустя недолго, был перевезен из Петербурга к берегам Днепра, где на Чернечей горе в Каневе многострадавший поэт нашел себе последнее упокоение.

Набросанная здесь схема содержит факты неоспоримые. Но в изложение этих фактов, по почину первых биографов Шевченко (Чалого, Коניского и др.), привнеслось обыкновенно столько сладкозвучной клеветы, что ее хватило бы на добрую сотню безответных покойников. Приведем любопытные примеры.

Как известно, выкупная сумма, уплаченная помещику Энгельгардту за крепостного Шевченко, была получена от лотерейного розыгрыша портрета В. А. Жуковского. Этот портрет принадлежал кисти знаменитого Брюллова. В розыгрыше приняли участие и члены царской фамилии. Отсюда возникла легенда, будто главными благодетелями, вызволившими поэта из крепостного рабства, были царяца и ряд сياتهьных лиц свиты Николая I. Биограф вынужден отметить, что Шевченко, хотя и знал все подробности этого поворотного в его жизни события, старался о них умалчивать. Почему? И вот тут идет смехотворная верноподданническая клевета: потому-де Шевченко отмалчивался, что был с к р о м е н (!) и стеснялся официально связывать свое имя с именами высочайших особ...

Кто знает отношение двора к Жуков-

скому и как ценились в тридцатых годах полотна автора «Последнего для Помпей», тому нетрудно сообразить, что интерес дворцовых кругов к помянутой лотерее подкашивался отнюдь не заботами о крепостном художнике и поэте. Их «благодетельные» походило на то, какое оказывает хитрый ростовщик, снисходительно ссужая грош под залог жемчужного ожерелья. Шевченко, люто ненавидевший царизм, царей и все их окружение, имел достаточно оснований отнестись с презрением к рассказам о «милости», оказанной ему императорской сворой. Он, естественно, предпочитал «скромно» безмолвствовать по этому вопросу. Когда же молчать стало невтерпех, Шевченко заговорил словами, несвойственными его «биографам». В дневниковой записи осыльного поэта от 19 июня 1857 года читаем следующие строки, посвященные одному из «лихих сподручников» Николая I, оренбургскому генерал-губернатору Перовскому:

...«Бездушному сатрапу и паперенику царя пригрелось, что я освобожден от крепостного состояния и воентан на счет царя, и в знак благодарности нарисовал карикатуру своего благодетеля. Так пускай, дескать, казнится неблагодарный. Откуда эта целенаправленная басня*) — не знаю. Знаю только, что она мне щедро обошлась. Надо думать, что басня эта энелелась на конфирмации, где в заключение приговора сказано: «Строжайше запретить писать и рисовать».**) Писать запрещено за возмутительные стихи на малороссийском языке. А рисовать — и зам верховный судья не знает, за что запрещено. А просвещенный блюститель царских повелений неповаженное в приговоре сам полюбил, да и прихлопнул меня своим бездушным всемогуществом. Холодное развращенное сердце! И этот гнилой старый развратник пользуется здесь славой щедрого и великодушного благодетеля края. Как близорук или, лучше сказать, как подлы эти гнусные славеельщики! Сатрап грабит вверенный ему край и дарит своим распутным прелестницам десятитысячные

*) Разрядка наша. Ред.

**) Личная резолюция Николая I на приговоре.

фермуары, а они прославляют его щедрость и благоденствия. Мерзавцы!»

Вот тут слышен настоящий Шевченко — не залипающий буржуазными «шевченколюбцами» до потери всякого образа и подобия. Тут звучат: гнев, революционная страсть, сложившиеся убеждения, точное восприятие политической действительности своего времени, с ее титулованными «героями» и либеральными «славельщиками». А сверх всего этого чувствуются упорство и отвага настоящего борца: ведь цитированные строки писались тогда, когда Шевченко, запертый еще в Новопетровском укреплении, влячил на себе солдатскую шинель и мог быть раздавлен всевластным генерал-губернатором и командиром Отдельного оренбургского корпуса Перовским в один миг.

Только негибимый революционный боец мог, будучи загнан в Среднюю Азию в бессрочную ссылку, писать:

О, думі мої! О, слава злая!

За тебе марно я в чужому краю

Караюсь, мучусь... але не каюсь!

Обратимся к другому немаловажному биографическому факту — к связям Тараса Шевченко с «Кирилло-Мефодиевским братством». Программные принципы этого кружка отличались, как известно, достаточно расплывчатостью. Здесь давали себя знать и отголоски славянофильских идеалов, и антикрепостнические гуманистические тенденции, и демократические просветительские поползновения. В состав кружка входили люди различных воззрений и политического темперамента. Лидеры его, Костомаров и Кулиш, по существу, мало сходились во взглядах, например, с П. И. Гулаком или с Савичем. Шевченко же и совсем занимал среди «братчиков» позицию, выделявшуюся из ряда вон.

Костомарова, по собственному его признанию, в ту пору «обдавало страхом» при слушании ненапечатанных шевченковских стихов. После ареста «братчиков» один из них (Андруский) показывал на допросе в III отделении, что в Киеве «славянское общество имело две главы — Костомарова и Шевченко». Первый принадлежал к «умеренной партии», другой — к «неумеренным». Главное правило Тараса Шевченко, — показывал Андру-

ский, — «кто предан государю — тот подлец, а кто борется за свободу — тот благородный человек».

Исторические документы вносят, следовательно, чрезвычайно любопытный штрих в характеристику идейной физиономии поэта. Он, как видим, еще в сороковых годах питал «совершенно определенные чувства к «умеренности и аккуратности» либеральных болтунов. Поэт занимал самый левый фланг среди «братчиков» и был чужд их организации. Между тем, многочисленные биографы Шевченко до самого последнего времени не останавливались подробно на идейной пропасти, разделявшей правый и левый фланги «Кирилло-Мефодиевского общества». А ведь тогда было бы яснее, почему Шевченко, неудовлетворенный диапазоном костомаровско-кулишевских политических мечтаний, явно тяготел к левому крылу петрашевцев. Потом — в пятидесятых годах — неслучайно весь строй гражданских настроений и пламенных политических стихов Шевченко совпал с боевыми революционно-демократическими лозунгами Чернышевского, Добролюбова, Некрасова. Неслучайно потом Шевченко ловил каждое слово Герцена, доходившее из Лондона. Неслучайно искал Шевченко и добился в 1859 году личного сближения с Чернышевским и его кругом.

Тех, кто в конце пятидесятых годов еще рассчитывал на какое-то мирное разрешение социальных противоречий, на какое-то облегчение народной участи сверху, — Шевченко вместе с великими «средствениками русской социальной демократии» (Ленин, т. IV, 387) звал к отказу от иллюзий, к открытой вооруженной борьбе, к восстанию. «Добра не жди», — писал кобзарь:

Не жи сподіваної волі —

Вона заснула: царь Микола

лі приснав, а щоб збудити

Хиренну волю, треба миром,

Громадою обух ставити,

Та добре вигострий сокиру,

Та й заходитесь вже будити...

(«Я не недумаяк»..., 1858)

Шевченко умер, как видно по календарным датам, в те дни, когда только что «высочайше» объявлена была «отмена» крепостного права в России. Вокруг этого хронологического совпадения буржуазные

графы поэта пролили немало крокоди-
ных слез. Вот-де какая обща... Столько
к претерпел народный поэт Украины
дело раскрепощения крестьян! Столько
я познал он сам, будучи в неволе!
лько невзгод вынесла отчая семья его
ставшаяся, кстати, в крепостном
толяции вплоть до 1860 года). И вдруг,
гда грянуло «избавление», славному
варю не довелось даже сказать свое:
ине отпущаеши»...

Такой клеветнический вздор молотил о
волюционном поэте, написавшем за ка-
х-нибудь пять месяцев до смерти —
«аула»! В этой острой стихотворной са-
ре как раз и высмеивалась та безнадеж-
я возня с царями, с их добродетелями
милостями, позорный образец которой
коре явили миру российские либераль-
ие холопы, пришедшие в умиление от
еликой реформы царя-освободителя.

Скорбно заканчивал Шевченко своего
«аула» восклицанием:

... Горе, горе!
Дрібніють люди на землі,
Ростуть і висяються царі!

В противовес медоточивой клевете «дру-
й» Шевченко, можно смело утверждать:
е бы поэт прожил хотя месяц-два в
реформенное время, он заклеил бы
идеательское «освобождение крестьян»,
жалованное от крепостников и престол-
т, такими стихами, за которые Александр
, несомненно, закатал бы его на по-
е десятилетия тюрьмы и ссылки.

Революционная мощь великого украин-
ого поэта довольно точно измеряется
раком и злобой, которые он внушал в
ое время помещикам, чиновникам и по-
ам. Все черное «царство насытых пала-
ей» бледнело от ужаса, когда сталкива-
ось в закрепощенном народе с силой и
лиянием пламенного шевченковского сло-
а. И действительно: было чего бояться.

Шевченко не только слагал свои ма-
пческие стихи. Он лично доносил их до
арода. Он постоянно искал живого об-
щения с бедняцко-батрацкими массами и
тим общением неизменно пользовался для
оспосредственной пропаганды идей крестья-
нской революции.*) Ни один странст-

вующий бандурист, ни один профессио-
иальный лирик, не мог бы в 30-50-х
годах прошлого века поспорить с Тара-
сом Шевченко в искусстве овладеть мас-
сами и заражать их классовым гневом.

За этим искусством таились к тому же
широкий политический кругозор и дар по-
литического провидения. Впоследствии
(1857 г.) Шевченко заявил себя автором,
например, следующего знаменитого вос-
клипания, намечающего роль техники в
ходе общественных преобразований: «Ве-
ликий Фультон и великий Уатт! Ваше
молодое, не по дням, а по часам растущее
дитя в скором времени пожрет кнуты,
престолы и короны, а дипломатами и
помещиками только закусит, побалуется,
как школьник леденцом. То, что начали
во Франции энциклопедисты, то довершит
на всей нашей планете ваше колоссальное
генпальное дитя. Мое пророчество несом-
ненно».

Понятно теперь, почему жандармы Ни-
колая I (Орлов, Дубельг, Долгоруков и
др.), а также бесчисленные царские цен-
зоры (Палаузов, Смирнов, Феоктистов,
Рафальский и пр.), бывали так запальчи-
во красноречивы, когда строчили свои ре-
ляции относительно опасной идеологии
поэта.

Феодалы, дрожавшие за свою шкуру и
поместья, — те совсем шалели от страха
и ненависти. Они только и делали, что
молили губернаторов оградить их от де-
мона народной поэзии, деятельность кото-
рого угрожает не более не менее, как...
«безвозмездным» захватом папской земли,
расправой «черни» с дворянством, возро-
ждением «картин гайдамацкой резни», «Та-
расовой»... то-бишь «Варфоломеевской»
ночью... Особенно заняты в этом отно-
шении письма и донесения помещиков Ка-
невской округи, где Шевченко и после
смерти продолжал будоражить своей моги-
лой сермяжный люд, поднимая его на ца-
ря и бар.

Обер-прокурор синода и харьковский
архиепископ Арсений уже в наш век
(1910-11 гг.) давали о «Кобзаре» сле-
дующее заключение: «Некоторые стихот-
ворения, помещенные в этой книге, по
своему содержанию являются совершенно
антирелигиозными, направленными к по-
дрыху религиозного чувства в среде народ-
ной. Таковы, например, поэма «Мария» и

*) Здесь уместно обратить внимание чи-
ателя на любопытную картину худ-
Т. Носко «Т. Г. Шевченко серед селян».

стихотворения «Цари» и «Саул»... Другие же стихотворения, как напр., «Молитвы», «Сон», «Юродивый», проникнуты злобно-революционным духом как против христианской веры, так и в отношении царской власти.

Один незадачливый помещик (Лободовский), совсем, видимо, отчаявшийся уже в церковных и полицейских мерах обезврежения грозного поэта, пустился на крайнее средство: он состряпал религиозную поэму «Мария» и выдал ее за шевченковскую. Подлинную же антирелигиозную «Марию» Тараса Шевченко объявил принадлежащей перу безвестного автора...

Подобные факты лучше, чем иные критико-биографические работы, писанные якобы «во славу» Шевченко, характеризуют истинное значение его как революционера и поэта. Своего рода «доказательством от противного» блестяще воспользовался Ленин, развивая свои мысли в известной статье «К вопросу о национальной политике». Там, ссылаясь на запрещение (1914 г.) царским правительством столетнего юбилея Шевченко, Ленин говорил: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя»... (т. XVII, 324).

Знаменитый кобзарь любил свою родину, ее трудовой народ, ее язык. Любил так, как любит всякий сознательный человек и гражданин — особенно поэт и художник. Так, разумеется, любил родину и Пушкин, и Лермонтов, и Некрасов, и все другие замечательные писатели. Это чувство — естественное и простое. Опять-таки вспомним слова великого Ленина, сказанные в 1914 году: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов» (т. XVIII, 81).

Однако буржуазным националистам понадобилось испакостить и шевченковскую любовь к родной Украине. Они объявляли эту любовь «педоступной пониманию

толпы» (Чалый), несвойственной другим народам, «исходящей пламенем из тайников души» и т. д. и т. д., в том же бредовом тоне. Октябрьская революция спасла честь великого поэта. Доступное теперь всем литературное наследие Тараса Шевченко заботливо собрано и сохранено. Оно живет точно в том виде, каким его создали ум и чувства самого кобзаря. Нет, стало быть, пужды толковать теперь об истинном облике Шевченко по всевозможным «примечаниям», «комментариям» и домыслам его «друзей».

И вот, подлинные-то стихотворные тексты Шевченко, подлинны его повести, подлинны драматургические произведения, подлинны страницы дневника, наконец, подлинны его письма — с необычайной яркостью свидетельствуют, что поэт дышал вольным воздухом широкого мира и формировался под влиянием разносторонней культуры, не имеющей ничего общего с национальной ограниченностью.

В частности, Шевченко бесконечно уважал и старательно изучал вековую русскую культуру. Он жадно брал от нее и в поэзии и в живописи все, к чему влек его творческий гений.

Шевченко, например, чудесно знал каждую строчку Пушкина. Он с обожанием следил за всем, что выходило из-под пера Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Заточенный в Орской крепости, незадолго до своей отправки дальше, в Раим (в район нынешнего нашего Казалинска), он пишет на Украину приятелю: «Чи не найдете в Одессе сочинений Лермонтова и Кольцова? Пришлите поэзии святой ради»...

Позднее в дневник свой Шевченко заносит, например, такую характерную запись: «Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих»...

И Дневник, и все сочинения в прозе (11 повестей), и даже некоторые произведения неповествовательные (драма «Никита Гайдай», поэмы «Слепая» и «Бесталанний», стих. «Тризна») Шевченко, как известно, по собственному почину писал на русском языке, игнорируя насмешки Булишей, Костомаровых и иже с ними. Своего «Назара Стодолу» он старал-

ся самостоятельно перевести на русский язык, хотя перевод должен был даваться ему пелегко.

В 1858 году, прося у С. Т. Аксакова отзыва о повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», Шевченко пишет: «Я деботирую этой вещью в великорусском слове. Но это не извинение. Деботит должен быть проникнут своей ролью, а иначе он шарлатан. Я не шарлатан, я — ученик, жаждущий дружеского суда и совета... Нужно работать, работать много, внимательно и, даст бог, все пойдет хорошо. Трудно мне одолеть великороссийский язык, а одолеть его необходимо»...

Едва ли надо удлиннять перечень документальных данных, говорящих о теснейшей близости кобзаря к русской культуре. Но этого мало. Духовные связи Тараса Шевченко простирались дальше. Они захватывали и глубины более широкого интернационализма. Кобзарь звал темных братьев из тогдашнего подъяромного народа Украины «учиться, думать и читать», причем подчеркивал: «и чужому научайтесь». Скорбно пронизывая относительно безмолвной покорности угнетенного люда царям и барству, кобзарь помнит не только об украинцах и русских. Он говорит:

От молдаванина до фіна

На всіх языках все мовчить,

Бо благоденствує...

Духом интернационализма проникнута вся поэма «Кавказ», из которой цитированы эти строки. То же можно сказать о «Ерстике» и др.

Тараса Шевченко равно волнует мечта об истреблении китайских мандаринов (это — «жирный убойный скот» — см. Дневник, запись от 6 сентября 1857 г.), о скорейшей расправе с «русскими боярами», об избавлении от украинского панства, о ликвидации польской шляхты и пр. и пр. Перед лицом разноязычного и разноплеменного фронта эксплуататоров и палачей Шевченко выступает безусловным и убежденнейшим интернационалистом.

Отбывая каторжную солдатчину в степях Приуралья, Приаралья, Прикаспия, входящих в теперешний наш Казахстан, Шевченко с живым интересом и с братской теплотой присматривается к незнакомому ему на первых порах казахскому народу. Еще находясь в Орске, поэт отмечает: «Киргизы такі мальовнічи, такі

орігинальні і паівні, що самі просяться під олівець, і я чмапю, коли дивлюсь на них»... Шевченко в ссылке изучает казахские песни и легенды, изображения и надписи на казахских надгробных памятниках, рисует казахские юрты, зарисовывает сценки из казахского быта, работает над портретами казахских детей, *) пишет известное свое стихотворение: «У бога за дверьми лежала сокира»...

А разве шаряду с этим не примечательно, что, читая шевченковский Дневник, сталкиваешься с десятками имен западно-европейских писателей, вошедших в сферу чувств и интересов украинского поэта. Тут и римляне — Виргилій, Гораций. Тут и итальянцы — Тассо, Данте, Петрарка. Тут и французы — Бальзак, Беранже, Барбье. Англичане — Шекспир, Байрон, Вальтер-Скотт и т. д. и т. д.

Неудивительно после этого, что собственное творчество Тараса Шевченко было так многокрасочно, так многогранно, так многожанрово. Шевченковская муза выросла не на уединенном острове, а на целом материке, где перекрещивались исторические пути и культурные влияния различнейших национальностей. Только под этим углом зрения становятся до конца понятны бессмертные творения народного революционного поэта Украины.

Перейти к творениям Шевченко по существу — значит затронуть бесконечное количество отдельных вопросов. Тематический диапазон шевченковской поэзии. Стилистические особенности этой поэзии. Роль Шевченко как новатора в украинской и мировой народной поэзии. Отраженные влияния в шевченковских творениях. Язык Шевченко. Мелодика его стиха. Песня Тараса Шевченко. Исторический материал под пером Шевченко. Проза поэта. Галерея шевченковских образов. Критический реализм в произведениях Шевченко. И т. д. и т. д. В настоящей статье мыслимо — и то в сжатой форме — коснуться только одного вопроса. Это — народность и идейная выразительность шевченковского творчества.

В начале 40-х годов, когда в литератур-

*) Назовем, например, следующие картины: «Казахские дети-нищие», «Казахский мальчишка около печки», «Казахский мальчишка играет с кошкой».

ном мире стали приглядываться к шевченковским стихам, автор их сразу приобрел кличку «мужицкого поэта». Шевченко с гордостью подхватил кличку и ответил: «Нехай буду мужицкий поэт, абы тилько поэт, то билиш ничего й не треба». Для Шевченко само понятие «поэт» было священно и полностью включало то, что он считал верой и знаменем своей жизни. Это понятие включало, прежде всего, священную обязанность служить народным массам и честно, мужественно, страстно претворять в художественное слово народные думы, чувства и стремления.

Остался ли Шевченко верен себе на деле? Остался! Конечно остался, если, спустя 70 лет, великий пролетарский писатель Горький мог, ссылаясь на шевченковский «Кобзарь», сказать, что это был «первый и воистину народный поэт, не искалвавший субъективными добавлениями народных дум и чувств».

Задолго до Горького в том же смысле высказывались Чернышевский и Некрасов. Добролюбов же, отзываясь о Шевченко, писал следующее:

«Он—поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя. Даже Бальцов не пойдет с ним в сравнение, потому что складом своих мыслей и даже своими стремлениями иногда удаляется от народа. У Шевченко, напротив, весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко связан».

Хочется подчеркнуть здесь добролюбовские слова о «совершенном соответствии» шевченковских «дум и сочувствий» со «смыслом и строем народной жизни». В этом—суть.

«Смысл и строй народной жизни» бывают хорошо представлены в фольклоре. Шевченко, приступая к своей поэтической деятельности, сразу ухватывается за балладу, т. е. как раз за ту жанровую разновидность стиха, которая устойчивее всего (с XVII-XVIII вв.) бытовала в фольклорной поэзии Украины и других стран. Баллада по содержанию тесно примыкала к сказке, по складу—к песне. Шевченко создает «Причинну», «Утоплену» и др., вводя в них важнейшие элемен-

ты балладной формы: песенную строфику, ассоансы, повторы. В то же время поэт от балладного канона, упрощенного до него романтиками, смело отходит. Он делает попытки обогатить балладу реалистическими мотивами. Это ему блестяще удается, и в результате еще сегодня на всех широтах необъятной Советской Страны люди поют:

Рече та штогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завыва...

заимствуя эти чудесные слова из шевченковской «Причинны».

Здесь же, в этих ранних опытах кобзаря, начинает пробиваться мощная струя социального осмысления действительности. Здесь впервые рождаются типично шевченковские женские образы, несущие на себе проклятие одиночества и отринутости среди задавленного темнотой заботами и рабством крепостного народа «Кого ж їй любити?—воскликает поэт, имея в виду крестьянскую девушку, сироту:

... Ні батька, ні ченки,

Одна як та пташка в далекім краю!

Пошли ж ти їй долю—вона молоденька,—

Бо люди чужії їй засміють...

«Чужие», «чужина»—становятся в стихотворной речи Шевченко страшными символами крепостной «общественности».

В народе того времени, среди бесчисленных причин скорби и поводов к гневу на сытое, развращенное барство, существовало явление, имя которому в Украине было—«покрятка», а в Великороссии—попросту обезбещенная и брошенная крепостная девушка. Такие девушки обычно бывали жертвами произвола и разнузданности недядев-помещиков. Народный поэт Шевченко отлично чувствует, что вокруг этого социального-бытового явления накопилось достаточно народной горечи. Дал ей выход поэзии, можно и с этой стороны зажег фитили народного негодования, подведенные под здание несправедливого общественного строя. Так Шевченко и поступает. Он создает то глубоко лирические, то громово-гневные песни о несчастной «покрятке» причем начинает с знаменитой своей поэмы «Катерина». Следующие поэмы, выдержанные в тех же мотивах,—«Паймичка» «Видьма». Дальше пойдут «Варпак» и др.

Народ любит историческое свое прошлое

причем увлекается теми страницами истории, в которые вписаны его военные подвиги. Он дорожит своими героическими традициями и хочет вспоминать о поражениях, которые он нанесил врагам родины. Этими каналами народного сознания можно и нужно воспользоваться, чтобы навсегда укрепить веру народа в себя, его мужество, его решимость никогда не уступать вражьей силе, будь то сила собственных павов или сила чужих павов. Шевченко пишет своих «Гайдамаков», своего «Ивана Подкову», «Гамалею», «Тарасову ночь» и др. В них народный поэт в унисон народному голосу воспевает «казацкую славу». В них он ведет увлекательный сказ о том, как казацкие полки били в XVI-XVIII веках ляхов, предводимых польскими гетманами и грабительской шляхтой, как одолевали тогдашнюю туретчину, как храбрые казацкие дружины умели гнать коронные войска польских королей.

Поэт оживляет почитаемые народом могилы храбрецов—

Високіі ті могили,
Де лягло спочити
Казацьке біло тіло,
В китайку повите.
Високіі ті могили
Чорніють, як гори,
Та про волю нишком в полі
З вітрами говорять.

В своих исторических поэмах (напр., в тех же «Гайдамаках») Шевченко часто воспроизводит повести о прошедшем, слышанные им в детстве из уст родного деда. И в этих поэмах действительно чувствуются простота, непринужденность, игра фантазии, наивная «историография», собственные «дедовским» описаниям старинны.

Народ живет одной жизнью со своими певцами, своими лириками и кобзарями. Шевченко широко использует облюбленный народом образ кобзаря для того, чтоб донести через него до масс страсть и тоску своей собственной вольнолюбивой песни. Отсюда идет так часто чарующий в произведениях Шевченко тип «перебенди»:

Перебендя старий, сліпий—

Хто його не знає?

Він усюди вештається

Та на кобзі грає...

Народ времен Шевченко привык расска-

зывать и выслушивать сны, высказывая в них что-то вещее. Народный поэт Шевченко, задумав одно из революционнейших своих творений, также облекает его в форму сповидания, да так и называет его— «Сон». За этот самый «Сон» поэт, главным образом, и поплатился десятилетней ссылкой. Николаевским жандармам трудно было простить поэту бегство—хотя бы во сне— из «рая», где:

Латану свитину з калікі знімають,
З шкурою знімають,—бо нічим обуть
Княжат недорослих. А оп розпинають
Вдову за подушне, а сина кують,
Єдиного сина, єдишу дитину,—
Єдину надію!—в війско оддають,
Бо його, бач, трохи... А оп-де під типом
Опухла дитина голодная мре,
А мати пшеницю на панщій жне...

И в своей замечательной лирике, и в своих сатирически заостренных против царизма и помещицы «переложениях псалмов», и в стихах о назначении поэзии— всюду и во всем Шевченко верен гениально продуманным и прочувствованным идеалам народа. Овладев вершинами народности и глубинами революционного народного духа, Шевченко стал славой и гордостью не только украинской, но и мировой народной поэзии.

Сегодняшняя счастливая и свободная Страна Советов— не та Россия, в которой изнывал Шевченко. Сегодняшняя Советская Украина— не та рабская, разоренная паразитическими классами, растоптанная николаевским богфортом Украина, которую Шевченко мог любить только с великой скорбью.

Сегодняшняя Советская Украина являет высшее торжество таких социальных мечтаний, до каких немислимо было подняться даже и революционнейшему из народных поэтов серебряныи прошлого века.

Сегодня советский народ Украины— член великого сталинского братства народов. Сегодня с головокружительной быстротой развивается и расцветает его культура— национальная по форме, социалистическая по содержанию.

Расцвет этот осеняет каждую из братских национальных республик Советского Союза. И в каждой из них 125-летний юбилей рождения Тараса Григорьевича Шевченко— светлый, радостный праздник.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ЦАРИ

I.

Сестра святого Аполлона!
Хоть бы попутно, хоть на час,
Пришли б вы погостить у нас,
Как было то во время оно.
Вы вознесли б свой божий глас,
До оды пышной, пзоцренной,
И оба принялись под стать
Царей и прочих воспевать.
А как по правде вам сказать
Мне тоже крепко надоело
И господа осточертели,
Папы, и мужики, и хаты,
И согрешившие девчаты:
Хотелось бы согнать оскому
На коронованных главах,
На тех помазанниках божьих.
Так что ж! Не вытяну! Поможешь
Пощипать их, словно птах,
Распотрошить. Тогда, быть может,
Подержим мы в своих руках
Свято-помазанну чуприну.
Оставьте свой святой Парнас
Да навестите грешных нас.
И старенький свой божий глас
Возвысьте, тетенька. Да ладом,
Да добрым складом. Хоть на час.
Мы короновану громаду
Покажем спереду и сзади
Незрячим людям. В добрый час
Займемся же, моя подруга!

II.

Нет никого в Иерусалиме,
Ворота заперты, словно чума
В Давидовом городе, богом хранимом:
Улицы пусты и пусты дома.
Но хуже чумы—царева войша
Покрыла Израиль, пустеет страна.
Царевичи, князья, вся сила,
И отроки и весь народ,
Закрывши в городе кивот,
На поле вышли слабосильны;
Все в поле бились. Спротили

Детей малюточек своих.
А в городе молодые вдовы
В своих зветлицах, чернобровы,
Все плачут, на детей взирая,
Царя-пророка проклиная.
А он, упершись в бока,
Довольный, в роскоши палат
И, словно кот, глядит на сало,
Так смотрит он в зеленый сад
Соседа Гурия. В том саде
В своем веселом вертограде
Вирсавня купалась,
Как в раю Ева,
Гурия жена,
Рабыня царева.
Купалась себе с богом,
Грудь обливала,
Своего царя святого
Дураком считала.

Смеркалось. Окутанный тьмой,
Дремлет, тоскует Иерусалим,
В кедровых палатах, безумный и злой,
Ходит Давид, рассуждая е собой.
Жадный бормочет:—Я...мы... повелим!
Я—царь над этим грешным людом,
И сам я бог. В моей земле
Я—все! Что сделаю, то чудо.
Рабы вдруг ужин принесли,
Вина, ликера п всего.
Царь повелел, чтоб для него
Рабы рабыню привели
Вирсавню, ту чернооку.
До божьего царя-пророка,
Сама Вирсавня «пришла»;
Выпили и закусили.
И отдохнуть она «пошла»
С своим царем. А Гурий спал.
Ему, бедняге, и не снилось,
Что у него беда случилась,
Что царь его обворовал,
Ни золото, ни серебро,
А лучшее его добро,
Его Вирсавню украл.

А чтоб не знали этой шкоды,
Царь Гурия тайком убил;
Всплакнул для виду пред народом,
Псалмом святого Анофана
Народ свой хитро одурил;
И снова весел, снова пьяный
Возле рабыни заюлил.

Вот так живут цари святые,—

Вам раю этого не звать!

Давид святой, пророк и царь,
Не очень был благочестивый.
Была дочь у него, Фомарь,
И сын Амон. Здесь нету чуда:
Вызывают дети у святых
Хоть не такие, как у простых,
А вот какие...

Амон был первенец его,
Лежит болеет, отчего
Никто не знает.
Давид и стонет и рыдает,
Багряну ризу разрывает,
И пепел сыплет на главу.
Я без тебя не проживу
И дня единого, сыночек,
Ты непамятный мой цветочек,
И солнце, сын мой, не узрю,
Я без тебя, умру, умру.
И он идет, рыдая, к сыну,
Торопится, бегом бежит.

А тот, как быс себе здоровый,
В хоромине своей кедровой,
Как хворый, стонет, но лежит,
Валает дурака, кричит,
Вошит и батьку просит,
Чтобы сестра Фомарь пришла:
—Отец мой, дорогой мой царь,
Веди сестре моей Фомарь,
Чтобы лепешек нанекла,
Да чтоб сама и принесла.
Отведав их, я тотчас встану
С одра...

...Утром рапо
Фомарь лепешек принесла.
Амон схватил ее за руку,
В светлицу темную ведет.
Ломает руки и кладет.

Сестра, рыдая, вырываясь,
Кричит:—Очнись, мой брат, очнись!
Амон! Братец мой лукавый,
Единый братец мой, я... я...
Сестра единая твоя!
Куда я денусь от молвы,
И стыд и грех. Тебя такого
И бог и люди проклянут..
Но ничего не помогло.

Вот как царевичи живут!
Валуясь на свете,
Глядите люди, дети!

III.

И прожил Давид на свете
Немалые года.
Одрыхлел, и укрывали
Златыми ризами его,
И все ж они не согревали
Кота блудливого сего.
Но юноши додумались
Как обогреть царя святого
(Натуру волчью добре знали),
Чтобы согреть его, взяли
Девчат старцу навели.
Пусть греют кровью молодою
Царя своего. Разбрелись,
Закрывши двери за собою.
Облизнулся старый кот,
Распустивши слюни,
Свои руки протянул
К милой Самонтине.
Та была, себе на лихо,
Лучшая меж ними,
Меж девчатами, как гроздь
Меж цветов в долине.
И она собою грела
Царя-супостата;
Здесь же голые играли
Меж собой девчата.
Как она обогрела,
Я не знаю, знает бог.
Знаю я, что царь согрелся,
Но познать ее не мог.

IV.

По двору тихо гуляет
Старый, веселый Рогвольд,
Дружина, юноши, народ,
Все в золоте вокруг сияют:
У князя праздник. Ожидает
Из Литвы князя-жениха
Свататься к Рогнеде.

Перед богами Лель и Ладо
Огонь Рогнеда развела.
Елеем чистым полила,
Посыпала в огнище ладан.
Вокруг нее, как Валькирия,
Тащуют, прыгают девчата
И весело поют:
«Гоя, гоя, гоя!
Новые покои
Будем убирать,
Гостей ожидать».

За Полоцком, словно туча,
Поднялася пыль. Вегут

Старцы, юноши, бояре
 Из Литвы князя встречать,
 Пошли Рогнеда с Рогвольдом
 С девушками, со всем народом.
 Не из Литвы шел князь желанный,
 Не тот знакомый, долгожданный.
 Идет из Киева туром-буйволом,
 Прет веприщем за Рогнедою
 Князь Владимир с киевлянами.
 Пришли, и город обступили
 Кругом. И город запалили.
 Владимир князь перед народом
 Убил Рогвольда-старика,
 Посек народ. Князю растлил,
 И в свою волость отступил.
 Ушел с шумом. И другую,
 Как Рогнеду молодую,
 Растлил и прогнал. И княжна
 Блуждает по свету одна,
 Не в силах справиться с врагом.
 Так вот они какие, святые
 Отцы-цари!

V.

Чтоб палачи их порубали,
 Всех палачей-царей людских!

Хлопот мне с ними, вы бы знали,
 Как дурень, ходишь возле них.
 Не знаешь как ступить,
 Что с ними делать и как быть
 С теми поганцами. Скажи,
 Сестра святого Аполлона,
 Ты научи и помоги
 Пошарить малость возле трона!
 Я много денег получу,
 Тебе за все я уплачу.
 Пострижемся же в лакея,
 И ревностно в цветной ливрее
 Мы примемся царей любить,
 Перо и карандаш тупить.
 Там, где нету святой воли,
 Не будет там хорошей доли,—
 Зачем обманывать себя.
 Пойдем же в села, там лишь люди,
 А где люди, добро будет.
 Там будем жить, людей любить,
 Святого господя хвалить!
 1848.
 Кос Арал.

Перевод В. Копытина.
 И. Горнового.

ШТАБА

ОТДѢЛЬНАГО ОРЕНБУРГ- СКАГО КОРПУСА

По *л* Отдѣленно

№ 67-201.
комл

ДѢЛО

Съ опредѣленіи на службу въ Отдѣльной Оренбургскій Корпусъ, рядовицъ большаго Художника Спѣтсбургской Академіи Художествъ Тараса Шевченко, съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора, тутъ же и переписка о коидаибыхъ у него писемъ сочиненій и рисунковъ, за что онъ переведенъ въ роты баталіона *М*, расположенна въ Ново-Петровскіихъ укрѣпленіи

Начато *девятого Юня* 18*47* годѣ.
Кончено 186

На *187* лист *97*

Сдано въ Архивъ

48 годѣ.

По Архиву №

248-4/5

ДЖАМБУЛ

ТАРАС

Слушал я звонкий запев соловьиный,
Слушал я песни твои, Украина.
В степи летели они по утрам,
Плыли, как лебедь, по водам Днепра.
Песни твои, мой любимый Тарас,
Вместе с народом я слушал не раз;
Горы склонялись и степи внимали
Голосу гнева, страданий, печали.
Черное время тебя истерзало,
Песни железным арканом связало,
Руки твои в кандалы заковало,
В клетке холодной мечты схоронило,
С родиной милой тебя разлучило,
Счастье непознанное отравило.
Шел ты, и плакал великий Тарас,
С кровью текли твои слезы из глаз.
Шел ты, и черные силы земли
Песен твоих заглушить не могли.
Жажду ты в пламенном сердце носил,
Песней царей и господ ты косил.
Вместе с тобою, товарищ желанный,
С песнею острой, как меч восьмигранный,
Старый Джамбул свою месть проносил.
Старый Джамбул, не пугаясь, разил
Баев и ханов, князей и царей —
Наших, Тарас, вековых палачей.
В степи казахов, в незнакомые дали
Песню твою под штыками пригнали,
Светлую песню твою, Украина,
Смелую песню любимого сына.
Слушал я песню в голодных кустах,
Слушал в безмолвных степях Мангстау.
Шел и Джамбул этой черной порой
С цепью раба и с разбитой домброй,
Шел я с тобою дорогой одной,
Шел я с тобой. Мы друг друга узнали;

Шли мы — два брата — и молча слагали
Песню свою на родных языках;
Ветры несли эту песню в песках.
Шли мы, любимый, в безлюдьи степном,
Шли мы и пели с тобой об вдном.
Шли мы, как зубры, чуждаяся стада,
Шли мы, как зебры, на зов водопада.
В песнях хранили мы, в песнях несли
Правду великую. Долго мы шли...
Все что делал ты, все что искал,—
Я на любимой земле увидал:
Солнце лазури, счастливый народ,
Землю, что стала, как пышный сноп,
В розах, в цветах и в дыханьи степей,
В свежести наших озер и морей.
Сердце мое молодое стучит,
Слышишь, Тарас, твоя песня звучит,
Подняли песню два вечных титана —
На Украине, в степях Казахстана —
Ленин великий и Сталин родной.
Песня парит, как орел молодой,
Песня бушует, как горный прибой
Неумоляющего океана!
Песня бушует, и песня зовет.
Враг недобитый к границе ползет.
К нашему житю, к степям и долинам.
Будь же готова, моя Украина!
Грозным ударом огня и булата
Встретить фашистского черного ката,
Чтобы нашел он в последнем бою
Катову участь — могилу свою!

Д. НИКОЛИЧ
ПЕРВАЯ НОЧЬ
РАССКАЗ

Бревенчатые своды тяжелы и низки. Свет фонаря, едва доплыв до середины казармы, бесследно тает. Дальше — темнота. И в нее смотрят два лихорадочно горящих глаза.

Слева, справа, с противоположных сторон доносится густой солдатский храп. Изредка слышен кашель. Кто-то из соседей с причмокиванием подобрал разомкнутые во сне губы.

Человек, который не спит, вздрогнул. Ему показалось, что казарменную черноту ночи рассекает с шипом и свистом пушечное ядро. Человек замер, зажмурился, сжал в коленях ноги и ждет страшного удара... Разрывно, гулко чихнул толстый ефрейтор, что лежит рядом. Потом все стихло.

Томительны были вчера последние версты десятидневного пути от Оренбурга. Еще томительнее нескончаемая эта ночь. Хочется забыться, а думы все лезут и лезут. Мешаются, заводят дикий крутеж.

Усталая голова — не орешки тракт. Тот со своими пикетами, редутами, маяками, как струна, протянулся. По берегу уральскому тальником огорожен. Прутик к пруту подвязан.

Попробуй кто «уничтожить пролаз», соломенные шапки маяков факелами вспыхнут. Казаки тревогу поднимут. Кордонные отряды, караулы, посты, раз'езды, как из земли, вырастут. От крепости к крепости орудейная пальба пойдет.

Такой устав. Такая, значит, военно-пограничная Оренбургская линия. Такие дела здесь при начале великих песков...

Батальонный командир — пьяница. Что ему пески! Кто-то вчера называл здесь, в Орске, холм, расположенный против казарм, Яшмовой горой. На ней церковь стоит. Внизу, под горой, по правую сторону Инженерный двор. Там казематы

для каторжников. По левую сторону татары живут.

Майор высок. Ноги у него длиною от Петербурга до киргизских степей. Ему ничего не стоит растянуться во всю высоту Яшмовой горы. Нагребит с владычицей-водкой, упрется одной ногой в каземат, другой в татарскую лачугу. Спина его распластается по всему крутому склону горы. Живот, обращенный к небу, засияет на солнце двумя рядами гигантских мундирных пуговиц. Хмельно-багровое лицо поровняется с церковной колокольней. Северная рука приставит к поздре подзорную трубу. Взыграет воображение у пьяной офицера, и она, браво сплюнув горькую слюну, расхохочется:

— Ха-ха-ха... Кар-р-ра-кумы! Шикарный плац-парад!... Пятый батальон, стр-ройсь!... Метелки на-а плечо-п! Шагом марш!

И пойдут солдатки подметать Кара-Бумы. Там Марсово поле будет...

Батальонный Гулливер погрузился в дрему. Голова его скатилась на бок. А на место ее поднялась другая. Тоже хмельная. Между широко расставленными веками блуждают мутные зрачки, и остановились они на группе «конфирмованных».

— Ты за что? — вопрошает грозный поручик.

— За казенные деньги, ваше благородие.

— Ага... руки с ящичком... Надеюсь, вперед будешь умнее, — отвечает ротный командир и обращается к следующему:

— Ты за что?

— Нарушил волю барскую, ваше благородие.

— Ого! Дворовый пес оскалил зуб... Ничего, поднимил тебе зуб.

Дальше:

— Ты за что?

— За дело польске, ваше бл...

— Понимаю, понимаю. Как Марина заварила, так и расхлебывай, пане...

— Ты за что?

— Буянил, ваше благородие.

— А... блудный сын...

И к последнему:

— За что?

— За сочинение возмутительных стихов...

— Изыдет из тебя бес стиходейства. Про зеленую улицу, братец, слышал?

В том краю, где течет рожной Днепр, есть много зеленых улиц. Сквозь зеленые пуши под Киевом, под Черниговым, под Переяславлем, на Полтавщине доводилось продирааться не раз. Желанные объятия зеленых ветвей рвали одежду, царапали тело, крошили палитру, кисти, краски... В зарослях зеленого кустарника рождалось ощущение молодого леса. В лесу с золотоствольными соснами или с мшистыми дубами чудились волшебные чертоги колдуна зеленого. Ухо ловило незатихающий пошопот зеленой листвы. В прогалинах, освещенных предвечерним вишневым украинским солнцем, победительно рдели дикие маки, лиловели и розовели колокольцы, белела кашка, отливала ярко-синей искрой жирная луговая трава. Но «крошущей» повсюду бывала зеленая краска, как в фресковой живописи «зеленая земля».

На ветхой камышовой крыше, под которой прошли годы детства в далекой Кирилловке, запомнились островки лишайника. И те в освещении погожих украинских дней казались всегда зелеными-зелеными!

Поручиковая «зеленая улица» — другое... Два ряда солдат, построенных длинным кольцом. Шеренги их обращены лицом к лицу. У каждого солдата в левой руке ружье, в правой — лоза. Саженистая, гибкая, гладкая, издали похожая на зеленую змею. Между шеренгами легла «аллея». Но «аллея» медленно перекачивается странный живой клубок. В нем можно различить двух человек, одетых в унтер-офицерскую форму, и третьего — с непокрытой головой, обнаженного по поясу. Руки этого третьего притянуты мертвой петлей к штыку. Штык прижмут к ружью и острем приходится как раз против груди оголенного человека. Унтеры держат

ружье с другой стороны — за приклад. Пятясь и подтягивая все время ружье, двое влекут третьего за собой по кругу. Рвануться вперед нельзя — штык прочкинет. Рвануться назад нельзя — штык не отпустит.

Пока, падая и качаясь, шагает по нескончаемой кольцевой «аллее» привязанный к штыку человек, спину его со всего маху полосуют лозы. Каждый солдат, выставив правую ногу за линию фронта, кладет на несчастную спину свой страшный удар, после чего лихо, с армейским шарком, обратно отставляет к ноге ногу.

А в центре смертного круга начальство отсчитывает тем временем: «сто»... «двести»... «пятьсот»... «тысяча»...

Сквозь марево сонного видения узнаются среди начальства знакомые лица. Вон они: корпусный генерал, бригадный генерал, дивизионный генерал, которыми встречал военный Оренбург. Вон командант, майор, поручик, которыми встретила вчера Орская крепость.

По что это? Кого ведут по «зеленой улице»? Кого истязают шпицрутетами?..

Идет между шеренгами необыкновенный человек. У него гордо поднятая смуглая голова. Курчавые волосы бурно стекают к низу баками. Беспокойная линия рта очерчена яркими полными губами. Глаза мечут молнии ума и страсти. Он... он!.. Тот, кого все знают по трюбинскому портрету. Певец царственных высот. Любимец души. Ведут его и ведут по скорбной аллее лоз. С пояса у него свисают ключья шутовского камер-юнкерского наряда. А с ключев струится наземь «поэта праведная кровь».

За ним—другой. С усмешкой демона во взоре. С дерзновенным обликом бунтующего чернца. Этот волочит позади себя простреленный мундир с подковами гусарских эполет. И тоже истекает кровью.

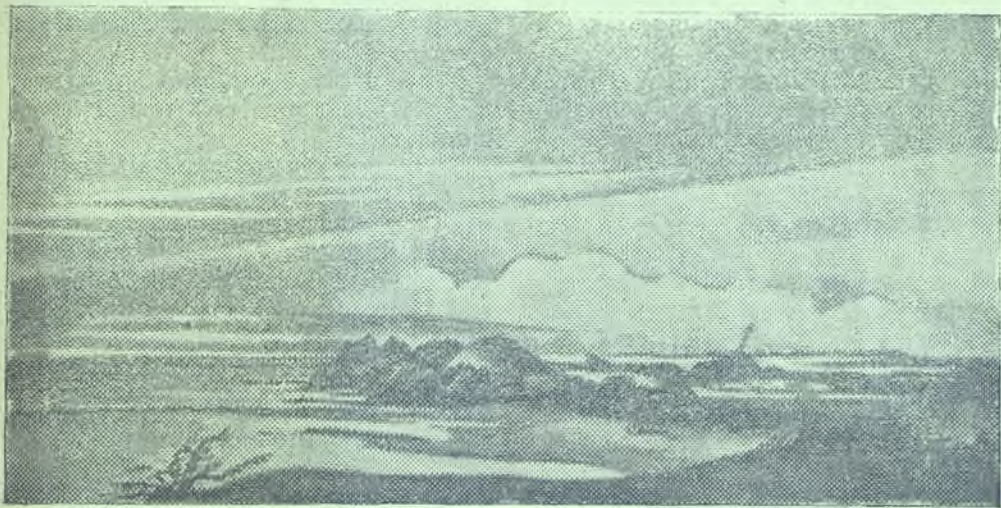
За другим—третий. За третьим—четвертый...

А офицер, — вроде того, что экзаменовал «конфирмованных», — торжественно поглядывает на экзекуцию, свирепо тычет кулаком в землю и приговаривает:

— Так их! Так их! Пока не сгинет бес стиходейства...

Страшно!

Из груди, сдавленной конмарным видением, хочется выдохнуть крик ужаса и

«АРАЛЬСКОЕ МОРЕ»

Рис. Т. Г. Шевченко.

негодования. Но скованы уста сном. Язык недвижим. Слова нейдут, не формуются. И лишь последним надрывным усилием удастся вытолкнуть наружу громкий пугающий стои...

— Эй! Земляк! Чего орешь среди ночи? — тормозит сосед по парам.

Тело разбуженного вздрагивает. Непокорные веки расходятся. Он уже не лежит, а сидит на своем ложе, упираясь в него ладонями нетвердых рук, изуродованных вмятинами от вчерашних наручников. На лбу застыли капли пота. На губах — мертвый холодок, точно они подернулись ледяной коркой. Голова, до-гола остриженная ротным цырюльником, — словно чужая...

Больше уже не уснуть.

Казарма попрежнему давит своими сводами, духотой и музыкой храпов.

Вот такая же тяжесть ночи запомнилась по почтовой станции, на которой довелось передохнуть у берегов Псека. Но там случилось встретить замечательного варнака. Там, пока конвойный фельдъегерь отсыпался, удалось не надолго вырваться из смрадного барака.

После тюрьмы, после дней бешеной езды в «чертопхайке», судьба подарила там счастливые часы привольного блуждания по степи, залитой лунным светом. Тогда-то на сухой траве под пригорком и про-

изошла неожиданная встреча. Варнак рассказал про себя повесть, какие печасто услышишь. Варнаков не принято здесь расспрашивать о прошлом. Они не любят о нем говорить. Но на этот раз старый варнак оказался родом с Волыни. Общая тоска по украинскому небу сразу сблизила и развязала речь.

Как странно-хорошо вспоминал старик про свои сиротские годы, про «волю-долю молодую», про милое сельцо у тихих вод Иквы да про девушку-невесту «карооку и высокоу»! И какими живыми словами выражал он свои чувства!

Но вдруг тускнело его лицо. Голос садился. Глаза начинали косить, как у горячего коня, завидевшего кнутовище. Тогда слушала чужая степь слова великого, неугасимого гнева. Варнак рассказывал об обидах, которые терпел с детства, о лютой помещице-крепостнице, о ее злых сынках. Панята—«як ти щенята»—безнаказанно кусали его. А когда он, повзрослев и обучившись грамоте, запросил воли, старая панна не отпустила его и даже в солдаты отказалась забрать... «Що тут на свити робити? Пинюв я до рала». Пока парень ходил за барским плугом, седой развратник, прижпвальщик панны, украл его счастье: обесчестил его невесту и пустил ее «покрыткою»... Вскипела на сердце месть и затапала до времени.

Пришел день, когда панята вновь посетили село у тихой Иквы. На них были уже гвардейские мундиры. Они приехали гепчаться с «паненками» в родовое имение, в свой домашний костел. Но не вернулись они из костела в брачные покои... Деревня устроила им иную встречу: всех княжат, панят и молодых—всех перерезали. Не остался в живых никто из лютой шляхты. «А мы, — закончил старик, — упоравшись, пошлы шукаты новой хаты... И найшлы — зелену хату и кимнату у гап темному. В лугах, в степах широких, в байраках крутых, глубоких... Всюды хаты! Було де в хати погуляты, и отпочиты де було»...

Надо записать — скорее записать, — чтоб не забылось!

Пальцы снуют под подушкой и нацупывают, наконец, одежду. Ту самую, в которой застал арест. Одежду, являвшуюся безмолвной участницей всех последних бед. Она помнит еще то южное апрельское утро, когда просыпалась тучная после разлива река и радужные голоса птиц налетали воздух ликованием молодого весеннего дня. Днепровский паром отчалил от берега и, тихо поплескивая единственным своим плавником, тропулся навстречу высокому взлохмаченному садуи Киеву.

Как вольно тогда дышала грудь! Как радостно билось сердце от предвкушения веселых киевских встреч!

Но внезапно опустилась на плечо тяжелая рука. Блеснули пуговицы полицейской формы. И грозный окрик в мгновение разорвал все очарование утра, реки, красующегося впереди города и мечтания 33-летнего человека...

Думы мои, думы мои!

Вы мой едник!

Не кидайте хоч вы мене

При лыхий годьши!

Прылятайте, сызкрыли

Мои голубята,

Из-за Днипра широкого

У степ погуляты...

Прылятайте ж, мои люби!

Тихими речами

Прывитаю вас, як диток,

И заплачу з вами...

Ноги путаются в натягиваемых штанинах. Тесемка от сборчатого ворота сорочки соскользнула концом куда-то назад и прилипла к влажной спине... Но уже че-

рез минуту мысль занята только тем, чтоб не попасться сразу на глаза джевальному. В освещенной половине казармы как будто не видно его...

А вот и самый фонарь... Вот табурет, и подле него плотно сколоченный некрашенный стол.

Левая рука быстро извлекает из скрученного кармана смятую тетрадку. В правой—зажат маленький карандаш. Взгляд сначала устремлен в путаницу черных бабок, образующих свод казармы, потом быстро, соколом падает вниз на бумагу. Карандаш забегал по белому полю. Рассказ старого варнака стал оживать в беглых, слегка ломанных, строчках стиха...

Вдруг, словно дух ада, вырастают из мглы необозримые контуры ефрейторского живота, звучно почесываемого огромной дланью поверх длинной исподней рубахи.

После зевка раздается шипение:

— Приказ ротного вчерась слышал?...

Ишь, вырядился штанацым вороном с сушит... и сушит чего-то чортовым шилом... Известен ты, что писать запрещается?

Увы, «известен»... Слово в слово запомнилась конфирмация, впервые объявленная в Петербурге, потом многократно повторенная на «экзаменах» в Оренбурге и в Орске:

«Государь император высочайше повелеть соизволил: бывшего художника С. Петербургской Академии Художеств, Тараса Шевченко, за сочинение возмутительных стихов определить в Отдельный Оренбургский корпус рядовым, с правом выселити, под строжайший надзор, в запрещенном писать и рисовать, и чтоб от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и насквильных сочинений»...

Ефрейтор совсем близко, но глиняная фигура его надвигается на стол, на бумагу, на карандаш нестерпимо долго. Есть время собственными руками разорвать стихи. И они разорваны...

Первая орская ночь, наконец, отошла. Пробыли зорю, и барабанная дробь рассыпалась по крепостному валу, по рвам, по степи.

Явился унтер-офицер с приказом птти в батальонный цейхгауз.

— Сдай партикулярные ношебные вещи и получишь амуницию. Шевелись!

Шевелиться пришлось в сопровождении каптенармуса через широкую пыльную

площадь, на которой уже начинало эвою очередную плавку жаркое солнце приорских равнин.

В цейхгаузе встретили: облеслый интендантский чиновник с покосившимися очками на сухоньком остром носу и прислуживавший чиновнику молодой белокурый парень из рядовых.

— Как звать?

Зашуршали листы ранжирного списка, и длинный палец чиновника с большим ногтем, желтым от табачного зелья, пополз по заглавным буквам фамилий.

— Шевченко? Тарас? Григорьев? Пятого линейного батальона, третьей роты, нижний чин, по номеру 191-й, ростом два аршина пять вершков...

В последний раз скользнул затуманенный взор по привычному партикулярному платью. И стало почти так же жалко чего-то уходящего, как тогда, на днепровском пароме.

Заметил ли белокурый солдатик слезу, невернувшуюся на глаза необычного посетителя, или что другое, — только сказал он вдруг с участием:

— Терпящий ты, звать, человек... Попал под красную шанку — держись!

При переодевании, когда патянуты были сапоги, в них, незаметно для свидетелей, нырнула маленькая «захалавная» книжница — неразлучная копилка запретных виршей кобзаря.

На обратном пути, не доходя до батальонного плаца, захотелось остановиться и оглядеться кругом.

С возвышения, на котором расположена крепость, по одну сторону виднеется река Урал с мостом, ведущим в Россию; по другую — разметалась во всю ширь бескрайняя гладь песков.

Прозренья нет. Ничто еще не предвещает, что десять лет жизни развеяны будут без остатка по этим немым просторам опаленной земли.

Но безотчетное чувство щемящей тоски ясно подсказывает, что путь назад, к мосту, отрезан надолго, может быть навсегда...

Судьбой прочерчен путь там, в песках, — серых, как эта серая солдатская шинель, что виснет на плечах.

Иса БАЙЗАКОВ
ОРДЕНОНОСЕЦ

ПРОЩАЙ, МАТЬ!

Когда над Российской землей
Господствовал сумрак почпой,
Когда заковал в кандалы
Царь-изверг народы страны,—
Миллионы рабочих вставали,
Их ненависть, гнев поднимали...
Тоска, тяжелее свинца,
И месть наполняли сердца.

Тогда, закаленный борьбой,
Рабочих повел за собой
Бессмертный, могучий Ильич.
Он бросил восстания клич,
Он поднял, как светоч, как пламя
Победное красное знамя,
Он правду народу сказал
И к счастью пути указал.

Лочь Родины!... Ты навсегда
Подругою стала тогда
Великому Ленину... С ним
Путем вы шагали одним.
Звезда матерей золотая,
Ты шла, этот путь озаряя.
Вместя, как луна над землей,
Ты с солнцем сроднилась душой.

И словно весною ручьи
Слились ваши вместе лучи...
С тех пор, как родные огни,
Над долиной светят они,
И смерть не погасит их жизни —
Им вечно спячь над отчиной!...
Внимательно слушай, народ,
Альбы в этой песне поет:

Тебе не дано умирать,
Дочь Родины! Ты наша мать.
В горячих сердцах никогда
Твоя не погаснет звезда!...
Прощай, наша мать, над тобою
Мы флаг, освященный борьбою,
Подняли. Он плещется, ал, —
Флаг Ленин над миром поднял.

**ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)
И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР**

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) и Совет Народных Комиссаров СССР с глубоким прискорбием извещают партию, рабочий класс и всех трудящихся, что 27 февраля, в 6 часов 15 минут утра, в Москве, после тяжелой болезни скончалась старейший член партии, ближайший помощник В. И. Ленина, член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР товарищ **Н. К. Крупская.**

Смерть тов. Крупской, отдавшей всю свою жизнь делу коммунизма, является большой потерей для партии и трудящихся Союза ССР.

**Центральный Комитет Всесоюзной
Коммунистической Партии (большевиков).
Совет Народных Комиссаров СССР.**

А. ДУБОВИЦКИЙ

РАЗЛИВ

ПОВЕСТЬ*

ХV. МОЛЕБЕН

В горячей работе пролетали дни пахоты. Не стало в стенах бесчисленных крестьянских становищ. Там, где они были, остались только примятая трава да груды сизой кизячной золы.

А в поселке уже снова кипела работа. Крестьяне, не пострадавшие от наводнения, засаживали огороды, мяли навоз, готовили к сенокосу машины и брочки, а наводненцы паскоро лепили себе хаты в верхнем конце поселка на сыпучем, с трудом проходимом песке, где раньше никто не хотел селиться.

Погода стояла ясная, сухая, с ветрами и суховеями. Пустыня Кара-Кум, лежавшая на юге, дышала зноем. Выходы, дружно поднявшись, начинали местами вянуть, желтеть. Все ждали дождя; с утра до позднего вечера с тоской смотрели на небо; спать ложилась беспокойными, с думой о дожде. Дожди не приходили; небо попрежнему по утрам было чистое, прозрачное, как отстоявшаяся вода, в полдень — серо-мутноватое, раскаленное добела зноем, перед закатом солнца — с кровавым заревом, предвещающим новые ветры и суховеи. Правда, жители поселка почти каждый день видели где-нибудь на горизонте тучку; она обычно росла, тучнела, ширилась и плыла на поселок; от нее уже тянуло живительной влагой, казалось, вот-вот брызнут из нее прохладные, освежающие капли и смочат истомленную землю. Но вдруг откуда-то из невидимых степных далей неожиданно налетает ветер, он рвал в клочья тучи и разносил их по необъятному небу.

Пригих, загрустил поселок. Скучно, по-

нуро ходят мужики и бабы, мало, редко, нехотя разговаривают. Не слышно стало по ночам звонких девичьих песен, не так уж задорно и волнующе звучит их смех. Шепчутся, как злые вещуньи, темные и суеверные старухи.

— Бог за грехи наказывает. Жить стали не по-христиански.

В больших хатах с высокими соломенными крышами и расписными ставнями поговаривают яснее, определеннее:

— Икорности да молитвы господь-то требует... Молебствие всем миром надобно отслужить...

А поп Бактус только и ждал этого.

Надреснутый колокол у часовни, наводивший тоску и уныние и до этого, гудел теперь безумолку каждое утро и вечер. Узкие и мрачные стены часовни не вмещали молящихся; люди прези в июньской духоте, усердно били поклоны о грязный земляной пол, взывали к прогневанному и суровому божеству. По праздничным дням отец Бактус обычно говорил проповеди, насыщенные плохо скрытой ненавистью к советскому строю и тоской о минувшей жизни и взывал к ее возврату. Люди из хат с высокими соломенными крышами, растроганные словами попа, утирали слезы, тяжело вздыхали об утерянном прошлом и, не веря в его возврат, скорбели о том, что было ближе им: они просили отца Бактуса вывести народ в поле и отслужить молебен. Однако хитрый и расчетливый поп не спешил; он каждый раз тайком посматривал на стрелки барометра, запрятанного у него в чулаце, и оттягивал молебен до тех пор, пока однажды вечером не обнаружил, что стрелка пошла на «дождь». Отец Бактус в этот же вечер провозгласил с амвона:

— Пришел час, когда паства господня должна воззвать ко всевышнему создате-

*) Окончание. Начало см. №№ 1 и 2 «Л. и И. К.».

лю нашему. Благослови нас, отец небесный, и прими молитву нашу.

Молебен был назначен на утро. Молва об этом пошла из края в край по всему поселку. Утром, чем свет, у часовни уже затолкался народ.

Утро в этот день было чистое, ясное; дышал легкий влажный ветерок; на южном небосклоне темнела небольшая тучка, заметно росла и приближалась к поселку.

Отец Бактус сидел у окна своей квартиры и попивал с попадшей чай с горячими блинчиками. Он был очень доволен. Складывалось так, как он рассчитывал. Барометр в чулане, спящая туча на юге упорно и вполне утвердительно показывали «дождь». Но туча была еще далеко, ветер гнал ее медленно, и поэтому, хотя у часовни уже порядочно было народу, отец Бактус не спешил: для более потрясающего эффекта был смысл выждать приближение тучи.

Кузьма Безродный еще с вечера спал о предстоящем молебне. Он не хотел было совсем показываться на глаза молящихся, да не вытерпел. Все же было любопытно кто соберется и как пойдут. Пришел к часовне. Сделал вид, что не знает в чем дело, спросил:

— По какому случаю молебствие, братцы?

Мужики молчали.

— Глаза повлазили, что ли! Не видишь! — злобно проверещала из толпы бабка Матрешечка.

— Тебя не спрашиваю, ворона.

Сзади по песку зашаркали чьи-то ноги.

— Молебниу, Кузьма Иваныч, от засухи... — послышался голос деда Зозули.

Безродный обернулся, испытующе смерил строгим взглядом старика.

— Ты никак, дед Антон, тоже собрался?

Дед Зозуля весело и хитро улыбнулся.

— Я, Кузьма Иваныч, старый революционер. Еще с пятого года пути до бога потерял... За душой-старухой пришел я. Без спросу убегла...

Кузьма повеселел. Обратился к мужикам:

— Вы тоже понапрасну, братцы, затеваете это. Не поможет. Лучше б оно было, если бы засухоустойчивые семена... снег задерживать... лес разводить...

Мужики молчали, смотрели пскоса, отворачивались. Муж Матрешечки — Чепик язвительно бросил:

— Не все такие вумные, как ты, гражданин Безродный.

Из толпы кто-то насмешливо добавил:

— Ишь граном какой выискался.

— Что агроном? Зачем агроном? — известно откуда взявшись, вмешался в разговор Гартман. — Видал мой десятина, где был подсолнух? Какой хлеб! Крутом желто, а мой хлеб — зеленый, как камыш...

У часовни завязался спор. Мужики разделились. Ввязались бабы. Дело грозило перейти в свалку. Но тут появился отец Бактус, и спор затих. Священник бросил недружелюбный взгляд на Кузьму и прошел в часовню. Спустя десять-пятнадцать минут он вышел обратно, облаченный в потертую ризу малинового бархата. Его сопровождали Дрон, Тягло и еще несколько мужиков; они несли иконы и хоругви.

— Услыши, господи, молитву нашу, — от самого крыльца возопил отец Бактус, поднял высоко порыжевший крест и пошел сквозь толпу.

Шествие тронулось. Над головами колыхнулись хоругви. Заблестели на солнце дешевой мишурой и позолотой старые обветшалые иконы.

У часовни осталась небольшая кучка людей. Они постояли несколько минут, потом молча пошли по домам. Около хат то тут, то там стояли мужики и бабы; одни из них присоединялись к шествию, другие хмуро и безучастно смотрели вслед и порой неодобрительно покачивали головами.

Меж тем, туча на юге росла и приближалась, нагоняя шествие. Отец Бактус временами косил глаза назад и ускорял шаг, чтобы во-время поспеть на пашню. Вот и первая полоса. Шествие остановилось. Начался молебен. Небо потемнело, палотел ветер. Затренихались хоругви, женские платки, неделями нечесанные бороды мужиков; в лицо жестко хлестануло сухой колочей пылью и песком. Но люди не морщились, не закрывали глаз и с блаженными улыбками смотрели на небо, крестились и пели молитвы вслед за попом. Послышался далекий, похожий на шелест листьев, шум, блеснула молния, раздался могучий удар грома, и на землю косыми струями ударил проливной дождь.

Молящихся охватил экстаз. К небу по-

тянулись сотни рук, по лицам многих, особенно баб, вместе с потоками дождя капались слезы умиления. Но больше всех испытывал радость отец Бактус. Его маленькое морщинистое и волосатое, как у мартышки, лицо было полно неземного блаженства. Его тонкий искликовый голос звучал вдохновенно и торжественно.

С одежд молящихся ручьями стекала вода. Все промокло до нитки; платья и рубашки прилипали к телам, резко обозначились моластые фигуры мужиков, мягкие округлости баб и молодущек. Среди молодых женщин особенно выделялась Дронова сноха Проська. Отец Бактус, как не был увлечен молебствием, все же не мог оторвать глаз от ее дразнящих высоких грудей. Он мысленно сравнивал Проську, молодую, сочную, брызжущую здоровьем, со своей дряхлеющей попадьей, и от этого в душу его вкрадывалась грешная тоска и зависть.

Дождь кончился. Туча, растянутая ветром, прошла узкой и длинной полосой. Приветливо и ласково выглянуло солнце, и его лучи радугой заиграли в капельках, повисших на пожелтевших стебельках травы и посевах. Остановился и застыл в своей величавой, умиротворяющей неподвижности воздух; он был чистый, легкий, приятный. Откуда-то из травы вспорхнул жаворонок, и полилась над землей его радостная и восторженная песня. Копчик в великом изумлении повис над мокрой, дымящейся паром толпой молящихся, с любопытством рассматривая ее, — отродясь не видел еще такого!

— И, услыша молитву пашу, послал ты, всевышний творец всея вселенны, благодать свою на землю, прегрешившую перед тобой. Прими, небесный отец наш, благодарение многогрешных рабов твоих! Ами-инь! — закончил своей незатейливой импровизацией молебен отец Бактус.

Люди с благоговением приложились к порыжевшему кресту и мокрой руке священника и стали расходиться.

Мужики, чьи посевы были ближе, бросились на свои поля. С завистью поглядывая на повеселевшие полосы хлеба чужих посевов, они скорее хотели убедиться в чудотворной силе своей молитвы. Но чем шли дальше, тем больше в душу им вкрадывалось сомнение. И скоро эти сомнения оправдались. Пройдя какую-нибудь версту,

они с ужасом вступили на сухую, нетропуемую ни одной каплей дождя землю. Тогда одни из них, понуря головы, как столбы, застыли над своими засыхающими полосами; другие, возвратившись в полосу, захваченную дождем, шли за уходящей тучей, горящими глазами осматривали каждую пядь земли, политую дождем, перечисляли имена счастливых владельцев этих полей, рождая в душе к ним зависть и ненависть. Среди них был и Чепик. Так мужики дошли почти до самого озера, где весной пахали супрягачи, и к своему величайшему изумлению обнаружили, что посевы всех богоотступников — Кузьмы Безродного, Якова Кряженко, деда Зозули и многих других крестьян — были обильно политы дождем. Это было непостижимо, потрясающе! Они верили, молились, взывали к небу, славили щедрость божью, но он, всевышний, обошел их, так жестоко и страшно обидел. А вот этих смутьянов и раскольников пощадил.

Мужики опустили головы. В поселок они принесли горечь, сомнение и ропот. Это дошло до отца Бактуса и серьезно обеспокоило его. Он пустил в ход всю свою хитрость и изворотливость. Но ему не удалось рассеять сомнений и ропота.

Хлеб горел, сох. Зеленели и крепились только посевы, политые дождем во время молебствия. А небо все также было безоблачно, сухо, накалено зноем. Земля пересыхала, звенела под ногами, трескалась. Степь покрывалась солончаками.

Люди грустили, со страхом и трепетом смотрели на холодеющее солнце и ждали суровой зимы.

XVI. ПОДО ЛЬДОМ

Невесело прошел сенокос. Невесело началась и уборка урожая. Не колыхалась на полях, как в урожайные годы, тучные колосья, не играют золотым переливом на солнце. Выжгло нещадное солнце степь, выжгло посевы. Только в низинах, балках да еще на узкой полосе, захваченной случайным июньским дождем, устояли, выдержали зной хлеба. А в других местах нечего было убирать. Подвели старые, обессиленные земли. Стояли машины. Колосья, разбросанные то там, то сям, собирали руками. Зато опять, как и всегда, были с хлебом те, кто сеял на новых землях, у казахов, вдали от поселка. Тяже-

лые, прижатые бастрыками, брички с хлебом или на тока Дрона, Тягло и других крепких мужиков. Как наперекор всему, неплох был хлеб и у супрягачей, чьи посе́вы случайно попали под дождь. Но особенно поражал всех посев Гартмана: хлеб на одной из его полос был высокий, густой, похожий на камыш.

Крестьяне с завистью поглядывали на заваленные хлебом тока Дрона и Тягло, заходили к супрягачам и к немцу Гартману и возвращались домой хмурые и печальные. Иные при этом заискивали перед богатыми мужиками.

— Ничего у вас хлебец-то уродил, Роман Тимофеевич, — сказал как-то Чепик, подойдя к току Дрона.

— Но гневаю бога, — самодовольно ухмыльнулся тот.

— Да-а, — вздохнул Чепик и пошел дальше. Проходил мимо хаты Гартмана. Немец, стоя на гарбе, сбрасывал на ток тяжелые навильники хлеба. Хотя и не в ладах был с Гартманом Чепик, однако не вытерпел, подошел.

— Бог на помощь, — любовно ощупывая тучный колос, сказал он. — Где это сеял? На своих или казахских?

Гартман смерил Чепика гордым взглядом и сухо ответил:

— На небе я сеял.

— Нет, кроме шуток?

— На бога не надейся другой раз, а сам делай — и у тебя будет такой хлеб, — вразумительно ответил Гартман.

Строптивый Чепик молча проглотил упрек и отошел от гарбы.

Уборка хлебов кончилась. Надвигалась осень; побурела степь; осыпались желтые листья с чаклой и уродливой акации, с тополей, что стояли под окнами Дрона и Тягло. Тоскливее стал крик журавлей, круживших высоко в небе: они уже готовились в далекий путь. Солнце еще светило, но грело уже плохо.

Крестьяне готовились к зиме. Мужики подираивляли дворы, возили с озера камыш на топливо. Бабы заделывали каждую дырку в жилье, белили хаты.

Наступили хмурые и сумрачные дни. Небо целыми днями почти не прояснялось от серых свинцовых туч. Дули холодные ветры. На упылую землю сыпал мелкий осенний дождь. Вот полетели первые хлопья снега, легкие и пушистые как пух.

Потом ударил мороз; озера и реки замерзли.

Кузьма Безродный готовился к зиме. Все также упорно, безустали и передышки бился с жизнью. Позади за миновавшую весну и лето было столько выполненных дел, что было страшно подумать. Прямо не верилось: посев, сенокос, уборка, новая хата... И все это своими руками, своим горбом. А сделать еще оставалось немало — хата была без двери. Надо было навозить камыша на стены, крышу и заготовить на зиму топлива.

Он каждый день ездил с Гаврюшкой на Исык-озеро за камышом. Ближе к берегам камыш уже был выкошен еще летом и ранней осенью. Приходилось резать на льду. А лед еще был тонок, держал плохо, далеко от берега уходить было опасно. А уходить надо было. И вот однажды, выкосив мыс камыша, Кузьма хотел позннее перебежать через узкий заливчик к другому мысу. Лед треснул. Кузьма не успел крикнуть Гаврюшке, носившему к телеге камыш, и с головой ушел под лед. Расступившийся лед тут же сошелся над ним.

Гаврюшка в это время был у телеги. Услышав треск льда, он обернулся и увидел: в заливчике над шевелящимся льдом торчала коса, выставленная из воды. Он понял все и с криком ужаса бросился на помощь отцу. Делая отчаянные прыжки, он был уже у полыньи, как между льдами появилась голова отца. По лицу, изрезанному льдом, текла кровь. Кузьма во-время остановил сына, крикнув:

— Возжи, сынок...

Мальчуган с быстротой ветра метнулся к телеге и вскоре был уже снова у полыньи. А отец выбывался из сил, коченел от холода, он уже почти не мог говорить и только шевелил посиневшими губами.

Гаврюшка один копец вожжей бросил отцу; вожжи запутались, не долетели. Кузьма уходил под лед. Мальчуган бросил еще раз; веревка упала у головы отца; Кузьма схватился за нее и потянул. Гаврюшка не мог удержать, скользил по льду к отцу.

— За камыш держ... — с трудом произнес отец. Мальчуган понял. Он одной рукой вцепился в толстый пучок камыша, а другой держал веревку. Отец выполз на лед и на животе подобрался к сыну. Гаврюшка был бледен, из пальцев, обрезан-

ных камышом, текла кровь. Отец обнял сына и впервые в жизни заплакал...

На берегу озера пылал огромный костер. Гаврюшка отогревал отца.

XVII. СОВЫ ПОЛУНОШНЫЕ

У Дрона был праздник. В хате ярко горел свет. В просторной, по-праздничному убранной, горнице Дрона собралась вся знать поселка. Здесь был и его кум Тягло, и отец Бактус, и председатель сельпо Хлызов, и секретарь сельсовета Лихоход.

Гости сидели за двумя большими столами, накрытыми недавно привезенными из города хрустящими тканевыми скатертями. Хозяин в черной суконной паре под сапоги и шелковой белой рубаше сидел под образами и угощал гостей. Авдотья и Проська не успевали подносить миски с борщом, вареники в сметане, жареных гусей и поросят, свиное сало с яйцами, соленые огурцы, помидоры, арбузы. Василий обносил гостей водкой, а сам старик подливал избранным гостям из пузатого графина вишневою настойку.

Здесь же, на зеленом просьякином сундуке, сидел Гришка Свистун, лучший гармонист в поселке, и разводил меха старого, в медных побрякушках, полубаяна.

Гости были уже изрядно выпивши. Разговаривали громко, все враз, не соблюдая никаких приличий. Дрон, решив похвастаться и подзабавить гостей, поднял огромную, как бревно, руку.

— Слушайте, слушайте, шо я вам расскажу!

Шум стих. К нему повернулось более десятка пьяных, но еще не потерявших человеческого облика лиц.

— Було цо перед войной, — начал Дрон для большей выразительности на самобытном украинском языке. — Поихав я на Спасский завод — хлиб на базар повиз. В Большом Степу повстривал покойника Фому Михенча Гаркуна из Жаман-Кудука. Вин ще кумом мне доводился. Бум виз на завод крапанки. Врняи було под вичер. Порешили заочевать... Запхали это мы с кумом Гаркуном до Осина Гарбуза — той що в пятнадцатом году из Привольного ухав. Выпили трошки зустатку тай и заспорили. Гаркун каже:

— «Кум, а кум, шоб мене гадюка задала, не зьишь ты сто крашенок!»

— «Хто? Це я не зьим сто крашенок?»

— кажу я куму. — Та я двисти зьим!»

— Фома Михевиич аж глаза вытаращил. А потом и каже:

— «Хошь ты и кум мий, а все одно брешешь, як у той сивый мерин».

— Ции его слова меня до печенок досталы.

— «Давай, — кажу я, — твои двисти крашенок! Вари!»

— Кум Гаркун мабудь трошки спужался. Думав-думав, та и каже:

— А еще два хвучита сахару ты зьист должен».

— «Должон», — кажу я.

— «Та ще двадцать пять стаканив чаю должен выпить».

— Кум трошки подумав и каже:

— «А на шо мы спорить будемо?»

— «Та хошь на шо».

— И так мы порешили: як зьим я кумови крашенки та сахар, та чай вынью, то вин ище четверть водки купуе; а як не зьим — я помвидра водки ему выставляю.

— Осип Гарбуз руки наши разняв. Кум принис ящик с крашенками, а жипка Гарбуза стала их варить.

— «Як вам? — пытае она. — Чи вкрутую, чи вмятку?»

— «Вкрутую», — каже кум.

— Такого уговору не було, та я не став спорить; нехай, думаю, вкрутую, так вкрутую...

Гости как не были навеселе, а рассказ хозяйна слушали с большим вниманием и любопытством, тем более, что для многих этот рассказ был новым. Особенно же рассказом Дрона был заинтересован отец Бактус, который хоть и невзрачен был ростом, но прозорством также отличался пещимовирым. Он смотрел посовельными глазами прямо в рот Дрона, вертел головой, как сова, и часто икал. Меж тем Дрон, дойдя до самого интересного места, оборвал рассказ и, как ни в чем не бывало, принялся за обе щеки улетать поросенка.

— Глаголь... ик... глаголь, Роман Тимофеевич... ик... — одва ворочая языком, проговорил отец Бактус.

— Та шо тут глаголить, — не поднимая глаз от поросенка, сказал Дрон. — Зьив, та и все.

Гости ахнули.

Поп с величайшим восхищением похлопал Дрона по животу.

— В святом писании... ик... сказано, что тот кит... ик... который проглотил Иону... ик... имел такой же желудок, — сострил он.

Дрон, которому не понравилась фамильярность пьяного попа, бесцеремонно оттолкнул его.

Председатель сельпо Хлызов, пахнувший фиксагуром и репейным маслом, почтительно слушал.

— И ничего с вами не произошло, Роман Тимофеевич?

— Та ничего. Тилько опух та цилую нидилю писля того в рот ничего не брав. А так, бог миловал... А теперь выпьем же, дорогие гости, — обвел он веселыми глазами горницу. — Василь, наливай.

— За тин крашенки, шо ты, кум, у Гаркуна знял, — поднял чашку Тягло.

— Хай им бис! — сердито махнул рукой хозяин.

— Я такую рекомендацию имею, — поднял вдруг Хлызов, — выпьем за.. Расею!

— Яку Расею? Пову чи стару?

— В моей хате шоб няякх разговоров про политику не було, — внушительно объявил Дрон, косясь на окно, где мелькали какие-то тени. — Вы шо, дорогие гости, хлба не бачите? — показал он на портреты Маркса и Калининна.

— Выпьем за Расею советскую! — громко произнес Дрон.

— Ура-а! — заревели гости.

После тоста Роман Тимофеевич подождал сына и тихо сказал ему:

— Побач, кто там под окном ходе.

Василий вернулся со двора и сказал, что никого нет.

Гулянка началась веселее. Гости поднимались один за другим. Языки развязались. Теперь уже смелее говорили о России новой и России старой, говорили об Украине червонной и Украине зеленой (слова «белой» все же боялись произносить), о Казахстане царском и Казахстане советском. Потом, перепившись, плясали, дрались, блевали и снова пили и снова ели. И никто не замечал, что в семье Дрона не было еще одного своего человека — Гальки.

Между тем девушка, ушедшая к подружке Парашке Педелькиной, сидела в обним-

ку с Семкой Чубом у развалин старой заброшенной хаты. А вокруг крутил и злобно завывал сердитый ветер.

Семка и Галька были впервые несчастны. Они сидели молча, пригорюнившись. Они вспоминали о пролетевшем, как сон, лете, о тайных трепетных встречах у озера под звездным небом, под душистыми копами сена, у скошенных золотых полог хлеба. Как тогда было тепло и радостно! Как хорошо было сидеть, прижавшись друг к другу, и слушать сладкое безмолвие ночи! И хотя коротки, мимолетны были их тайные встречи, как ни тяжело было расставаться, но тогда никто из них не думал, что и этим коротким их встречам может наступить конец. Они были счастливы, они не хотели заглядывать далеко вперед, жили надеждой на вечность своей любви.

Но вот наступила осень. Полевые работы были закончены. Дрон, чтобы не навлекать на себя лишних хлопот и подоспевший, вчера предупредил Семку о том, что через две недели он должен у него получить расчет. А какой расчет? Десятина, которую по уговору хозяин посеял ему, выгорела, возвратила только семена. Деньги — пятерку в месяц — Семка почти забрал. Наступала зима, а жить было не па что. Надо было снова думать о работе. А где ее найдешь зимой в своем поселке? Это заставляло Семку крепко думать, искать выход. А выход был один: идти в город, там наняться куда-нибудь в кучера, конюхи или истопники. Ну, а как с Галькой? Обратиться к Дрону, объявить ему о своей любви и просить отдать ее замуж? Сманить ее к себе и оставить в пустой и голодной хате с матерью-старухой? Звать ее с собой в город и вместе искать работы и теплого угла? Уйти одному, а ее оставить пока у отца? Все эти варианты были невозможны. А тут еще поползли слухи, что с Жамап-Будука к Дрону собираются приехать сваты. Это больше всего беспокоило Семку.

— Ну, как же, Галь, што будем делать? — прервал Семка молчанье.

Галька по тону его голоса поняла, о чем он спрашивает. Ответила с грустью:

— Я и сама не знаю.

— Эх, жизнь наша пропащая! — с отчаянием произнес Семка и стиснул руками голову.

Девушка забеспокоилась.

— Ты, что, Сема? — заглядывая в глаза, спросила она.

— Да так... На сердце тяжело... Камень будто висит.

— Почему так? Может, разлюбил... Опостыдела я?

— Знаешь, что я тебе скажу: не такое тебе надо, как я... — с горечью произнес Чуб.

Галька прильнула губами к его щеке, обожгла жарким дыханием, заговорила, едва сдерживая слезы:

— Сема... милый... Не говори так... Больно мне... Кроме тебя я вовек ни за кого не выйду. Вот тебе святой крест...

— Брешешь ты, Галька! Брешешь! По верю! Кабы любила, не пожалела бы для меня своей... чести, — вдруг неожиданно не только для Гальки, но и для себя выпалил он. В этих его словах вылилась вся накопившаяся в сердце горечь, безвыходность, закрывшаяся в душу сомнение в прочности и нерушимости их любви.

Эти слова Семки, казалось, оглушили девушку. Она отшатнулась от него и замерла в какой-то томительной неожиданности. Она стала вдруг холодной, далекой и недоступной. В ее глазах, скрытых тьмой осеннего вечера, казалось, светилась ненависть. Семка с тревогой и раскаянием следил за ней. Он с замиранием сердца ждал, что она вот-вот скажет ему что-то тяжелое, оскорбительное, непоправимое, а затем встанет и, не оборачиваясь, гордо и величаво, с сознанием своего неоспоримого превосходства, уйдет с тем, чтобы больше никогда не встречаться с ним. Но каково было изумление и радость Семки Чуба, когда он вдруг ощутил на своем плече вздрагивающую голову Гальки. Девушка плакала. Она, нежная, трепетная, готовая на все, шептала:

— Сема... милый... что хочешь делай со мной, только не мучь... не говори так...

Семка оцепенел от этих слов. Он стиснул девушку и впился губами в ее теплые, зовущие, податливые губы. Он был готов уже податься охватившему его страстному порыву, как вдруг почувствовал щекой теплую слезу девушки. Эта слеза обожгла его. Небывалый стыд, боль, раскаяние охватили его. Он еще плотнее прижал к себе Гальку и затаял дыхание. Девушка также перестала дышать. Так,

в молчании, они просидели несколько счастливых незабываемых минут. Потом Семка сказал едва слышным, прерывающимся голосом:

— Прости, Галя, меня дурака. Теперь верю. Больше никогда не скажу тебе про это...

В этот момент со стены на головы им посыпалась глина, а за стеной зашуршали чьи-то быстрые шаги. Семка хотел было вскочить, но Галька удержала его. В страхе прижавшись к нему, она молча кивнула ему головой на угол развалнины, из-за которой торчала чья-то голова.

Семка поднял с земли камень и, крадучись, шагнул вдоль стены. Голова скрылась, и тут же послышался гулкий топот. Семка бросился вдогонку. Но время было уже упущено. Легкая тень быстро скрылась в проулке.

Он вернулся. На углу развалнины его встретила Галька.

— Убегло, — с трудом переводя дыхание, сказал Семка. — Прыткое, как заяц.

Галька дернула его за рукав и спросила:

— А ты больше никого не видел?

— Нет.

— Еще кто-то был и ушел в степь. По другую сторону хаты было...

— Вот же совы полуношние! Кто бы это подглядывал за нами?

— Один—Аниська Шмель, а кто другой — не знаю, — едва сдерживая слезы, ответила девушка. — Теперь набрежут отцу.

Семка сжал кулаки и потряс ими в воздухе.

— Пушай только набрежут. Душу из живых вырву.

Ветер шумел, злился, навевая какую-то смутную тоску и тревогу.

XVIII. ВЕДЬМА

Дрон весь следующий день пил квас, кашу, рассол и жевал зеленые огурцы. Вечером он оделся по-праздничному и ушел из дому.

Бабка Матрешка наблюдала из окна своей хаты за тем, когда уйдет куда-нибудь Дрон (после разговора о чудесном корабле она боялась показываться ему на глаза). Заметив, что Дрон прошел в сторону селы, она накинула на плечи шаль и сейчас же бросилась к Дронихе.

Авдотья была в хате одна. Аниська с Семжой с раннего утра уехали за сеном. Проська с Галькой доили коров. Авдотья встретила Матрешечку теплее, чем обычно.

— Давненько ты чего-то не заходила, — сказала она.

— Некогда, бабонька, было, страсть некогда, — быстро пролетела Матрешечка.

Авдотья зажгла лампу, пригласила бабушку к столу, поставила перед ней тарелку с остатками от вчерашней гулянки — кусками холодной ветчины, куриными шейками и крылышками, крошками холодца.

— Девку-то не выдаете? — уплетая за обе щеки, как бы между прочим, спросила Матрешечка.

— За кого же? Жениха у нее еще нет на примете.

Бабка взглянула на Авдотью своими маленькими лукавыми глазками, сказала предостерегающе:

— Ай, завелся у нея черный ворон. Гляди в оба, бабонька. Выклюет он ей очи черные.

— Чирый тебе на язык! — вскочила в ужасе Авдотья.

Бабка Матрешечка перестала есть, тихо отодвинула тарелку, но и вида не подала, что обделалась.

— Зря обижаяешься, бабонька. Стара я врать. Не желала б тебе добра — язык вырви — слова бы не промолвила.

— Никогда не поверю, — махнула рукой Авдотья.

— Я тоже не поверила б, кабы сама не видела. И, скажи, такая девка, королева писаная, и с таким хлюстом...

— С кем же это? — не выдержала Дрониха.

— Сказать стыдно. — Бабка обежала плутоватыми глазами комнату и, понизив до шопота голос, сказала: — С работником вашим. С Семжой Чубом.

— Брешешь ты, старая! — схватила ее за руки Авдотья.

— Вот мой крест. Провались я в преисподнюю на этом самом месте. Иду я вчера мимо развалины, где жил Андрон Куцехвостый, и вдруг слышу... — и бабка Матрешечка рассказала все, что слышала, при этом приврала раза в три.

Авдотья больше не спорила, не упрекала бабушку и не сердилась. Она понимала, что так могло быть. Она и сама замечала

неравнодушные Гальки к Семке, но как-то не смела и подумать о ее любви к нему. И это было не столько потому, что Галька была не пара Семке. Нет. Она, как мать, любила дочь, хотела ей счастья, не гналась за богатством, будучи несчастной сама и при богатстве. Она боялась мужа, зная, что он ни за что не позволит Гальке сделать такой выбор. Она знала о ком мечтал Дрон. Он давно уже опытным взглядом прикидывал местных женихов и не находил достойного своей дочери во всем поселке. Он пробовал перебирать известных ему женихов и в других ближайших селениях, но остановиться ни на ком не мог. И вдруг Семка Чуб... Если он узнает об этом? Авдотья схватила руку бабушки Матрешечки.

— Спасибо тебе, что глаза мне открыла. Большое спасибо. Только я прошу тебя об одном: не говори ты об этом никому. Не приведи бог, дознается Роман! Погубит он ее, на тот свет загонит!

— Да разве ж я затем пришла, чтоб горе ей, твоей голубке-то, чинить? — лепетала Матрешечка. — Избави меня христос. Я сама была матерью. Знаю, как это материнскому сердцу... — бабка Матрешечка приложила угол платки к глазам.

Авдотья вынула из сундука кусок желтой с горошками бумагой и передала бабке.

— Возьми вот на платье.

— Благодарствую. Дай тебе бог здоровья, — с жадностью схватила Матрешечка подарок.

На дворе о мерзлую землю застучали брички. Это приехали Семка с Аниськой. Привезли со стены сено. Они поставили брички у скирд, выпрягли быков и пошли в хату погреться. Галька во дворе поймала Семку. Она была обеспокоена.

— В хате сидит та брехунья, — быстро заговорила она, — бабка Матрешечка. Не иначе как про нас язык чешет...

— Вот же гадюка. Ну, я ей сострою, — пригрозил Семка.

Семья Дрона собиралась в хату. Вспугнутая Матрешечка поспешила домой.

— Ну, засиделась я. Старик, небось, уже ругается.

— Сиди. Рано еще.

— Нет уж, пойду. Видишь, какая темь на дворе.

Бабка Матрешечка вышла из ворот и

быстрыми шажками засемонила к своей хате. Путь ее лежал через площадь. Отойдя от хаты Дрона шагов десять-пятнадцать, она вдруг услышала, что сзади ее что-то загроыхало, запрыгало и понеслось мимо нее. Бабка взмотрелась: это бежало колесо, а в его ступице блеснул огонек.

— Ах! Ратуйте, добрые люди! — не своим голосом завопила старуха и шлепнулась на землю.

Где-то вблизи послышались ответные голоса и топот. Над распростертой бабкой Матрешечкой склонились две головы.

— Кто це? — спросил Дрон.

А бабка знай, дрыгает ногами, трясется как студень, и бормочет какую-то несусветную глупость. Ее подняли на ноги.

— Сорока! Ты чего тут? — сердито тормозил ее Дрон.

Узнав знакомый голос, бабка ономилась и затараторила быстро-быстро.

— Дрючок... хватайте дрючок скорей... В дырку суйте ей утем дрючком... С обок концев держите, чтоб не ушла... Скорей хватайте ее.

Дрон и Хлызов ничего не понимали. Смотрели на нее, как дураки, и пожимали плечами. Па шум собирались люди.

— Який дрючок? Яка така дирка? — спрашивал Дрон.

— Хватайте! Ловите! Держите! — вопила старуха. — Ведьма колесом оборотилась. До часовни побегла... Ловите ее да дрючком в дырочку, а то уберет...

Дрон выпустил старуху, прошел по направлению к часовне и над чем-то нагнулся.

— Дура старая. Та це ж колесо от мого колодезя...

— Неправда! Неправда! — кричала старуха. — Накажи меня бог, своими глазами видела.

Дрон поднял с земли горячую кизячину.

— О це ж яки шайтаны! Злякалы бабку досмерти! — громко засмеялся он.

В толпе тоже поднялся хохот.

Опозоренная Матрешечка без оглядки уезпетывала к своему дому. Из-за угла дроновской хаты выглядывал торжествующе Семка Чуб.

После этого запятого происшествия вся семья Дрона отправилась к Хлызову «похмеляться» после вчерашней гулянки. Уходя, Авдотья, смотря на дочь жалостливы-

ми глазами, погладила ее по голове и сказала:

— Ты, ридна, никуды не ходи.

Девушка кивнула головой. А когда все ушли, она прикрыла дверь горницы, задержала занавески и села у стола, грустная и задумчивая. Она сидела неподвижно несколько томительных минут. Потом решительно встала, сняла со стены побольшое, расписное яркими цветами зеркало и поставила его перед собой. Галька разглядывала себя долго, пристально и серьезно. Перед ней было неотразимо милое, немного смугловатое и грустное лицо с задумчивыми и чистыми, как вода, глазами, с едва заметной тенью синевы вокруг них. Галька мысленно сравнивала свое лицо с лицами знакомых ей девушек и находила, что ни одна из них не могла с ней сравниться. Потом, немного зардевшись, стала припоминать лица всех парней своего поселка, ставила эти лица рядом со своим и недовольно хмурила брови и встряхивала головой. Почему-то вспомнилась ей и тот молодой, стройный в черной борчатке и шляме, которого она встретила весной на улице. Галька улыбнулась ему, но, о чем-то вспомнив, сдвинула черные и тонкие, как стрелки, брови. «Женатый». В зеркале появилось лицо Семки Чуба, простое, веселое с небрежно рассыпавшимися золотистыми волосами. Галька закрыла глаза и потянулась к нему губами. «Милый». От этого синие круги под глазами у ней сделались еще темнее. «Отчего бы это? Так ведь бывает когда...» В этот момент за ее спиной послышался легкий шорох. Она вдрогнула и повернула голову. Сзади, подобравшись на цыпочках, стоял Аниська Шмель. Он был по-праздничному одет, причесан, и от него пахло репейным маслом и водкой. У него почему-то необычайно блестели глаза и раздвигались поздри, будто он только что пробежал без передышки целую версту.

— Какая ж ты красивая...

— Что тебе надо? — строго спросила девушка, чувствуя что-то недоброе в замыслах Аниськи.

— Так я... Ничего, — мялся Аниська. — Пришел поглядеть на тебя...

— Я тебе не богородица. Нечего на меня глаза пилить! — оборвала его Галька, тревожно поглядывая на дверь.

— Галя... Галюся... — решился, на-

конец, Аниська. — Я... я давно по тебе иссыхаю... свет божий мне опостылел. Полюбил меня, Галюся...

Галька вскочила красивая, статная и гневная.

— Убирайся отсель! — крикнула она.

— А если не уйду, — осклабился Аниська, осмелев. — Я хочу, чтоб ты меня беспрерывно сегодня полюбила. — Он бросился вдруг к девушке, схватил ее за шею и поцеловал в губы. Галька уперлась ему в грудь и с силой отшвырнула его прочь. Толчок был настолько силен и резок, что Аниська покатился по полу и сильно ударился головой о стену. Чтобы напугать и умиловить Гальку, он притворился досмерти ушибленным. Закрыв глаза, он лежал в небрежной позе и старался не дышать. Это ему удалось. Сквозь прищученные веки он видел бледное и растерянное лицо девушки, стоявшей в нерешительности перед ним. Он ждал, что она бросится к нему и станет приводить его в чувство. Он уже готовился ощутить на своем лице ласковые галькины руки, как вдруг девушка, перескочив через его ноги, быстро выбежала в другую комнату. Не успел Аниська опомниться, как она уже была около него с ковшом воды. Аниська хотел закричать «я живой!», но не успел: огромный ковш с водой с быстротой молнии опрокинулся ему на голову. Вода была холодная, густая, как огонь. Аниська вскочил, бормоча про себя дикие и нелепые ругательства, выскочил из горницы.

Галька, забыв про нанесенные ей обиды, повеселела. Но не надолго. Шмель, оправившись, снова уже был около нее. Мокрый с прилипшей к телу рубашкой, он заговорил с упреком и обидой, пытаясь разжалобить девушку:

— Тебе хорошо, Галюся, измываться надо мной... А того ты не можешь понять, что у меня душа болит по тебе. Утопну я, удавлюсь, если ты не покалещь меня. Пойми, я один на всем белом свете. Никому я не нужен на всей земле... Галюся, родная моя... — снова потянулся к ней Аниська.

Галька опять стала строгой, неприступной. Ее тонкие, стрельчатые брови взлетели кверху, как крылья, а глаза смотрели холодно и презрительно.

— Кому ты нужен такой плюгавый да

плеснявый... Тошнит с тебя, как с дохлой мухи, — сказала Галька.

— Ах, ты так... Со мной ты не хочешь, а с Семкой Чубом можно... А что, Галюся, ежели я расскажу твоему папане, как ты вчера под хатой Андрона Куцехвостова валялась...

Девушка затряслась от гнева, обиды и оскорбления. В глазах у ней блеснули слезы. Она не находила слов, чтобы ответить своему обидчику. А Аниська, видя это, продолжал издеваться:

— Вот сама теперь видишь, как это тебе... А не ломалась бы, тогда бы я на свой язык замочек — чик и все—шитокрыто...

— Клуур плешивый! Убирайся с глаз! — вскрикнула девушка и схватила с окна огромные ножницы для стрижки овец.

Аниська, перетрусив не на шутку, захватил полусубок и шапку и поспешил скрыться из хаты.

Девушка закрыла дверь на крючок, спустилась на стул и заплакала.

За дверью послышались шаги. Галька подняла голову, насторожилась. В дверь постучали.

— Кто там? — спросила Галька.

— Я это, — послышался голос Семки.

Девушка просияла и бросилась к двери.

— Ты одна? — спросил вошедший Чуб.

— Одна, — ответила Галька.

Семка в глазах девушки увидел слезы.

— Ты чего, моя солнечная? Кто тебя разобидел? Говори!

— Аниська... Это он вчера нас подслушивал... А сегодня приставал ко мне... Отцу про нас с тобой рассказать похвастался...

Семка стиснул кулаки, рванулся к двери...

— Ах же гадюка... Так вот что ты... Галька задержала его.

— Не тропь навозную кучу.

— Ну, а чего ж терпеть? Не могу, Галя! Пусти! Задупи гадюку! Пусть не стоит поперек дороги!

— Не ходи, Сема. Я прошу тебя. Так он еще может молчать, а тогда... — умоляла его Галька.

— Ладно. Для тебя. Пусть будет так. Но я даю тебе слово, что в обиду тебя никому не дам покуда я живой, а если тебя кто тропет хоть пальцем, душу из

того вырву. Запомни это, Галя, на всю жизнь!

Дрон возвращался от Хлызова перед утром. На углу хаты его встретил Аниська Шмель. Дрон был крепко пьян, но «родича» своего все же признал без труда.

— Аниська! Ты чего не спишь, га? — деревянным языком заговорил он.

— Вас поджидаю, Роман Тимофеевич.

— Добре. Молодчуга. Кабы было таких побольше, то б и коммуны не было. Так я кажу чи ни, Аниська?

— Так, Роман Тимофеевич.

— Эге! А ты не дурной. Ну, выдчиняй ворота.

В воротах Аниська задержал хозяина.

— Роман Тимофеевич!

— Га?

— Я хочу вам по секрету про одно дело сказать.

— Не треба, дюже спать хочу. Завтра кажи.

— Я про Гальку...

— Шо? — вдруг насторожился старик.

— Про дочку вашу хочу предупредить.

Громадные руки Дрона отыскивали в темноте хрупкую фигуру Шмеля и с силой притянули ее.

— Шо про Гальку? Бажи!

— Галька ваша, Роман Тимофеевич, с Семкой Чубом...

— Шо? — взревел Дрон.

— С Семкой, кажу, она по ночам...

— Брешень ты, хамлюга! — задыхаясь от бешенства, прохрипел Дрон. — А ну, крестись!

— Святой крест, Роман Тимофеевич.

Несколько секунд стояла томительная пауза. Потом Дрон сказал глухим и страшным голосом:

— Только штоб як перед богом. Чистую правду кажи.

Аниська расказал, что ему удалось подслушать вчера у развалины, при этом, как и бабка Матрешечка, приврал кое-что.

— Так... Так.. — злоецо промывчал Дрон, выслушав Шмеля. — Добре. Побачимо.

С этими словами, тяжело и злобно сопя, он пошел в хату. Аниська тихо, как тень, прошел за хозяином и остался у дверей, прильнув ухом к щели...

В хате был полумрак. Авдотья, поджидая мужа, оставила на столе привернутую лампу. Дрон прошел прямо в горни-

цу, не раздеваясь. Вывернул фитиль, осветился и подошел к кровати дочери. Девушка спала. Отец нагнулся над ней. У него злобно блестели налившиеся кровью глаза. Дрон рванул дочь за руку. Галька открыла глаза, полные ужаса. Но отец даже не тронулся с места. Он, как удав, несколько мгновений молча смотрел в большие, изумленные глаза Гальки, потом со страшной силой стиснул ее руку. Девушка извилась от боли, но не вскрикнула. Дрон, прикоснувшись бородой к лицу девушки, глухо прорычал:

— А ну, паскуда, кажи, как ты с Семкой робила?

— Батько... — с укором произнесла девушка.

— Шлюха! — Дрон резким рывком сбросил ее на пол.

— Кажи, лакудра, як под чужими хатами валялась!

— Батько... — повторила Галька и, не выдержав, захлебнулась слезами.

— Не батько ж тобі, курва! — дико взревел отец и наотмашь ударил ее в лицо. Галька стукнулась головой о пол. На губах у нее показалась кровь. Хотела подняться, но Дрон снова швырнул ее на пол и с какой-то звериной яростью и остервенением стал бить и топтать ее ногами.

— Оце ж тобі... оце...

В хате поднялся переполох. Авдотья и Проська (Василия не могли добудиться) с трудом вырвали Гальку из рук Дрона. Избитая, окровавленная, она едва держалась на ногах.

«Так тебе и надо», — наслаждаясь мучениями девушки, лязгал у дверной щели Аниська Шмель. Но как только он оторвался от щели и пошел темным двором в свою хату, пристроенную к двору, его охватила тревога. Он, как напакостивший кот, холодел только при одной мысли о свирицовых кулаках Семки Чуба.

ХІХ. ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Ранним утром Василий и Семка уехали за сеном. Семка весь день думал о Гальке, был мрачен и молчалив. Молчал и Василий, и в этом Семка чувал что-то недоброе. Ему не раз хотелось заговорить с Василием и узнать про Гальку, но он не находил для этого предлога, да и вообще

разговор о ней с братом считал неуместным.

Возвратившись после заката солнца, Семка сразу бросился в хату Дрона. Но его у самого порога остановил Аппсыка.

— Куда ты? Хозяин не велел пускать. Завтра за расчетом приходи,—грубо сказал Шмель.

— Уйди, холуй!—Семка хотел оттолкнуть Аппсыку и пройти самовольно, но тот прощмыкнул в сени и затворил дверь на засов.

— Открой!

— Не открою. Ступай отседа.

— Ну, обожди, — угрожающе сказал Семка и стал по двору искать какой-нибудь тяжелый предмет, чтобы разбить дверь. Но предусмотрительный Шмель по-прятал все вилы и лопаты. Тогда Семка метнулся к скирдам, схватил за грудь Василия.

— Говори, что вы сделали с Галькой?

— Мы... Я ничего не знаю,—трясся тот.

— Эх ты, хлыв с гусачьей шеей!—с презрением отшвырнул его Семка.—Слепень! Ты не знаешь даже, что твой батюшко Проську твою...

Василий, как сова, хлопал глазами и молчал.

— Выведу я вашу кулачью породу,—сказал Семка, взял вилы и направился к хате. Но теперь уже и ворота были закрыты.

Чуб раза три ударил вилами в ворота. За ними было тихо. Он прошел к окнам. В хате было темно и глухо, как в могиле. Семка постоял, послушал несколько минут и, отшвырнув вилы, пошел к себе домой. Проходил мимо хаты Чепика. Бабака Матрешечка, стоявшая на дворе, завидя Семку, прыгнула во двор. Семке хотелось кого-нибудь встретить, чтобы расспросить о Гальке. Но улицы были пусты. Уже у самой хаты Семку нагнал Ибрайка. От быстрого бега он задыхался и не мог говорить.

— Ты чего, Ибрайка? — спросил его Семка.

— Я... я... видел Гальку, — наконец произнес он.

— Ну и что?—потянулся к нему Чуб.

— Собака... Дрон... шибко... бля Галька... Лицо синий... губа—кровь...

Семка зашпателься, чтобы не упасть, он

прислонился к воротам. Прикрыв глаза руками, он думал. В мозгу у него рождалась страшная мысль. Он, как безумный, механически повторял слова Ибрайки:

— Бил... сильнее лицо... губы в крови... Ладно... Поглядим, какое лицо у тебя будет, паразит проклятый!

— Семен,—тронул его за рукав Ибрайка,—ты какой дело хочешь делать?

Семка улыбнулся Ибрайке.

—Ничего не буду. Так это я. Спасибо, что сказал. Ступай теперь домой.

Ибрайка послушно удалился.

Семка, войдя в хату, бросил рукавицы, тяжело опустился на лавку. Его мать, маленькая, седая старуха, с грустным лицом и большими усталыми глазами, спросила:

— Ты чего это, соколик, не заболел, случаем?

— Нет, устал малость.

Мать посмотрела на него пытливым взглядом, покачала головой и пошла в сени. Семка воспользовался этим и засунул топор за пазуху полшубка.

—Ну, я пойду, мамаша,—сказал он, когда она вернулась.

Уже смеркало. Вечер был тихий и морозный. Под ногами пронзительно скрипел снег, выпавший ночью.

Семка, крепко сжимая топор, стоял у ворот хаты Дрона. То, что происходило сейчас с ним,—трудно было выразить. Это может понять только тот, кто пережил такое же состояние. Он кипел неукротимой злобой и ненавистью к хозяину, где, как в темнице, была замкнута его любимая девушка. Ему хотелось разметать в пух и в прах это осиное гнездо и вырвать ее отсюда. Он несколько раз порывался начать рубить направо и налево все, что будет преграждать ему путь, ворваться в хату и жестоко отомстить за все мучения любимой. Но от этого поступка его продолжала удерживать какая-то сила. Сознание подсказывало, что этим можно погубить и себя, и Гальку, и любовь, и жизнь. По что же все-таки делать? На что решиться? Кого спросить? С кем посоветоваться? Тут Семка вспомнил о Кузьме Безродном. А как к нему сейчас идти с таким вопросом? Кузьма, простудившись на озере, был серьезно болен. Ходили даже слухи, что он едва ли выживет. Однако делать больше ничего не оставалось, и он решил на это

единственное средство. Он знал, что Кузьма может помочь ему, дать разумный и правильный ответ.

— Ладно, мироеды, я вернусь сюда завтра, — пригрозила глухим воротам Семка и поспешно направилась к Кузьме Безродному. Как только он отошел несколько шагов, ворота тихо отворились и из двери высунулась голова Аниськи Шмеля, пристально наблюдавшая за Семкой. В то же время за углом дроповской хаты Чуб наткнулся на каких-то двух мальчуганов. Увидя его, они было бросились бежать, но Семка в несколько прыжков настиг их. Это оказались Ибрайка и Гаврюшка.

— Вы чего тут? За кем подглядываете? — сердито спросил их Чуб.

— Не падо, Семен, Дрон трогать, — сказал Ибрайка, стуча зубами от холода и волнения. — Дрон шибко злой. Совсем как собака...

Семка был окончательно обозлен. Он не хотел, чтобы о его тайных намерениях кто-нибудь мог знать.

— Ничего за мной шпионить. Дело без сопливых обойдется! — грубо оборвал он Ибрайку и зашагал дальше. А мальчуганы, изумленные и обиженные (они никогда еще таким не видели Семку), как вкопанные стояли у угла и смотрели ему вслед. Они ждали, что Чуб обернется и помпирится с ними. И они не ошиблись. Семка действительно остановился напротив хаты деда Зозули и помахал им рукой. У мальчуганов отлегло на душе, они радостно улыбнулись...

Кузьма, худой, желтый, осунувшийся, лежал в постели. Спал. Марина готовила ужин. Дети, скучные и молчаливые, сидели на печи. Здесь же был и Яков Кряженко.

В хату порой заходили односельчане, больше из тех, что вместе весной пахали и жили по соседству. Они снимали шапки, тихо здоровались, иные крестились, небрасывались несколькими словами с Мариной и Яковом Кряженко, молча подолгу смотрели на больного и так же тихо и молча уходили.

Вошел Семка Чуб. Он был бледен, глаза блестели, как у безумного, а из-за полы рваного полушубка торчал топор. Марина при виде парня отшатнулась, а дети еще теснее прижались друг к другу.

— Ты чего это, Семен, — осторожно спросил Кряженко, косясь на топор, — никак за талом на Нуру собрался?

Семка злобно взглянул на черенок топора, предательски торчавший из-за пазухи, смутился немного, хотел было засунуть его поглубже, но вместо этого вынул топор и сел на лавку.

— Хозяина своего Дропа хотел порубить, — сказал он спокойно и просто, будто речь шла о чем-то самом обыкновенном.

Кряженко пытливо осмотрел Чуба. Спросил все с тем же хладнокровием:

— За что так?

— Да так... дело такое вышло... — замялся Семка.

Под окном заскрипел снег. В уголке стекла, непокрытого изморозью, блеснул чей-то злобный глаз. Но этого в хате никто не заметил потому, что в этот момент проснулся Кузьма, и вниманье всех обратилось к нему.

— А, Семен, — увидев Чуба, улыбнулся Безродный и закашлялся. — Попрошевать пришел? Спасибо. А я, видишь, скончаться. Плохо, брат, хворать.

— А вы скоро поправитесь, Кузьма Иванович?

— Не знаю, — продолжая натужно кашлять, сказал Кузьма. — Верой что-то в себя ослаб. А без веры человеку жить тяжело. Веровать непременно надо. — Он внимательно всмотрелся в лицо Семки. — А ты тоже чего-то побелел... будто тебя мукой кто набелил.

— Я... я ничего, Кузьма Иванович. Я... — голос Чуба дрогнул.

— С хозяином разве что вышло?

Семка молча кивнул головой.

— Что ж он?

— Он... Гальку он изувечил, — с трудом произнес Семка.

За окном опять хрустнул снег и блеснул злобный глаз.

— Кузьма Иванович! — вдруг покраснев до ушей, нагнулся к нему Чуб. — Я... люблю ее, Гальку. И она тоже любит меня. Зато этот зверюга ее и изувечил. А я не могу этого перенести. Присоветуй, чего мне делать: аль порубить Дрона на куски, аль как?

Кузьма, точно не веря Чубу, взглянул на Кряженко. Тот, как бы в подтвержде-

ние слов Семки, поднял с лавки топор и показал Кузьме.

— Хлопец всерьез это задумал. Видишь какой инструмент носит с собой.

— Кто-то будто ходит под окном, — встрепенулась Марипа.

— А кому бы надо ходить, — сделал слабый жест рукой Кузьма и строго сказал Чубу: — Зря, Семен, ты на такое дело собираешься. Никому оттого пользы не будет. Погубишь только себя — вот тебе и все.

— Совершенно справедливо, — подтвердил Кряженко.

Семка растерянно посмотрел сначала на одного, потом на другого.

— Не с этого края надо заходить, — вразумительно продолжал Безродный. — У нас есть власть, закон...

— А что для них, паразитов, закон-то! Утопили Пимона Загребу — и пропал человек с концом! — горячась, запротестовал Семка.

— Постой ты. Не забегай вперед, — остановил его Кузьма. — Вот с этого и дело надо начинать. Мы сами виноваты, что болясь рта против них разинуть. А пора бы...

— А ты лежал бы уж! — вдруг набросилась на мужа обеспокоенная Марипа. — Тебе только воевать и осталось!

— Не мешай, — зло посмотрел на нее Безродный и опять к Семке: — Ты ближе там был к ним. Знаешь что про дела Дрона и Тягло?

— Да знаем кое-что, — ответил Чуб, недоумевая к чему клонит Кузьма.

— Сколько они посева и скота от объектов прятали?

— Слышал я разговор Дрона с Тяглом, будто они весь хлеб, что на казахских землях сеяли, в налог не записали.

— Видишь? — слабо, улыбнулся Кузьма. — Их, стервцов поганых, только за одно это можно упрятать туда, где Макар телят не пас...

На дворе послышался шум и топот. Все насторожились. Шум затихал, куда-то удаляясь в сторону. Потом все стихло. В хату вошел дед Зозуля. Он был в снегу, тяжело дышал, держась рукой за грудь.

— В окно до вас хтой-то подглядывал, — бросил он от порога. — Иду это я, а оно стоит, будто глиста какая, до окна при-

тулилось. Спервоначала я подумал — это Гаврюшка, пригляделся — ан нет: тонкий, тощий, видать, и дюже любопытствует. Я до него хотел подойти и пымать. А оно, собачье отродье, услышало мои шаги, да как стрыбанет на огород. Я за ним. Да куды там! Дюже легкое да швидкое, вся стать — заяц. Ажно пыль стоит, как оно чешет...

Чуб не дослушав старика, схватил топор и выскочил на двор. За ним вышли Кряженко, дед Зозуля и Марипа. Скоро все вернулись. Семка рассказывал:

— Был какой-то. След на огород пошел, а потом в поселок свернул.

— Недобрый то был человек, — вещь заметил дед Зозуля. — Помяните мое слово.

Кузьме не по душе был этот разговор. Ему казалось, что это кто-то из любопытствующих подглядывал в окно, ожидая его смерти. Поэтому поспешил прервать неприятный разговор.

— Чего там недоброго! — известное дело — ребята, — безразлично заметил он. — Садись дед Антон. В самый раз ты пришел. Письмо в город будем писать.

— До Петьки, что ль?

— Пет. Петру писал. Молчит он чего-то. Может, уехали куда. Другое дело мы задумали. Миредов наших порешили на чистую воду вывести. Как ты, дед Антон, на это смотришь?

— Ась! Я что-то на ухо туговат стал, — усомнившись в услышанном, сказал дед Зозуля.

— Дрона с Тяглом, говорю, пора из нашей жизни с корнем вырвать, — пояснил Безродный.

Дед Зозуля, точно не веря своим ушам, полурастерянно повел глазами по хате, будто спрашивая, так ли это. Все смотрели на него строго, серьезно. Не верить было нельзя. Но и верить было тоже невозможное.

Он спросил:

— Ты взаправду, Кузьма Иваныч, аль вроде мою крепость пробуешь?

— Шутить не время, дед Антон. Слышал, что они опять наделали?

— Да слышал. Будто Дрон девку тое... — старик взглянул на Чуба, — ...побил чтоль малость.

— Малость! — горько ухмыльнулся Кузь-

ма. — Спроси-ка вон Семена. Видишь пареня с топором сидит. Вот они, звери-то где. Дочь родную до полусмерти истязал. А за что? Ради богатства. Ему, паразиту, дочь не нужна. Ему дай-подай богатое сродство, почет, зятя себе по плечу. А тут, вишь, наш брат поперек дороги встал... Так что здесь шутки плохие, дед Антон.

— Я не менее твое, Кузьма Иванович, печусь об этом, — сказал он, взглянув на Семку. — Да как делу-то помочь?

— А вот так и помочь, как я думаю, — сказал Кузьма. — Другой помощи мы дать не можем. Не итти же нам, в самом деле, с вилами да топорами на Дрона. Если хочешь, и ты подпишешь с нами жалобу.

Старик вздохнул. Он сомневался, не верил в благополучный исход борьбы.

— Я не супротив, — наконец сказал он, вытирая со лба пот. — Можно и подписать. Да как оно дело-то может оборотиться — вот задача.

Кузьма укоризненно посмотрел на старика и сказал с грустной иронией.

— Ну, что ж, дед Антон, ты подумай, а мы начнем. Ты согласен, Семен? — спросил он Чуба.

— А то как же, — твердо ответил Чуб. — Я сам и жалобу снесу в город. Все одно мне туда итти. Работу искать буду.

— Так, это еще лучше. Лично передашь. Надежнее будет. Ну, а ты, Яков Михайлыч, как?

— Да я что ж... одной веревочкой связались — в одну сторону и тянуть будем, — ответил тот.

— Тогда садись до стола и пиши. А мы с Семеном будем тебе говорить, о чем писать. Мариша, давай бумаги и ручку. Там вон, — показал на пожелтевший гипсовый бюст Ленина.

Марине не по душе была страшная затея мужа. Она сердилась на него и не хотела помогать ему. Она стояла у шестка, не шевелясь. Тогда с печки лихо прыгнул один из мальчуганов и охотно выполнил распоряжение отца.

— Иванка, подай-ка мне еще мою тетрадь, погоду где я записывал. Адрес там.

Мальчище выполнил и это поручение.

Безродный развернул тетрадь и стал диктовать.

— Так, стало быть, пиши, Яков Михай-

лыч: Уездный Комитет Коммунистической партии, товарищу Курганову, Матвею Петровичу...

Дед Зозуля, продолжавший думать, встрепенулся:

— Это какой Матвей Петрович? Не той, что по весне до нас в поселок приезжал? В черной шубе он еще был... — прервал его дед Зозуля.

— Тот самый.

Старик просиял.

— Тогда, если лишний не буду, приложу и мою руку до жалобы. Такому человеку не то бумагу, жись свою приручить не страшно, — с облегчением вздохнул он.

— Вот это дело. Давно бы так, дед Антон, — пожал ему руку Безродный. — Гетово, Яков Михайлыч?

— Есть.

За окном опять скрипнул снег. Семка потянулся за топором, чтобы выскочить, но его задержал Кузьма. Марина молча завесила окно рядом.

— Пымать бы надо, — не вытерпев, предложил дед Зозуля, показывая глазами на окно.

— Кого там ловить? Ребята играют, — спокойно отверг его предложение Безродный и продолжал диктовать.

— Вот уже одиннадцать лет, как над нашей землей советской светит солнце, а всякая контра, кулаки и паразиты, все еще не перевелись у нас. И стоят они на нашем пути, спутали нас по рукам и ногам и не дают ходу до светлой коммунистической жизни...

— Кузьма Иванович, где же я могу за тобой? — взмолился Кряжешко. — Я ни одного слова не записал, а ты съешь и съешь.

Безродный поднялся на локтях. На его худых, впалых щеках проступал едва заметный румянец, а глаза были чистые, ясные, глубокие, как море.

— На душе накипело. Не сам говорю — душа. Слова сами, как птицы, на волю просятся. Перед всем светом зараз бы на трибуну поднялся и правду о нашей жизни рассказал. Видна она, правда-то, наскрозь видна... — Кузьма снова лег, подложил руки под голову и задумался. Потом, вздохнув, спросил тихим, слабым голосом:

— Дед Антон, ты — охотник, жизнь свою по рекам да озерам провел. Скажи,

ты слышал, когда лебедь перед смертью поет?

— Слыхивал, Кузьма Иваныч, — ответил старик, с беспокойством глядя в профиль Кузьмы. — А ты аль помрять собираешься?

— Зачем помрять? Всякая тварь жизнь любит, а человек тем более... Сколько ты раз слышал лебединые песни, дед Антон? Люди говорят: один раз услышишь — во всю жизнь не забудешь. Правда это?

— Истинная правда, — подтвердил старик. — Я вот тоже всего один раз подслушал, а песня та до этих пор из души у меня не выходит.

— Когда слышал-то?

— В восьмом аль девятом годе, будто.

— Расскажи, дед Антон. А жалобу мы еще успеем докончить. Вечер весь наш. Семей тоже в ночь никуда не пойдет. Верно я говорю?

Чубу было не до рассказов о лебединых песнях. Там, в постылой дроновской хате, гомилась, как в клетке, любимая девушка. А он здесь будет сидеть и слушать разговоры о птичьих песнях. Непонятна была для него и столь быстрая перемена в настроении Кузьмы. То залился, а тут нежность такая на него нашла. Но делать было нечего, и он утвердительно кивнул головой.

— На озере Кургальджине это было, — начал дед Зозуля, любивший поговорить о своих приключениях из охотничьей жизни. — Ездил я тогда с охотниками. Семь человек нас было. А поехать один акмолинский купец, если не совру — Кубрин, нас подбил. Была у него мадама, молодая да красивая, из Москвы привез. Купец для нее ничего не жалел. Дом белый выстроил ей в городе. Дачу на реке Илиме поставил. Ысаков завел, каких не было ни у кого о всей округе. И вот вычитала та мадама, то в Париже женщины шею пером розовой цапли обертывают и на шляпы его наешляют. И говорит она мужу: дай-подай перо розовой цапли. Купец той до ученых, которые жизнью разной ползучей и стучей живности изучают: где тоя розовой цапли водится, спрашивает. А какие места были в нашем городе? Одна мороч. Не знают. Тогда он до охотников. Ну, и сказали ему про Кургальджин.

— Дак вот, значит, приехали мы на тое

озеро в полдень. Расспросили казаков, где розовая цапля водится и на почь по островам на рыбачьих лодках поразъехались. Я выбрал себе место подалее от берега. Высадился на остров, натащил сухого камыша и стал утра ожидать. А почь была теплая да тихая — в сон клонит. Да куды тут заснугь! Кругом ажно вода от дичи кипит, и такой гомон стоит, будто она со всего света сюда собралась. И лопочет это на своем птичьем языке на разные-то разные голоса. А я страх люблю птичий разговор! Когда слушаю, у меня ажно душа замирает! Подложил я под голову пшкву, прилег и стал слушать. Слушал я до тех пор, пока озеро не стало затихать, тогда я заснул. Долго ли, коротко ли я спал — не знаю, только слышу сквозь сон песню. И какую-то песню — тоскливую да жалобную, ажно за сердце берет, и слезы до горла подступают. И поет ту песню не человек и не птица... не понять кто. Никогда я не слышал ни такого голоса, ни такой итицы. «Сон это приснился мне», — думаю и не хочу просыпаться, чтобы не потерять той песни. Зажмурил я крепче глаза, лежу и слушаю. И вдруг я понял, что вовсе не сплю, а лежу так, и песня та — тоже не сон, а ее кто-то в самом деле поет. От этого напервах у меня ажно мороз по коже полез. «Ну, думаю, конец твой пришел, Антон. То ангел по твоей жизни плачет на небе». С этим я открыл глаза и вижу: над головой стоят камыши, сквозь них на восходе уже голубеет небо, и все так же разливается песня. Я прислушался и понял — песня та передается по воде с другого островка, хорошо видно его — круглый, махонький посреди плеса один, как спрота, стоит. Теперь я понял, что это пела птица. Тут я вспомнил о лебеде. Мне было тогда сорок годов, и чуял я, что молодость моя проходит, — об этом я и затосковал вместе с лебедем. «Вот, думаю, стар ты стал, белокрылый, никому ненужен, все тебя покинули, и оттого ты носишь так жалобно — свою жизнь, думаю, оплакиваешь, с белым светом прощайся. Так-то и с тобой будет, Антон». И я слушал песню и плакал вместе с лебедем. Я не видел, что надо мной летали и сядились перед самым моим носом розовые цапли; мне думье жалко было, что ихнее перо загра ничные мадамы на шею и на шляпах по-

сят и что каждая цапля — убей ее — целого хозяйства стоила б. Очухался я только тогда, как выглянуло из-за озера солнце и замолкнула та чудная лебединая песня. Тут подбегали до меня охотники.

— «Ты что, Антон, не стрелял? С ружьем что вышло али заболел?» — спросили они.

Мне не хотелось ни с кем говорить. Я сел на лодку и поплыл к тому островку, где прощался с жизнью лебедь. Подъехал. Островок той был из одной большой лабузы — наплыв такой из камыша и разного сноса. На лабузе лежал лебедь. Был он большой, желтый от старости, облезлый. Подложил он голову под крыло и так заснул навеки. Я привез его на остров, где сидел сам, и там похоронил его... Вот так-то, Кузьма Иваныч, мне и довелось послушать лебединую песню, — со вздохом закончил свой рассказ дед Зозуля.

Грустный рассказ старого охотника произвел на всех большое впечатление. В хате стояла глубокая тишина. Даже дети, свесив с печи головы, смотрели на деда Зозулю тоскливыми глазами и не могли шевельнуться с места.

Особенно же сильно рассказ о предсмертной лебединой песне тронул Кузьму. У него в последние дни появилось какое-то недоброе предчувствие, зловещее и неотступное, как смерть. А причиной тому было ослабление веры в себя, в свои силы, навеянное тяжелым недугом и сплошными неудачами в жизни. Боясь признаться себе, он думал о приближении конца и сравнивал себя с лебедем, умирающим в одиночестве на печальном островке посреди обширного озера. Но умирать ему не хотелось. Ему страшно было уйти из жизни, не завершив победой своей борьбы, своих страстных мечтаний о светлой и радостной жизни на земле, не оставив о себе добрую память в людях.

Кузьма решительно поднялся, тряхнул головой и сказал твердо и четко:

— Ну, что ж, спасибо тебе, дед Антон, за лебединую песню. Хорошая песня, красивая. А теперь давайте начатое дело до конца доведем. Пиши, Яков Михайлыч.

Дед Зозуля и Семка ближе подсели к Кряженко. Безродный тоже придвинулся к столу, подперев голову рукой. Все они, перебывая, поправляя и дополняя друг друга,

высказывали накопившуюся за многие годы злобу против темных сил деревни, творили для них тяжкий и справедливый обвинительный приговор. Припомнили они, когда, как и зачем приехали в поселок Привольный Дрон и Тягло, что здесь сделали, сколько выпили чужого пота, слез и крови. Кряженко едва успевал записывать их бурно и взволнованно лившиеся мысли.

Близко к полночи письмо было закончено. Его все торжественно подписали, заклеили в самодельный конверт и передали Семке Чубу, который бережно упрятал его за пазуху, и, похлопывая себя по груди, сказал:

— Вот она где гибель кулацкая запрятана.

— Смотри, не болтай никому об этом, — строго наказывал Кузьма. — А когда в город приедешь, отыщи товарища Кургацова и передай ему собственноручно. Никому больше не доверяй. Еще передай ему наш привет и скажи, что б он еще раз до нас приехал. Теперь его народ по-другому встретит.

— Будет выполнено, — ответил Семка. — С моим сердцем эту бумагу только можно вырвать отсель. Прощайте, Кузьма Иваныч, и вы, Яков Михайлыч, и вы, папаша, и ты, тетка Марина, — пожал всем руки Семка.

— А ты не говори «прощай», скажи «до свиданья», — шутливо заметил дед Зозуля. — Не век в городе-то будешь. Вот сковырем с дороги мироедов и начнем новую жизнь строить, — ты и приедешь. Трактором будешь у нас управлять. Смотри, чтоб непременно по машинному делу в городе выучился!

— Да я уж, дед Антон, силы не пожалю. Дорваться б мне только до машинны. Уж я ее! — Семка подправил полусубок, шапку, плотнее засунул за пазуху топор и вышел.

Его провожала Марина.

— А ты, может, нашего Петюшку в городе встретишь, — сказала она, когда они были уже за дверью. — Может, его уже отпустили со службы... скажи, чтоб скорей домой ехал. Сам видишь, какой Кузьма... виду только не подает, а у самого внутри все обрывается.

— Ладно, тетка Марина, если встречу непременно все передам.

Была глухая, морозная ночь. Тихо падал мелкий крупитчатый снег. Хаты, убранные в белый наряд, почти не были видны, сливались со степью; если бы не темнели простенки, то нельзя было бы подумать, что здесь лежит большой, с тысячами душ населения, поселок. Где-то на краю поселка тревожно и одиноко выла собака. За рекой темнели кусты тальника, и среди них, казалось, мельками зеленые огоньки волчьих глаз, а вверх по реке быстро бежало что-то маленькое, изогнувшееся, похожее на человека.

Семка шел вдоль поселка твердой, полной решимости поступью. Теперь не было уже в его душе сомнений и колебаний. Вопрос был решен окончательно и бесповоротно: завтра же он возьмет у Дрона расчет и пойдет в город. Он понесет туда, как драгоценный клад, документ, в котором заключены все его лучшие мечты: и месть непамястному Дрону, избавление из-под его ига Гальки, и новые пути его будущей жизни. Точно опасаясь, что этот документ у него может кто-нибудь отнять, Семка засунул руку за пазуху, ощущал еще мокрый от клейстера конверт и плотнее прижал его к груди. Он подходил уже к площади. Над берегом Нуры, как приведения, высились хаты Дрона и Тягло.

Вой собаки продолжался; он становился все тревожнее, беспокойнее. Семка раньше почему-то никогда не обращал внимания на непонятные собачьи песни; не хотел он слушать их и сейчас, но тоскливый собачий вой помимо его воли врезался ему в уши, порождая тоску и больно тревожа сердце. Вдруг к одинокому вою собаки присоединилось еще несколько собачьих голосов. Чуб остановился и откинул ухо шапки. С далеких сопок, что были левее Иссык-озера, едва слышно доносилось тоскливое подвывание. Где-то в верхнем конце поселка слышались чуть внятные голоса людей.

— Волки, — вслух произнес Семка, выпустив конверт, крепко сжал рукоять топора и почему-то бросил беспокойный взгляд на высокие хаты Дрона и Тягло. И в этот же миг он услышал позади себя тихий хруст снега. Вздрогнув, Семка повернул голову и похолодел от страха: не более, чем в десяти шагах, обхватывая его в кольцо, к нему крались два человека, зло-

уще и угрожающе поднимая огромные колья.

— Кто это? — сдавленным голосом, почти беззвучно спросил Семка и вынул топор. — Не подходи, порублю!

Люди не ответили. Сделав отчаянные прыжки, они оказались около него. Ближний — высокий, толстый, с белой повязкой на лице, из-за которой злобно сверкали глаза, — забегая справа, обеими руками, как мясник, поднял над головой Семки кол и, крикнув, опустил его. В тот момент в морозном воздухе сверкнуло лезвие топора, послышался короткий и резкий сухой треск, слившийся с металлическим звоном, и обрубок кола глухо звякнул о мерзлую землю.

— Барбос! — злобно прорычал сквозь тряпку высокий человек и отскочил в сторону.

Семка круто повернулся налево, чтобы встретить удар второго противника. Но было уже поздно. Удар уже был нанесен, и был он точен и верен. Раздался глухой и сильный звук.

— О-ох! — вскрикнул Семка, пошатнулся и молча, как подкошенный, опустился на землю. Топор вывал из его рук.

— Так тебе и надо, супостат! — с каким-то диким восторгом провизжал человек, проворно поднял с земли топор и уже хотел сплеча рубануть по распростертому телу Чуба, как рядом с ним раздался радующий душу крик:

— Ая-йй, народ! Ая-йй! Семку убил!...

Человек, как ужаленный, оборнулся и, угрожая топором, бросился бежать. Человек с топором погнался за ним. Второй перерезал ему путь.

— А-я-йй, народ! Семка помер! Ибрайка тоже будет помирать! — кричал мальчуган, мечась между убийцами. Тот, что был помельше и половчее поймал его, подмял под себя и изловчался нанести ему удар топором по голове. Но это ему не удалось, так как Ибрайка извивался, бил его в грудь и в лицо ногами и руками.

— Видай топор... Души его! — опускался на колени и хватая за горло Ибрайку, прокричал огромный человек. — Так-то оно будет лучше.

Гибель Ибрайки была неминуема. Но ему не суждено было умереть. В ту секунду, когда железные пальцы убийцы коснулись

его горла, где-то совсем невдалеке слышались голоса и грянул выстрел.

Оба человека, бросив свою жертву, захватили свои кольца и метнулись под берег Нуры.

— Стой, разбойники! Стой, кровопийцы! — кричал дед Зозуля, грозно потрясая ружьем. — Стой, стервы кулацкие! Всех истреляю!

Рядом с ним бежал Гаврюшка, размахивая подсолнечным будылем, а чуть подальше — Яков Кряженко и Кузьма.

Ибрайка бросился навстречу деду Зозуле, схватил его за рукав и, захлебываясь от плача, потащил его к черневшему на снегу Семке Чубу.

— А-ай, дедушка Антон, Семка помирал! — кричал он.

Дед Зозуля, бросив ружье, опустился перед Семкой. Тот лежал неподвижно, лицом вниз, левую руку подогнул под себя, правую откинул. Старик приподнял голову Семки и снял с нее шапку. Из шапки полилась на снег кровь.

— Прими, господи, душу раба... — опуская Семку, по старой привычке, крепясь, произнес старик, но тут же спохватился и злобно закричал, угрожая небу: — Какой ты есть бог, сжели такую чудную душу загубить дозволил! Не бог ты! Ты — кулацкий заступник и потворник! Не признаю я тебя! Не признаю!

Ибрайка, сидя на корточках возле Чуба и нежно глядя его лицо, громко плакала, причитая:

— А-ай, Семка, а-ай! Зачем помирал, Семка!

Один Гаврюшка держался мужественно. Припав ухом к груди Семки, он слушал сквозь полущубок и утешал деда Зозулю и Ибрайку:

— Живой дядя Семен... Живой.

— Какой там живой! — протестовал старик. — Слышал: голова у него, бедняги, хрустит. Костя разбили, аспиды!

Кряженко и Кузьма подбежали почти одновременно.

— Кто лежит? — едва переводя дух, тревожно спросил Кузьма. По ему не успели ответить, — он сам, склонившись, узнал Чуба по рассыпавшимся по лбу завиткам волос... — Семка... сын... да как же... мы... я... прозевали... обрekli... тебя... — в страшном отчаянии заговорил он.

На крики и выстрелы со всех концов села сбегался народ. Крик, шум, топот. Кто-то ударил в колокол. Тревожным, отчаянным лаем залились собаки. Закричали куры, заревел по дворам и лабазам скот.

Вокруг Семки Чуба собралась огромная толпа. Наспех одетые, взволнованные, возмущенные зверским поступком почных разбойников, люди, соблюдая величайшую тишину, ожидали пока Яков Кряженко выслушивал Семку.

— Ну как, что, дышит аль нет? — слышались тихие, выжидающие голоса. Кряженко поднял голову, сказал с печальным вздохом:

— Погиб человек. Споедем, ребята, товарища Семена Чуба.

Десяток человек бросились к телу Чуба, чтобы поднять его с земли. Но в это время подбежал к ним председатель сельсовета Буряк и запротестовал:

— Нельзя убирать. Следовательно из волости вызвать полагается. Дознавшие на месте произвести.

— Совершенно верно-с, — поддержал его из толпы председатель сельпо Хлызов.

Люди растерялись. Кряженко тоже не знал, что делать. Тогда поднялся с земли Кузьма и, шатаясь как пьяный, подошел к Буряку.

— Ты что? — содрагалась от кашля, прохрипел он сдавленным тоской голосом. — Аль заморозить человека хонь? Может, у него жизнь еще есть...

— Я по закону...

— По закону! — горько и презрительно усмехнулся Безродный. — А по какому закону ты кулацкое добро покрывал? Не тебе, кулацкий хвост, блюсти наши законы! — Он повернулся к народу и, едва держась на ногах, продолжал, повышая голос: — Не слухай его, товарищи! Неси нашего Семку Чуба! Неси, товарищи, Чуба на руках через весь свет! Неси! Пусть видит все нашу жизнь!... — при этих словах голос его оборвался, и он, хватая воздух, стал приседать к земле.

— Кузьма Иваныч! Да ты что! — бросился к нему дед Зозуля.

— Тятю! — иступленно закричал Гаврюшка, также кинувшись к отцу.

Кузьму Безродного и Семку Чуба подняли на руки и бережно понесли в раз-

ные концы поселка. За ними, разделившись на две равные части, пошли бабы и старики. Многие плакали.

На месте происшествия осталась большая часть народа, главным образом, мужья и ребята, вооруженные чем пошло. Они ждали распоряжения, и его не замедлил дать Яков Кряженко и дед Зозуля, оставшиеся во главе толпы.

— До Дрона, товарищи! — скомандовал Кряженко.

— Бери их, аспидов! — повторил дед Зозуля.

Большая, взволнованная, яростная и страшная в своем гневе толпа осадила хату Дрона. Там было темно, безмолвно, темно, как в могиле. Люди навалились на ворота, застучали в окна. Во дворе заскулили собаки.

В хате зажгли свет. Ворота треснули и распахнулись. Толпа бурным и мощным потоком хлынула в мрачное гнездо Дрона. Полуодетые Авдотья и Проська испуганно смотрели на людей. В больших глазах Гальки, лежавшей под одеялом, застыл невыразимый ужас. Василий прыгал на одной ноге, тщетно пытаясь вдеть другую в танцующую в его руках штанину. Один Дрон не подавал никаких признаков беспокойства. Он лежал в горнице на лежанке, громко и раскатисто храпел. У лежанки стояли его валенки.

Дед Зозуля, грозный и воинственный, наставил на Дрона двустволку и скомандовал:

— А ну, лузай, поднимайся!

Дрон продолжал храпеть.

Старик бесцеремонно ткнул его стволом в бок. Дрон повернулся, протер кулаками глаза, позевнул и медленно стал подниматься. На бороде у него висело несколько ковыльиных травинки.

— Шо вам треба, хлопцы? — с невозмутимым спокойствием спросил он. — Шо такое случилось?

— Ты хвостом не крути! — сурово предупредил его Кряженко. — Все одно не увидишь.

Из толпы вышел Гартман и, подойдя к лежанке, поднял с пола валенки; под ними на глиняном полу темнели отпечатки мокрых следов. Немец, хитро улыбнувшись, спросил Дрона:

— Ваши нимы куда сейчас ходили?

По хате прошел тихий смехок. Дрон, заметно бледнея, вырвал валенки из рук Гартмана.

— А тебе чего треба? Я не такой бездельник, як ты! Роблю весь день и вечер!

— Ты нам туман не пуцай. Скажи, кто Семку Чуба убил? — сверкая глазами, набросился на него дед Зозуля.

— О-ой, моя мамонька! О-ой... — в каком-то диком иступлении вскрикнула Галька и в одной ночной рубашке вскочила с постели. — Где он? Где мой снеглазый? — раскинув руки, горящими и блуждающими глазами спрашивала она толпу. Люди пятились перед ней. Молчали. Тогда она метнулась к отцу, подняв над головой руки, закричала:

— Ты убил! Ты! Будь ты проклят!...

— Геть! — взревел Дрон, замахнувшись на дочь.

— Не смей, убийца! — крикнул дед и ударил Дрона прикладом в грудь.

Толпа дрогнула, заревела десятками гневных, негодующих голосов:

— Бей! Души их!

— В пыль пуцай кулацкое отродье!

— С корнем вырвать гадюк ползучих!

— Пусть не позорят нашу жисть!

Дрона стащили на пол.

— Апиську еще! Апиську! Там он — во дворе спрятался! — кричала Галька.

— Апиську! — загудела толпа.

— Здесь он! — ответили со двора.

Его, жалкого, растрепанного, тоже волокли в хату.

— Василя! Василя еще бери, — закричал кто-то.

Но за брата вступилась Галька, и его оставили.

Дрона и Апиську окрутили веревками и выволокли на двор. Кряженко с дедом Зозулей, Гартманом и группой других мужиков с лампой осматривали двор, ница вещественных доказательств убийства. Они обратили внимание на ясли, возле которых лежали быки. Разрыли об'едки и вытащили из-под ковыля два больших кола, один из которых был пискось перерублен топором.

Дед Зозуля схватил обрубок палки и выскочил на двор. Потрясая им, он кричал:

— Смотрите, граждане! Вот они, вувивцы, чем Семена Чуба убивали.

И хотя в темноте ничего нельзя было разглядеть, толпа пошла.

— Бей их, кровопийцев! Бей! Души! — всплескивались в разных местах голова.

Дрона и Аниську повалили в снег и стали топтать. Дрон нутужно сошел и отдувался, Аниська по-заячьи визжал.

— Да шо ж вы робите! — раздвигая толпу, рычал Тягло, невесть откуда появившийся. — За шо людей убиваете?

— А-а! И ты чертяка сивый здесь! Хватай, бей его, живодера!

— Товарищи! Граждане! Что вы делаете? Самосуд! Отвечать будете! — заверещал Буряк.

Но его никто не слушал.

Тягло тоже повалили рядом с Дроном, и его постигла та же участь.

Народ сбегался. Собирались родственники, кумовья, друзья Дрона и Тягло. Они вступились за Дрона и Тягло. Началась свалка. В ночном воздухе засвистели и затрещали колья. Толпа редела.

— А-а! У-у! Го-го! Бей их! Духу кулацкого что б не осталось!

Кряженко сначала пытался остановить разбушевавшуюся толпу, призывал соблюдать законы, и потом и сам врезался в гущу, орудуя дроновским колом. Но в темноте нельзя было разобрать, где свои и где чужие. Тогда Кряженко, отскочив в сторону, закричал:

— Товарищи и граждане! Кто за нас, то-есть за советскую власть, отходи сюда, ко мне!

Его услышали. Огромная масса людей колькнулась в его сторону, волоча за собой Дрона, Тягло и Аниську. Несколько помятых в драке из друзей и родственников, воспользовавшись этим, поспешили по своим хатам.

Дрона, Аниську, а заодно с ними и Тягло заперли в пустой амбар. В охрану в первую очередь встал дед Зозуля со своей двустовалкой.

В волость поскакал верховой нарочный с пакетом о происшедших событиях.

Дальше события развертывались с головокружительной быстротой.

Посланный в волость нарочный в сорока километрах от поселка Привольного, на берегу озера Танагуль, встретил подводу, следовавшую в поселок. Остановившись, он

узнал, что это ехали через волость Матвеем Курганов и с ним — сын Кузьмы Безродного — Петр, демобилизованный красноармеец.

Нарочный наспех рассказал о нападении кулаков на Семку Чуба, об аресте Дрона, Аниськи Шмеля и Тягло, о побоище, происшедшем при этом между друзьями и родственниками кулаков с одной стороны и населением — с другой, о тяжелом состоянии Кузьмы Безродного.

Курганов при свете спички написал записку председателю волостного исполкома, в которой требовал в первую очередь прислать в поселок врача. Нарочный припориц коня, а Курганов с Петром ударили по сытым, застоявшимся на сытом корму ямшицким лошадям.

Перед восходом солнца пара взмысленных, побелевших от пены лошадей влетела в поселок. А через какой-нибудь час на площади, возле самой часовни, уже шумел митинг, на который сошелся весь поселок от мала до велика.

На митинге, не считая Матвея Курганова и Петра Безродного, выступал почти весь народ. Говорил все, кто умел и кто не умел — одни с крыльца часовни, другие прямо с места, одни при помощи слов, другие при помощи жесткокуляций крепко стиснутых кулаков и крепких русских высказываний, как известно, отличающихся особо сильным и убедительным смыслом.

Принятая на митинге резолюция также была немногословна, проста и убедительна. Она состояла всего из трех небольших пунктов, а каждый пункт — громовой удар по старой, трижды проклятой жизни.

Пункт первый — просить пролетарский суд применить к бандитам Дрону и Шмелю высшую меру наказания — расстрел, а Тягло выслать из поселка.

Пункт второй — переизбрать, как кулацких подсобников и ротозеев, председателя сельсовета Буряка, секретаря — Лиходеда и председателя сельпо — Хлызова, попу Бактусу предложить выехать на все четыре стороны, а часовню передать под народный дом.

Пункт третий — организовать в поселке Привольном колхоз и дать ему название «Новая жизнь».

Правда или нет, но очевидцы говорили,

что за эту резолюцию голосовали даже Ченяк, его супруга, бабка Матреничка, сын Дрона — Василий со своей женой Проськой.

После митинга Матвей Курганов и Петр Безродный, в сопровождении Якова Краженко, деда Зозули, Гартмана, Гаврюшки с Ибрайкой и целой толпы поселская шапировались к хате Семена Чуба. Туда же привезен был Кузьма Безродный, на которого приезд двух желанных гостей действовал, как чудотворное исцеление.

Все начинало складываться так, как этого хотели лучшие люди поселка. Сама жизнь работала на них.

Но что было с Семкой Чубом? Выжили ли он жестокий удар «родича» Дрона — Ашвэски Шмеля — или уже лежал охладевшим трупом?

Близкие люди Семки Чуба, соблюдая величайшую тишину, вошли в его убогую, низкую и мрачную, как склеп, хату. Навстрочу к ним поднялась от кровати сухая и добрая старуха с припухшими от слез глазами, мать Семки. Красивая девушка в синем платье и с синими кровоподтеками под глазами, как мак зардевшись, отошла в угол.

Внимание всех обратилось к сухой и доброй старухе. Люди, замирая, ждали ее слов. И она, скрывая радость в морщинах глаз, сказала шепотом, который все слышали:

— Думала совсем загубили злые вороги моего соколика. Пластом лежал до утра...

— А сейчас? — не вытерпев, спросил Петр.

— Спит... Старуха всмотрелась в лицо бойца, узнала его. — Петюша... голубчик мой... какой же ты стал! Вот увидел бы тебя Сема...

— Увидит еще, мамаша.

— Дай бог.

Петр шагнул в угол, где стояла кровать. Нагнулся над товарищем. Тот лежал неподвижный, спокойный, белый, как мел, с повязкой на голове. Глубокая жалость к другу и злоба к его врагам вспыхнули в нем.

— Бандиты! — процедил он сквозь зубы и почему-то невольно взглянул через плечо. В другом углу напротив него стояла Гаялка, которую он раньше не заметил. Петька, уходя на службу, знал ее еще девочкой-подростком. За это время она

расцвела и возмужала. Они встретились взглядами, долго смотрели друг на друга строго и испытующе, потом разом тепло и приветливо улыбнулись. Петька подошел к ней и крепко пожал ей руку.

— Мое красноармейское спасибо тебе за Семена!

Девушка покраснела, чувствуя, что все смотрят на нее. Она не знала, что ответить на слова бойца. На помощь пришел Курганов.

— Это вы и есть Галина Дронова? — тихо спросил он.

— Я.

— Отца жалеть не будете? Не слышали, что постановило общество?

— Нет у меня больше отца!

— Если так, то хорошо. Умеете смотреть вперед. Для таких, как вы, у нас будет широко открыта дорога в жизнь...

Больной заворочался и открыл синие и глубокие глаза.

— Семен! — бросился к нему Петька.

— Не знаю, — сдержанно сказал Чуб, сделав слабое движение.

— Это меня-то не знаешь.. товарища твоего... Петра Безродного.

— А... — обрадовался Семка. — Да это ты, Петя?

— Факт... Ну, а твои как дела?

— Плохие. В голове будто карусель вертится.

У кровати на табурет сел Кузьма. Он внимательно осмотрел Чуба и сказал с тяжелым вздохом:

— Да, помяли тебя, видно, эти стервецы!

— Пушай, — зло повед глазами Семка. — Они думают, что я подохну. Чорта лысого.

— Дело, — одобрил Безродный. — Крепче держись за жизнь.

— А вы? Вы не хворали?

— Хворал. Но я тоже, видишь, держусь. А теперь, — он весело взглянул на сына, — меня ничем не свалишь. Еще сто лет проживу.

Семка, закрыв глаза, задумался. Он вспоминал, что же еще было вчера. И вспомнил. С тревогой посмотрел на Безродного.

— Жалобу мы написали, Кузьма Иванович?

Безродный кивнул головой.

— А где ж она?

— Жалобу нашу сегодня читал на митинге перед всем народом наш товарищ, — показал он глазами в сторону Матвея, стоявшего рядом с Петром, — помнишь его?

— Кузьма Иванович... Да, это ж самый товарищ Курганов! — встрепенулся Семка.

— А я о чем говорю? Оп.

— Сам до нас приехал?

— Как видишь.

Пауза.

— И чего порешил народ? — спросил Чуб.

— Дрона с Аписькой расстрелять. Тягло и Бактуса выгнать, Буряжу с Лиходедом и Хлызовым по-шлям, а в поселке колхоз построить. Сегодня вечером устав будем принимать, — коротко пояснил Кузьма.

Семку охватила такая бурная радость, что он долго не мог собраться с мыслями и только наивно, по-детски улыбался. Овладев собой, он вздохнул полной грудью.

— Не зря дед Антон про лебединую песню нам рассказывал. Вот она, лебединая песня, пришла им...

— Истинная правда, — подтвердил дед Зозуля, радый, что и о нем вспомнили. — Чуял я, что конец лиходеям близко. Со знаменем рассказывал.

— А вот обещания своего все же не выполнил, дедушка, — мягко упрекнул его Курганов.

— Ась! Какого это, Матвей Петрович?

— Разве забыл? Помнишь, ты обещал всех охотников в колхоз собрать? Где же они?

Дед Зозуля ша мгновение растерялся, а потом вдруг нашелся, хитро прищурил левый глаз и ответил:

— Аи выполнил, Матвей Петрович, в аккурате выполнил свой обет. Видел, сколько сиди людей на митинге было?

— Так то ж не охотники.

— Охотники. Поверь мне, Матвей Петрович, охотники. Сами, без никакого тебе приказа и понуждения, по своей доброй воле, по охоте до новой жизни идут. Теперь скажи: охотники это аль нет?

— Охотники, — согласился Матвей. — Слаюсь, дедушка.

Все засмеялись. Не удержался от улыбки и Семка Чуб.

— Герой у нас дед Антон, — похвально

отозвался о нем Яков Кряженко — Кабы не он, не бывать тебе, Семен Павлыч, в жывых, — взглянул он на Чуба.

Слова Якова Кряженко пробудили в угасшей было памяти Семки Чуба жуткую картину ночных событий. В сознании, как вспышка молнии, пронеслось глухая ночь... одинокий вой собаки... тоскливая песня зверей на далекой сопке... молчаливо настороженные хаты Дрона и Тягло над крутояром... хруст чьих-то крадущихся шагов позади... белая повязка на лице огромного человека и злобно сверкающие глаза... зов топора, предотвратившего смертельный удар бандита... предательское лицо второго — Аниськи Шмеля... больше ничего не осталось в памяти Семки. Как он уцелел, что спасло его от неминуемой гибели, Чуб не знал, да и не до этого было ему до сих пор. Но, как и каждому человеку, ему свойственно было высокое чувство признательности, и поэтому, услышав слова Кряженко и восстановив в памяти кошмар минувшей ночи, он рванулся к деду Зозуле, чтобы отблагодарить его.

— Да, это вы, дед Антон, спасли мне жизнь? — спросил он, хватая старика за руку.

— Да я ж их, асидов, пужаул из двустволки... ажко пытки у них засверкали, как они под крутояр стрыба... — начал было торжественно расписывать дед Зозуля, как он спасал Семку Чуба. Однако старику не дали закончить мысли. Скромно и незаметно стоявшие у дверей Гаврюшка с Ибрайкой, считавшие себя главными героями в спасении Семки, никак не могли допустить, чтобы их лавры достались кому-то другому. Поэтому один из них — Гаврюшка — и оборвал на полуслове словоохотливого деду Зозулю.

— А ежели бы не мы с Ибрайкой, то и двустволка ваша на стене по это время висела, — солидно пробасил он.

Головы всех повернулись к дверям. Мальчуганы гордо, с сознанием своего достоинства, выдержали устремленные на них взгляды.

— Эге! — воскликнул Кряженко.

— Справедливо, Гаврюха, — поспешил тут оправдаться находчивый дед Зозуля. — И я то ж самое хотел сказать, да ты помел малость... Ружье мое, слов нет,

и по сию пору висело б, кабы не вы с Ибрайкой... Истинная правда.

Тут Семка взмолился и о том, как за несколько часов до нападения на него, мальчуганы крутились около угла Дроновской хаты. Тогда он подумал, что они, заподозрив его в недобром, подглядывали за ним. Это обозлило его, и он резко и грубо обидел их. Теперь же ему стало понятно, почему мальчуганы мерзли на холоду. Это они делали ради него. Семка подовзал к себе мальчуганов и обнял их, в глазах у него стояли слезы.

— Не сердчайте, мои братишки, что я ругал вас... Я думал вы за мной, ради любопытства, подглядываете..

Гаврюшка волнуясь и сиена рассказывал:

— Мы, дядя Сема, не дали б тебя всем этим бандитам, если б не Анисья Шмель... Хитрущий сатана! Под хатой, кажут, у нас был, за вами в окно подглядывал. А как он убежал туда, вот те крест, мы не видели. А то б... упретили тебя. Увидели мы его, чертягу паршивого, когда он вместе с Дроном из лабаза вылез... Обоим с дрючками были... а у Дрона еще рот белым платком повязан... У меня ажно сердце заохолонуло и ноги чуть не отнялись, глядучи на этих бандитов. Думал до своей хаты не добежу, что б тебя упретить... По речке я бег, а за речкой волки спивали... А он,—показал Гаврюшка на Ибрайку,—по уговору за Дроном с Аниськой остался поглядывать... Так что ты, дядя Сема, не сердчай, ради бога...

— И за то спасибо,—смахнув рукавом слезы, сказал Семка.—Больше вас вовек ругать не буду, а поднимусь,—то никому в обиду не дам... всегда буду за вас заступаться.

Гордые и счастливые мальчуганы не знали куда девать глаз. Их радость была велика. Они видели, что их дела были доказаны и всеми бесспорно признаны. Но теперь им стало жаль деда Зозулю, которого они также сильно любили. Гаврюшка покровительственно сказал Семке:

— А дед Антон тоже подмогнул тебе... Кабы не пужалул их из двустволки, порубали бы тебя бандюки.

— Дедушка Семка спасал... меня спасал,—добавил Ибрайка.

— Факт,—похлопал их по плечу Пегька.—Разведчики из вас хорошие выйдут. Землю нашу будете от самураев беречь.

В полдень из волости приехал врач, а вслед за ним народный следователь с двумя милиционерами.

Врач осмотрел Семку Чуба и нашел, что рана не опасна—пролома не было, черепная коробка дала только небольшую трещину, которая могла скоро срастись (от гибели спасла Семку его толстая жеребковая шапка). Врач оставил лекарство и бинтов, показал Гальке, как надо делать перевязки, и в ночь уехал обратно в волость.

В мягких сумерках вечера бойко и весело потрескивал в печке сухой тальник, и его желтое косматое пламя, выводя затейливые рисунки, плясало на противоположной стене земляной хаты. За окном в тиши морозного вечера звонко и пронзительно поскрипывал снег под торопливными шагами сельчан, спешивших на сход, чтобы заложить прочную и незыблемую основу колхозной жизни. Туда же ушла и мать Семки, чтобы поднять свою руку, безуспешную нуждой и работой, за новую счастливую жизнь. А сын ее, почувствовав внезапный прилив сил и бодрости, лежал в постели и смотрел на отражение косматого пламени. Около него, склонившись на подушку и положив ему на грудь теплую руку, сидела его любимая и верная подруга Галька. Они вслушивались в шепот за окном шагов, и им чудилось, что это шла несметная армия труженников, чтобы вступить в суровый бой с темными силами земли. Они знали, что здесь же вместе с нею шли их лучшие друзья—Матвей Курганов, Кузьма Безродный с Петром и Гаврюшкой, Яков Кряженко, дед Зозуля, Ибрайка, Гартман... Им, Семке и Гальке, хотелось скорее подняться, чтобы поспеть влиться в ряды этой могучей армии, и ни о чем не думая, не вздыхая и не оглядываясь назад, идти вместе с нею через всю землю, от моря до моря, через весь огромный мир.

(Kaina Ulebrakly)
To Galaxio canoro Ulebrakly

Аскар ТОКМАГАМБЕТОВ,
ОРДЕНА ЮСЕЦ

ДАЛЬНИИ ВОСТОК

Вода твоя—мед, земля твоя—плюш,
Ветер твой—мускус, ты—всемогущ,
О, край дерзновенный! Ты к морю пролег,
Овеянный славой, мой Дальний Восток.

Через нашу границу враги не пройдут:

Граница у нас — на-замке.

Любого врага на земле, на реке

Бойцы обнаружат, сомнут.

Краснознаменный Дальний Восток,
Ты родине много богатства сберег,
Ты серебро сеешь, золото жнешь,
Ты силу и славу народу несешь.

Через нашу границу враги не пройдут.

Граница у нас — на-замке.

Любого врага на земле, на реке

Бойцы обнаружат, сомнут.

Бесстрашный могучий Дальний Восток,
Пусть сунется враг, и зерно на клинок
Мы сменим, сметая любого врага,—
Тайга золотая нам дорога.

Через нашу границу враги не пройдут:

Граница у нас — на-замке.

Любого врага на земле, на реке

Бойцы обнаружат, сомнут.

Мы с трактора сядем на танк боевой,
Коль вздумает враг пригрозить нам войной,
Узнают бандиты (пусть ты и далек),
Что близок и дорог нам Дальний Восток.

Вода твоя—мед, земля твоя—плюш,

Ветер твой—мускус, ты—всемогущ,

О, край дерзновенный! Ты к морю пролег,

Овеянный славой, мой Дальний Восток.

Через нашу границу враги не пройдут: .

Граница у нас — на-замке.

Любого врага на земле, на реке

Бойцы обнаружат, сомнут.

Дмитрий СНЕГИН

МОИ ГОРОД

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМЫ

I.

Мой город тих. Не дрогнут тополя.
В рассветный час они, как кипарисы,
Стоят стеной. За городом, пыля,
Колхозники на брччках, полной рысью
Пустив коней, уж едут на поля...
Промчалась первые проспектом «ЗИС'ы»,
И, отступая пред огнем зари,
Погасли золотые фонари.

II.

Идет трамвай. Висят на нем плакаты:
«За Сталина пойдем голосовать!»
Высокие открыты наркоматы,
На консультацию с ребенком мать
Спешит, и тишина ушла куда-то
До поздней ночи мирно отдыхать.
А на табачной, вырвавшись из плена.
Пропела восемь громкая спрена.

III.

Гудит базар. Апорт горит огнем...
О, это гордость наших садоводов!
Немало песен сложено о нем,
Немало совершил он переходов,
И мы его «царь-яблоко» зовем
Ревинным семиреченцам в угоду,
И даже город мой Алма-Ата
Зовется яблочным и неспроста.

IV.

В работах академик П. Вавилов
Писал, что на предгорьях Алматов
Природа щедро всюду заложила
Очаг формирования плодов,
Что это просто золотая жила
Разнообразных девственных садов...
Я думаю теперь гордиться вправе
Апортом вся советская держава.

V.

Апорт проник в далекий Ленинград,
К стахановцам завода «Серп и молот»;
Его плоды, я думаю, горят
Загаром юга там, у рыболова,
Где океан семь месяцев подрял
Вздывается дыханием ледовым...

Однако день уходит на покой,
И хорошо, что завтра выходной.

VI.

О, выйди, друг, вечернею порою:
Как стрелы, улицы перед тобой,
И солнца луч, взметнувшись за горою,
Как меч, пронзает воздух голубой.
Бредут стада тенистою тропею,
И журавли летят в простор степной,
И, словно в час большого разговора,
Столпились вокруг в седых шапахах горы.

VII.

За строем строй проходят облака.
Все в ожиданьи отдыха. На дачи
Стремятся толпы. Горная река
С громовым шумом меж камней скачет.
На севере, как дымка, далека
Сухая степь курганами маячит,
И в воздухе висит протяжный крик...
И горизонт за городом велик.

VIII.

А было так: по улицам знакомым
Бродила сонная, глухая тишина...
За каждой подворотнею, за домом
Свой права, свой бог, свой сатана;
Лампадка на цепочках пред иконой,
И чаша недопитая до дна;
Навыданьи хорошие невесты...
От казака, бог знает, придут ли вести?

IX.

По воскресеньям иль в престольный день
Проснется вдруг угрюмое затишье.
Гармонь возьмет, через плечо ремень
Пропустит лихо Ванька или Мишка...
Рубаха—шик, фуражка—пабекрень,
Бегут след-вслед чумазы мальчишки,
А по церквям—малиновый трезвон,
А над землей—прозрачный небосклон.

X.

В то время к губернаторскому дому
Съезжались гости... Глух и темен сад.
И только псу положено цепному
Сейчас ходить в саду вперед, назад.
Но вот уже гудят но-гулевому
В столовой. Окна искрами горят,
И пары закружились в плавном вальсе—
«Воспоминание о Пржевальске».

XI.

На улице торчал городской.
Вдоль улицы—высокие ограды.
Казалось, установленный покой
Не всколыхнут раскаты канонады.
Но ночью, по-восточному глухой,
Уж собирал подпольщик Виноградов

И вериенцев в партийные кружки—
Работали и здесь большевики!

XII.

О, город мой, я все запомнил тайны,
И каждый переулок, каждый ров,—
Все для меня рассказ необычайный,
И я поведать о тебе готов.
И ты прости, но право не случайно
Я заключил тебя в квадраты строф...
Твоя тоска мне сердце ущемила,
Но сохранила гордость старжила.

XIII.

Вот здесь, на площади, асфальтовый завод
Дымит теперь... Рубились топорами
Родные братья: в несчастливый год
Их хлеб сгорел с амбаром, с закромами...
И много лет изменится, пройдет,
Но не изгладится во мне о соре память,—
Я буду сердцем слышать горячо,
Как брат у брата разрубил плечо.

XIV.

А в этом дворике, обсаженном прогою,
Жила семья. Ей сад доходом был.
Мы часто, увлеченные игрою,
В саду «войною» разжигали пыл,
Но, изловив, пудовою рукою,
Нас по задам хозяйский сторож бил,
И в заключение, мурлыкая игриво,
Нас прогонял по зарослям крапивы.

XV.

Я часто в этом дворике бывал,
(С хозяйским сыном мы вели дружбу)
И всякий раз нас вошью обдавал
Глухой подвал. Мне становилось душно,
Я убегал на приарычный вал...
Однажды воротился, отбив службу,
Отец Сергея... Марья принялась
Бранить его, разверстки, войны, власть.

XVI.

И извела попреками, кусками
Не в меру съеденного хлеба. Ночью Клим
Повесился. Меж старыми дубами
Его колени синие текли.
Свинцовыми разбухшими ногами
Он не касался горестной земли...
Так умер Клим, не поняв в жизни толка.
Его свезли за город на двуколке,

XVII.

Где по ущельям, меж суровых скал,
В зеленых листьях яблони сбегают,
Где так рогатый с шумом проскакал,—
Была в опасности подруга дорогая...
Талгарский пик, как вспененный бокал,
Покрылся облаком, в закате догорая.
Вздымается от теней вышина.

«КАТЕРИНА»

РИС. Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Крадется в горы мягко тишина.

XVIII.

И ты, мой город, в ту годину тихо
 Огнями дальними чуть значился в ночи...
 Мне чудится: вот сторож лавки Тихон,
 Как дятел, колотушкой стучит,
 И, приглушась от старческого дыха,
 Не слышит он, как стонут косачи,
 Как бредит «сплю» во тьме глазастый фильм,
 Как гонит ветер тучи серой пыли

XIX.

К Алма-Атинке... Здесь—степной рубеж.
 Над степью возвышаются курганы,
 И крепость древняя—пристанце надежд
 Царей империи, позора и обмана.
 В ней подняло кулачество мятеж,
 В ней говорил о правде речь Фурманов,
 И семиречепские казаки
 На фронт ферганский двинули ножи.

XX.

А комиссар? Он возвращался поздно
 Из крепости в пустые номера.
 Деревья спали. Спали в небе звезды,
 И только псы из каждого двора
 На пешехода огрызались грозно...
 Что думал он? Что снова в путь пора,
 Что жаль расстаться с комнатой-временкой,
 Что позабыл глаза любимой Анки.

XXI.

Не ждут года... На север и на юг
 Стремятся рельсы. В небе кружат галки
 В Алма-Ата Турксиба слышен стук.
 На хлебозаготовки Мате Залка
 В наш край приехал. Говорит мне друг,
 Что Мате—человек большой закалки,
 Что он боец, писатель и шутник,
 Венгерец родом, сердцем большевик.

XXII.

Так я узнал в году двадцать девятом
 О человеке, много лет спустя,
 Который был в Испании солдатом
 И там погиб, как факел вознеся
 Над миром сердце... Гулкне раскаты
 Все человечество печально возвестят
 О гибели испанского венгерца,
 В котором билось пламенное сердце.

XXIII.

На Фурманова*) строси карагач,
 Там «Гастроном»... мне хочется поверить,
 Что в нем он покупал себе калач,
 Что открывал он в это зданье двери...
 О, Мате Залка! Генерал Лукач!..
 Ты дорог нам, и разум мой не верит,
 Что от фашистской бомбы умер ты!..

*) Название улицы в Алма-Ата.

Шумели лавры, вянули цветы,

XXIV.

За гробом шли испанцы и французы,
 Венгерцы, итальянцы, латыши.
 Их всех снаяли братством правды узы,
 Последний взлет твоей, Лукач, души,
 И все народы нашего Союза
 (О, сердце, успокойся, не спеши!)
 Тебя прощальной песней провожали...
 Мерцают звезды в небе, на причале.

XXV.

Но загородном тракте—ранний крик.
 К колхозу «Екпеңды» спешат подводы.
 Оперскает с гулом грузовик
 Подводы, всадников и пешеходов...
 Не почему так праздничен, велик
 Людской поток? Так празднична природа
 И так шумит студеная вода,
 Как не шумела раньше никогда?

XXVI.

Сияют горы в утреннем рассвете,
 На тысячи километров видны!
 Хлопочут бабы, старики и дети,
 Готовясь к празднику, в колхозе «Екпеңды».
 Колхоз велик, и глаз легко заметит,
 Что у колхоза крепкие труды
 Давно сказались счастьем и культурой,
 Что денег не клюют хохлатки-куры.

XXVII.

Старик-казах, ко лбу подняв ладонь,
 Следит за пылью на прямой дороге;
 Он—ожиданье весь... его не тронь,
 А впрочем, весь колхоз сейчас в тревоге:
 Будахчут куры... Ржет буланый конь,
 Трепещут флаги, тополь машет строгий,
 Благоухают дикие цветы,
 И солнце ровно светит с высоты.

XXVIII.

А между тем, урча, автомобили
 Врываются на расцветенный двор
 И замирают. Разом обступили
 Их землеробы... Крики, разговор.
 Из «ЗИС'а» вышел аксакал Калинин,
 Застенчиво очки свои протер,
 Приветственно поднял большие руки,
 И смолкли крики, голоса и звуки.

XXIX.

Михал Иванович долго говорил,
 И слышал сердцем бригадир Абишев,—
 То родина, набрав могучих сил,
 Цветет, как им взлелеянная вишня,
 Ему на радость!.. Долго он бродил
 В родных степях безрадостный и нищий.
 Когда вершил мулла свои дела...
 Родная степь!.. Чужой она была.

XXX.

Да будет проклят черный век отныне,
Тяжелый век, растоптанный и злой!..
Тебе, Абишев, акт вручил Калинин
На вечное владение землей..
И долго песнь ходила по долине
С веселою и праздничной толпой..
Такого праздника в колхозе не бывало,—
Совсем недавно песня замолчала.

XXXI.

И мне пора. В окно стучит рассвет,
Встает, гудит столица Казахстана.
Я прожил в ней немало славных лет,
И материала хватит для романа;
Но я пишу поэму, я поэт,
А впрочем, говорить о формах рано..
Алма-Ата, прекрасный город мой,
Живет одною жизнью со страной.

Семен АНИСИМОВ

ПОЭМА О БЕЗУСОМ ПОЧТАЛЬОНЕ

И с письмами желанными
шагают почтальоны.
Янка Купала.

По буграм и полянам шагает он—теплый и нежный парень. И столько солнца кругом! Мир переполнен солнцем. Иволги поют. Как хорошо поют иволги!

Половодьем любви разливается девушка-весна, бежит по родной земле зеленокудрый июль, проходит полногрудая красавица-осень, зима рассыпает от края до края холодный песок серебра. Так шел год, другой, третий... пятый. И почтальон был всегда почтальоном.

Быстроногий, как почтальон, веселый, как почтальон.

Ничто не может удержать его—ни свирепая пурга, ни проливные дожди, ни зной, ни холод, ни реки, ни горы. Длинный и сухой, белокурый и светлоглазый, он звался Васильком. Василек Зулейко бодро отмеривал версты, рассыпая по обочинам дорог незатейливые песенки.

И дед его был почтальоном, и его отец был почтальоном. И в длинные зимние вечера Василек много мог поведать о своих предках лобопытным друзьям и товарищам.

Сколько километров прошли почтальоны Зулейки! Ого! Можно было земной шар обогнуть. Сколько сапог износили! Сто двадцать пар одних сапог... И на каждые сапоги по два раза подметки набивали. А вот сумка живет. Наследственная сумка! Рыжая старушка. Она переходила из рук в руки... Ее мочили дожди, ее утужили ветры. Лохматая толстуха. Ей сорок лет, а ему девятнадцать. Но они любили друг друга...

Он носил в этой сумке человеческие радости и печали. В красных и белых, в синих и голубых, в зеленых и желтых, в розовых и оранжевых конвертах. Счастье

столь же разноцветно, как конверты. Почтальон—знаменосец счастья. Это замечательно, это несказанно замечательно. Пятьдесят писем в день, семьдесят писем в день—из Москвы и из Игарки, из Ялты и Владивостока. Получают письма колхозный насечник Ефим Власыч, старый лесник Федор Данилыч Складнев, доярка Галина Морозова, чабан Григорий Прищепан... Большой труд перечислять всех: агрономы, учителя, врачи, бригадиры, комбайнеры, трактористы и все другие. Из Москвы пишут о сказочных прелестях столицы, с Дальнего Востока—о беспримерном героизме бойцов-пограничников страны Советов и о том, как японские самураи умеют славно бегать от советских пуль. Письма из Херсона пахнут благодатным колхозным жиром и дынями, письма из Аляма-Ата благоухают ароматом апорта.

Кто не знает в этих местах игрушечного домика стариков Складневых! Он стоит у самого берега, окруженный кустами черемухи, а с ветвей этой черемухи свисают желтые головки хмеля. Сейчас, когда к домику подъезжает на новеньком велосипеде почтальон Зулейко, Марфа Сергеевна (или тетя Марфа, как ее зовут в Переключном) собирает на огороде спелые помидоры.

—Родной ты мой,—кричит она Васильку,—чем тебя потчевать? Арбузика скушаешь? А то есть холодные сливки. Ну, а письмо от кого-же?

—Угадайте.

—От Вапюшки?

—Нет.

—От Петра?

—Нет.

—От Грани?

—Нет.

—От Коли, Сергея, Виктора?

—Нет, нет и нет...

По всей стране рассылались Складневые. Двенадцать Складневых от одиннадцати до сорока лет. В Ленинграде—инженер-гидролог Иван Складнев, в Комсомольске-на-Амуре—майор Петр Складнев, в Севастополе—водолаз Сергей Складнев. И на земле Франца-Иосифа есть Складнев из Перекличного—механик арктического судна—двадцатипятилетний Виктор.

...Василек отказался от стакана холодных сливок (всех сливок не выпьешь). И велосипед катится дальше, увозя на никеле ободка лужичку расплавленного солнца. На пути кордон Теплый ключ, потом дорога выстелится по Лысому бугру и поведет в бригады колхоза «Колос»: Люди увидят маленькую точку на горизонте, потом эта точка будет приближаться и расти. Сколько шуму и радости будет на току!

Василек—знаменосец этой радости, Василек—весельчак и балагур. И никто не знал, что он умеет грустить. А почтальон между тем грустил. В чудесные летние вечера он уходил на полянку и ложился под тенью молодых березок. В лесу пели иволги. Выросли огромные тепи сосен. Пахло хвоей—густой аромат молодости. И небо такое глубокое, глубокое и не голубое, нет,—прозрачное и бесконечное. Такое небо побуждает к движению, рождает бодрость и упорство.

Василек думал о себе. Иногда он чувствовал себя одиноким, в семье у него была одна старая-престарая бабушка и больше никого. Он никогда не получал писем горячей дружбы. Письма поступали Зулейке только из заочного сектора училища связи с программами и заданиями.

А хотелось другого. Хотелось письма от Марии Лойко с Теплого ключа. Почему она не пишет? Почему? Разве он плохой парень? Он провожал ее от Перекличного до кордона в дни комсомольских собраний. Она крепко жала руку и как-то неожиданно исчезала. Зачем она исчезала? Может быть он слишком серый и маленький человек? Ни геройства, ни подвигов. Ну, конечно, ни геройства, ни подвигов...

Ему казалось, даже, что в слове «почтальон» есть что-то насмешливое, когда его произносили товарищи. И очень на-

прасно ему казалось: ребята любили Зулейку и не подвернись один каверзный случай—все шло бы как нельзя прекрасней. Василек поругал на собрании бригадира Дмитрия Проскуренко за плохую работу в бригаде (этого Проскуренко он часто видел наедине с Марией, а Проскуренко, в свою очередь, заметил, что Зулейко что-то зачастил на Теплый ключ). Нет! Он не ревновал, он даже на минуту забыл о Марии.

Но услышав слова Зулейки, бригадир вспыхнул и непароком высказал, что хлеба, мол, убирать куда труднее, чем письма разносить по холодку... Раздался смех, но уже через минуту тяжелая тишина сменила его. Зулейко поднялся со стула, медленно подошел к президиуму, длинный, сеутулившийся. Не гнев, но жгучая обида упала тенью на его блесое лицо.

—Товарищ!

Больше он ничего не сказал, по все его поняли. Зулейко сел на прежнее место и втянул голову в плечи. После собрания Мария догнала его на улице. Шли молча. И только у самого кордона Василек заговорил тихо, почти про себя:

—Чудак этот Дмитрий. Он не знает всей прелести труда. А я немного странный, правда? Наверно я чуточку поэт... Ты знаешь, Мария, всю правду про труд? Ведь вот, понимаешь, само сердце просит работы. Да, сердце просит. Все равно—копюх ты или ученый...

И долго говорил почтальон Зулейко... Говорил с жаром, с душой, как-будто только сейчас он нашел такой разговор, в который можно влить все переполившие сердце переживания.

Он—почтальон с детства. Он блуждал по лесным просекам, замерзал в мечтательные ночи, тонул в Шумловке, спасая почту. Теперь он знает в этом бору каждый пень. Ни один нарушитель границы не ушел в глубь страны через бор Перекличного. Зулейко вел пограничников по самым сокровенным местам и разыскивал берлоги врагов. Он имеет три благодарности от пачальника заставы. Но разве об этом ему, Зулейке, нужно кричать? Разве так не поступал бы каждый из его товарищей?

—Растаскивать письма по холодку...

Нет, все-таки чудной этот Дмитрий. Он не знает как это хорошо растаскивать письма. Да, какие письма! В этом бору погиб

мой дед. Его загрызли волки. Ушел старик навсегда, оставив в наследство сумку, заячью шапку и унылую, заносившую до дыр, песню. Здесь белобацкиты повесили моего отца. Я даже знаю эту березу... этот сук, на котором...

Старики были почтальонами... В рыжей кожаной сумке они пронесли по земле миллион человеческих бед и несчастий. Почтальона встречали с затаенным сердцем, как предвестие горя...

И долго еще говорил почтальон Зулейко. А потом, дома, развернув учебники, он думал о Марии. И как он не понял ее раньше? Любовь. Хорошо любить молча...

Любовь нельзя тянуть за уши—из этого ничего не выйдет.

...Хороши утренние зори. В каждой росинке—крупница розовых облаков. Гудит автомобильная сирена и так громко, что кажется—тысячи сирен подтягивают ей. Это всегда бывает ясным августовским утром, когда кругом все свежо и молодо, когда даже прелый запах листьев по-своему великолепен, когда почтальон выходит в свой первый рейс. Что он несет сегодня своим друзьям и подругам в рыжей толстухе-сумке? По буграм и полянам шагает он—теплый и нежный парень. Солнце всходит над бором. Сколько солнца кругом! Иволги поют. Как хорошо поют иволги!

Николай ТИТОВ

АМАНГЕЛЬДЫ

Е. Умурзакову, исполнителю роли Амангельды.

Огонь погас. И в партер кинозала
Бесшумно мгла полночная упала.
А на экране встал Амангельды.
Лениво зной повис над степью. В страхе
Топились перед баями казахи,
И гнев входил в их шумные ряды.

Амангельды! Мгновенно это имя
Людей спаяло. Саблями кривыми
Рассечен воздух легкий, голубой.
Костер восстанья жарок! Конский топот,
Орлов высокогорный смелый клеток,
И первый за родные стены бой.

Запахло в зале порохом. И снова
Возник у многих в памяти сурово
Далеких дней невиданный полет,—
Когда с седла по суткам не сходили,
Когда белогвардейщину рубили,
Когда, теряя жизнь, ползли вперед.

В те дни луганский слесарь Ворошилов
Вел за собой отряды. И крошила
Буденновская конница врагов.
И Фрунзе шел с бойцами. За Чапаем
Летели конники. Неувядаем
Восход тех сокрушительных годов!

...И падает с коня, сраженный пулей,
Амангельды.
Но в городе, в ауле
Росли, растут такие же, как он.
Смотри—они повсюду. Полон ими
Зал этот. Голосами молодыми
Они заполнили стадион.

В ночном секрете, около границы,
Лежит красноармеец смуглолицый.
Он слышит шопот ветра и воды.
Не спят дозоры наши на Тянь-Шане.
Спокоен труд. Не только на экране, —
Ты жив у нас в сердцах, Амангельды!

Павел БОГДАНОВ

ЮБИЛЕЙНОЕ

Вождям уже за пятьдесят,
А нам, ровесникам, за двадцать;
Волненье лет перенеся,
Приятно в юбилей встречаться.

Друг друга тиская в руках,
Приятно нам признаться смело,
Что нет усталости в глазах
И что ладонь не ослабела;

Что мы попрежнему сильны,
Хоть многим славным трижды двадцать;
Что в бой любой на зов страны
Готовы вновь мы собираться.

ЛИВЕНЬ

Вдруг переполнились арыки;
Вода залила синь асфальта.
И молнии в громовом рыке,
Петляли огненные салты.

Дрожали крылышками листьев
Березы бледные от страха;
Но я дождю желаю литься,
И грому в тучах—сутки ахать!

Я знаю, где поля сухие,
Колхозники, грозу встречая,
Сейчас приветствуют стихию,
Рубах намокших не снимая.

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Ничего на свете нет дорожс
Родины, взлелеянной трудом;

Напрягая мускулы до дрожи,
Ей мы нашу силу отдаем.

И когда в работе так случится —
Сохнут губы и мутнеет взгляд,
Нам друзьям несут воды напиться,
А враги готовят нож и яд.

Но и даже, даже умирая,
Мы знамен не опускаем вниз,
Ясным взглядом видя, как сияет
Мировой грядущий коммунизм.

***

Я Пролетарской улицей шел.
Яростно солнце грело.
И вдруг, под ногами, в пыли, нашел
Гривенник, малецкий, белый.

Поднял торжественно, пыль вытирая,
Стал и с места не сдвинусь.
Какой-то прохожий, мимо шагая,
Состроил брезгливую мину.

Я видел: додуматься он не сумеет,
Ему невдомек это,
Что я поднимаю не десять копеек,
А герб страны Советов.

II. МОЧАЛОВ

ДУМЫ МАСТЕРА АДИГЕНОВА

I.

Речка Кол—что обычный степной арык. Летом—мелкая и узкая, она течет молчаливо, причудливо извиваясь по широкой Челекской долине. Обильно растущие по берегам тростники и камыш наглухо скрывают Кол, словно пряча ее от знойного солнца. И только степной старожил приметит речку по щетинистому, возвышающемуся над ковылями, гребню густых зарослей. Зимой Кол тоже неприметна. Глубокие здесь снега заваливают русло речки, сравнивают ее пологие берега.

Но как грозна бывает степная речка весной! Тысячи горных ручейков, масса полой воды, освобождающейся от снега долины, доверху заполняют ее тесное русло. Весной Кол выходит из берегов и широко заливает долину. Тогда надолго бывают отрезанными от центральной усадьбы и фермы многочисленные заимки чабанских бригад...

Камшибек Адигенов неподвижно стоит на крутом косогоре и пристально из-под ладони смотрит в сторону курящегося вешним туманом пестрого Мергенского перевала. Там, у подножья горы, чернеет на недоласканном солнцем снегу степная станция Мерке. До нее от заимки пятьдесят семь километров. С косогора ясно видно, как дымят на станции паровозы и грубы сахарного завода.

Но не дым паровозов и не голубой туман Ала-Тау привлекли взор Камшибека. Старого чабана тревожила движущаяся по ту сторону разлива едва приметная точка. Она то показывалась на минуту, то внезапно надолго исчезала.

— Зверь так не ходит,—говорит мне абан.—Смотрите!—хлопнул он меня ладонью по плечу.—Там что-то другое! — помолчав минуту, он тихо сказал:—Будет несчастье.

Точка, показавшись на пихане, остановилась. Потом подалась влево, вдоль берега разлива. Покрутившись, она вернулась на пихан и, чуть помедлив, скатилась в воду.

Я до боли напрягал глаза, всматриваясь в точку. Но так и не мог разглядеть, что движется там, стремясь попасть на нашу сторону.

И я спросил Камшибека, почему он так встревожен?

Опытный чабан посмотрел на меня и сказал:

—Вы плохо знаете нашу степь. Там,—показал он рукой на разлив,—человек ищет брод. Безумец,—качнул чабан головой,—он неминуемо погибнет! Наши речки весной опасны.

Вскоре можно было различить верхового. Он благополучно переехал разлив и, выбравшись на твердую почву, стремительно стал приближаться к заимке.

Камшибек вдруг просиял.

—Почтальон!—радостно вырвалось у него из груди.—К нам едет почта.—Он облегченно вздохнул и, заложив за губу щепоть табаку, как ни в чем не бывало сказал мне, кивнув на подъезжающего:—Это смелый Ураз. Он славный жигит. Он знает броды и никогда не утонет.

Приблизившись, всадник привстал на стременах. На его безусом лице, уже тронутым первым загаром, блеснула улыбка.

— Аман-ба, агай! — на-ходу приветствовал он Камшибека.—Я три раза переехал сердитую Кол и привез тебе хороший хабар.

II.

После вечерней уборки и сытого ужина жители заимки — чабаны, сторожа, их жены и дети—собрались в жарко натопленном красном уголке. Посредине длинного стола, покрытого вылинявшим по-

лотником, свесил над газетой бритую, вспотевшую голову старший чабан займки Камшибек Адигенов. Он, то повышая, то понижая голос, читает невуче, как школьник, растягивая последние слова фраз.

Старики—первый помощник чабана — Коктай Исюмбаев, арбич—Сейсенкул Адабеков и ночной сторож—Курман Свитаев—разместилась на полу, подле пылающей жаром печки, на плите которой соблазнительно бурлит пузатый, закопченный чайник. Предвкушая ароматный кирпичный чай, старики угощают друг друга табаком, тихо шепчутся, то и дело ловко сплевывая горькие слюны прямо в открытое жерло печки.

Парни и девушки чинно сидят за столом, окружив Камшибека. Оперев обнаженные, черные, как смоль, свои головы на ладони рук, они чутко прислушиваются.

Камшибек медленно водит скрюченным пальцем по строкам колонки.

— «Поголовье лошадей,—читает он,—увеличить на тридцать пять процентов, крупного рогатого скота—на сорок процентов, свиней—на сто процентов и коз—на сто десять процентов».—Он на минуту прервал чтение, осмотрел присутствующих и спросил:—Все слышали?

— Все слышали!—ответили старики, женщины и молодежь.

— Овец и коз—на сто десять процентов!—повысив голос, повторил Камшибек. — Слушайте дальше, товарищи,—и он снова склонился над газетой:

— «Повысить продуктивность животных путем улучшения племенного дела, правильного районирования пород, укрепления кормовой базы, улучшения ухода за скотом».

Шестидесятилетний Курман поднялся на ноги и сказал:

— Ийе! Породистая матка, сытая и здоровая, принесет двойню и даст много тонкорунной шерсти. Старый Курман знает это хорошо!—Он заложил за губу очередную щепоть табаку и подошел к столу.—Товарищ Молотов говорит джаксы!—заклучил старик, осторожно положив свою ладонь на газету.—Правильные слова говорит он.

— Ийе!—дружно отозвались остальные чабаны.—Товарищ Молотов говорит правильные слова!

Камшибек встал из-за стола. Люди смолкли, устремив на него свои взоры.

— Будем работать джаксы, как говорит товарищ Молотов?—спросил Камшибек присутствующих.

— Ийе! Будем работать джаксы!—ответили все.

— Что надо делать нам, чтобы и в этом году быть первыми?—снова спросил Камшибек.

Аксакал Курман ответил за всех:

— Ты, Камшибек, опытный мастер. О тебе знает вся степь. Ты умеешь выращивать стадо, и твоя отара три года не знает урона. Ты умеешь учить людей, как надо хорошо работать. Ты и поведай нам свои думы.

— Хорошо, товарищи,—сказал Камшибек.—Я поведаю вам свои думы.

III.

Аксакал Курман снял с плиты вскипевший чайник. Не дожидаясь приглашения, люди сели в кружок. Камшибек выпил первую чашку почета, с достоинством утер ладонью вислые, как крылья стрижа, свои усы, потянул горстью клинышек седеющей бородки и, прищурив глаза, сказал так:

— Моя первая дума—хорошо подготовить нашу отару к окоту и к выходу на жайлау. Моя вторая дума—рапортовать великому Съезду великой партии о полном сохранении нового приплода.

— Хорошие думы!—качнули головами Коктай, Сейсенкул и Курман.—Мы хорошо подготовили отару к окоту; мы добьемся права рапортовать великому Съезду!

— Да,—сказал старший чабан.—Мы добьемся права, если будем хорошо работать. Скоро начнется окот, скоро пойдем кочевать. Времени осталось мало, а дел у нас много. Я думаю так: ты, аксакал Курман, и ты, арбич Сейсенкул, завтра день будете косить камыш, а послезавтра день будете строить из него щиты. Ты, мой первый помощник Коктай, завтра будешь чинить стены и крышу кошары, чтобы маткам и ягнятам было тепло. Потом очистишь вокруг кошары навоз и снег, пророешь канаву, чтобы не затопила поляя вода, чтобы маткам и ягнятам было сухо.

— Ийе!—воскликнул Коктай.—Хорошая дума. Я тоже думаю так.

— У нас нет для ягнят мелкого сена,

—продолжал свою речь старший чабан.— Нет хорошего сена подкармливать маток. И если мы будем кормить их плохим сеном, то будет беда. Матки отоцуют и принесут слабых ягнят, у маток будет мало для них молока.

Люди насторожились.

—Где же взять для ягнят мелкое сено?

—Чем же подкармливать маток?—беспокойно спрашивали они.

Камшибек посмотрел на их встревоженные лица и в свою очередь спросил:

—А как думаете вы?

—Бельмейм,—ответил Курман.

—Не знаем,—отрицательно качали головами остальные. Тогда Камшибек сказал так:

—Такое сено есть. Оно совсем близко. Надо только приложить руки, и мы достанем его.

Старики-чабаны враз ожили:

—Говори, агай, где такое сено?

—Мы сделаем все и добудем его!

—Говори, мы будем копать снег и достанем сено!

Камшибек поднял вверх руку.

—Нет,—тихо возразил он.— Копать снег не надо. Я думаю так: если мы переберем один скирд и отделим от промоченного и загнившего сена зеленые мелкие лепестки, у нас будет хороший корм для ягнят и для маток. Это дело просит много труда. Но я знаю,—он обернулся к женщинам и молодежи,—они помогут нам в этой работе.

—Ийе!—сказали женщины, парни и девушки.—Мы помогали вам раньше, будем помогать и теперь.

—Ты говоришь правду, старший!—воскликнул Курман, потянувшись к соседу за табаком.—У нас будет доброе сено!

—Еще я думаю так,—ласково глянул Камшибек на старого Курмана:—Надо выделить из стада беспородных баранов. Надо оставить в стаде только породистых и здоровых. Через два года кончается план метизации нашей отары. Через два года мы должны получать только чистопородных ягнят.

—Будет так, агай!—сказали Курман, Сейсенкул и Токтай.

—Будет так, агай!—сказали женщины и молодежь.

Чабаны заложили за губы табак и смолкли, ожидая, что еще скажет мастер.

Аксакал Курман налил в чайник воды и снова поставил его на плиту. Элтен—жена Камшибека—принесла новую порцию свежее приготовленных лепешек и баурсак.

—И еще есть у меня дума,—тихо молвил Камшибек.

—Говори, старший,—подсел к нему Курман.—Мы будем слушать и ее.

И Камшибек поведал помощникам еще одну свою думу:

—Все знают,—напомнил он,—как три года назад наша бригада получила по сто двенадцать ягнят на каждую сотню маток. Весь приплод мы тогда полностью сохранили...

—Ийе!—качнул головой седой Курман.

—...Через год каждая сотня маток принесла нам по сто тридцать два ягненка. Мы вырастили в целости и этот приплод. На третий год мы стали работать лучше, и отара дала нам по сто сорок два ягненка на каждую сотню маток. И этот большой приплод остался жив и пополнил нашу отару.

—Правильно! — подтвердили чабаны. Было так, старший.

—Все слышали,—спросил Камшибек,—о какой великой задаче для нас, чабанов, будет говорить товарищ Молотов на Съезде партии?

—Ийе!—сказали чабаны.—Все слышали.

—Готовы ли вы выполнить эту задачу?

—Ийе!—хором подхватили чабаны, женщины и молодежь.—Все готовы.

—Чтобы выполнить и перевыполнить эту задачу, нам, чабанам, надо работать еще лучше. Можем ли мы работать еще лучше?

—Ийе!—дружно отозвались Курман, Сейсенкул и Токтай.—Мы можем работать еще лучше!

Старики многозначительно переглянулись между собой.

—Хорошо!—сказал Адигенов. Он вынул из кармана гимнастерки записную книжечку и, склонившись над ней, стал рассматривать столбики цифр.

—Я думаю так,—поднял он голову,—у нас в отаре девятьсот восемьдесят две матки. В этом году мы должны получить

от них и вырастить полторы тысячи ягнят. Как думают аксакалы?

—Получим и вырастим полторы тысячи ягнят,—заявила бригада.

—Хорошо,—улыбнулся Камшибек. —Еще я думаю вот о чем.—Он погладил свои усы и пощипал бородку:—Думаю вызвать на социалистическое соревнование бригаду Бекбаева. Как думаете вы, товарищи?

—Ййе!—воскликнул Сейсенкул.

—Будем соревноваться с Бекбаевым,—согласился Токтай.

Аксакал Курман беспокойно оглянулся на товарищей по бригаде и ничего не сказал.

—Почему молчит белобородый?—спросил его старший чабан.

Токтай молчал, обдумывая что-то. Он размешал в печке жар, потом загреб его в кучу. Молча снял с плиты попыхивающий паром чайник, молча разлил по пиалам горячий, ароматный чай.

Чабаны переглянулись, недоуменно пожимая плечами.

К пиалам никто не притронулся. Все ждали, что скажет старик. Все хотели знать, на что обиделся белобородый.

—Почему молчит аксакал?—еще раз спросил Адигенов.

—Мы хотим знать, о чем думает Курман,—сказали Коктай и Сейсенкул.

Курман Сентпаев скрестил по-степному ноги и, не глядя на чабанов, отрицательно покачал головой.

—Джок, джок,—с грустью в голосе тихо молил он.—Бригада Бекбаева работает хуже всех. Она не выполняет план.—Он склонил свою голову еще ниже.—Я прожил на свете много лет. У меня горб за спиной, у меня серебро в бороде. Мне позорно соревноваться с плохими. Поэтому и молчит старый Курман.

Чабаны улыбнулись и стали пить чай.

Улыбнулся и Камшибек. Он подошел ближе к старику и дружески сказал ему:

—Соревноваться с отстающими не позор, а доброе дело. Мы пойдем в бригаду Бекбаева и поможем ей советом и делом выйти в передовые. Придет к нам и Бекбаев и поучится у нас, как надо работать. В этом, аксакал, и сила социалистического соревнования. Нам незачем скрывать от других свой опыт. Пусть все знают, как мы работаем. Пусть все бригады будут стахановскими. Так, агай, говорит нам товарищ Молотов!

Старик долго морщился, размышляя о чем-то. Глаза его, выпцветшие, подслеповатые, немигаючи смотрели вниз, в одну точку. Вдруг он как-то враз просиял, весело заглянул в лицо Камшибега и засмеялся тихим, по-детски чистым смехом.

***

За час до рассвета, когда потускневший на исходе ущербный месяц уплыл за вершины гор, когда стремительно темнеет перед рассветом бездушно небо и мохнатые звезды, кажется, опускаются ниже к земле и блещут ярче, от займки на широкий степной тракт выехал всадник. Он торопил коня. Тихая ночь далеко по долине относила эхо резких посвистов и шелканье плети; конь всхрапывал, и тогда отчетливее и чаще цокали копыта по прихваченной ночным морозом шероховатой дороге.

Это был Камшибек Адигенов.

Он поскакал в бригаду Бекбаева, чтобы вызвать его на социалистическое соревнование имени Восемнадцатого Съезда великой партии Ленина—Сталина.

Овцеводческий совхоз имени Ленина, Южно-Казахст. обл.

Куляш БАЙСЕНТОВА,
НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР, ОРДЕНОНОСЕЦ

СЦЕНИЧЕСКАЯ ПРАВДА

Бак достичь «сценической правды»? Чтобы достичь ее, артист должен суметь целиком отдаться своей роли, получить уверенность в том, что он правильно понимает самые тончайшие душевные переживания и помыслы героя, образ которого он воплощает. Сценическую правду нельзя отделить от сценической уверенности. Без этой уверенности актер не сможет создать необходимого образа.

Мы — актеры советского театра. Мы росли и учились под руководством партии Ленина — Сталина.

Наша жизнь, наши общественные помыслы неразрывно связаны с расцветом национальной по форме, социалистической по содержанию культуры. С радостью и энтузиазмом мы отдаемся своей работе по укреплению советского искусства. Ключ к правде в нашем социалистическом искусстве — сама наша чудесная жизнь, великое социалистическое строительство, активными участниками которого мы являемся. Именно поэтому нам, советским артистам, дано изображать, передавать большие идеи, великие образы и быть уверенным в достижении сценической правды.

Вместе с пятилетним юбилеем оперного театра я отмечаю и десятилетие своей работы на сцене. Десять лет, вместе с невиданными успехами нашей советской культуры, росло и мое актерское искусство, мое мастерство. Это — большое счастье чувствовать себя признанной народной артисткой многомиллионного Советского Союза.

Я назвала свою статью «Сценическая правда». Требование правдивости, предъявляемое к актеру, — самое серьезное требование. Но если актер сумеет постичь всю простоту и величие действительной жизни, сумеет быть ее активным участ-

Нар. артистка СССР, орденосец Куляш Байсентова в роле Акжунус (опера «Ер-таргын»).

ником, то и его сценическая игра будет правдива и искренна.

Постоянным наблюдением над всеми проявлениями общественной жизни и кропотливым анализом наблюдений актер умножает свои знания, обогащает свою творческую фантазию.

Вы, зрители, сидя в театре, радуетесь и печалитесь вместе с артистами; у вас остается то впечатление, которое хотел внушить вам артист, осуществляя свои сценические идеи. Передача такой идеи зри-

телю — основная задача артиста, театра. Сумел артист передать свою идею зрителю, значит он достиг и сценической правды.

Немирович-Данченко говорил о спектаклях пьес Чехова, что они были великолепны, и их великолепие заключалось в сильном впечатлении, оставляемом ими на протяжении всей ночи после посещения театра, на другой день и через месяц. Хотелось еще раз, вновь просмотреть их.

Уменьше правдиво передать идею, убедить зрителя создаваемым образом, оставить у него неизгладимое впечатление от своей игры — под силу не каждому актеру. Это доступно лишь крупным художникам. Одним голым мастерством можно увлечь зрителя лишь на время, в процессе спектакля, но такое мастерство не оставляет неизгладимого впечатления, которое бережно и долго хранит бы зритель.

Перейду к своему театральному сценическому опыту.

1929 год. Государственный театр Казахстана еще не окреп, не оформился. Работа актеров, режиссеров казахского театра в то время переживала младенческий возраст. Детыми в сценическом отношении были и мы. У нас не было глубоко осмысленного опыта, понимания своих творческих задач. Творчество мыслилось нам, как добросовестная фотография жизни. Мы тогда не пользовались так, как следовало, богатейшей сокровищницей народного творчества и лишь от случая к случаю вырывали из нее отдельные куски, не осмысливая их, не пропитывая народностью все свое искусство. Прочитав пьесу, мы в течение двух дней наизусть зубрили роли и после десятидневной подготовки выходили на сцену. Репетиции проводили молниеносно, наш темперамент расстрачивался попусту, не было серьезной работы над ролью. Такое положение присуще истории не только казахского театра, оно имело место на определенных этапах развития всех театров Европы и Востока.

В этот период под наблюдением мастеров народного творчества, талантливых артистов Елеубая Умурзакова, Серке Кожамкулова, Калибека Куанышбаева, которые никогда не учились в театральных школах, которые вышли из гулиц народа, находилось десять-двадцать молодых артистов-комсомольцев. Теперь эта молодежь

имеет уже немало заслуг перед государством, из нее вышли заслуженные и народные артисты, мастера казахского театра.

Драматический театр сыграл большую роль в развитии моих актерских данных. Я прошла там серьезную школу актерского воспитания. Он помог мне правильно понять жизнь, получить уверенность в своих сценических силах, развил мою актерскую технику. В журнальной статье невозможно перечислить и дать оценку ролям, которые мне приходилось исполнять в драме.

Второй, наиболее значительный период моего творчества,—работа в оперном театре. Переход из драмы в оперу—чрезвычайно трудное дело. Мне предстояло в совершенстве освоить музыку, научиться передавать свои чувства зрителю посредством голосовых возможностей.

Артисту оперы необходимо сочетать мастерство драматического артиста с голосом и музыкальностью. У нас есть молодые талантливые артисты, которые никак не могут уравновесить в себе эти качества. Не уделяя достаточного внимания преодолению своих недостатков, они то чрезмерно увлекаются голосовым исполнением, забывая о драматическом действии, то, создавая великолепный драматический образ, не работают над голосом, пренебрегают точностью музыкального восприятия.

Я не хочу скрывать, что и сама не овладела в совершенстве техникой голоса. Полное овладение высшей техникой голоса—сейчас моя первейшая обязанность, моя цель. Слушая орденоносную артистку СССР Барсову, я думала: «упорным трудом, учебой можно поднять свои возможности на самую высшую ступень, усовершенствовать, развить свою технику. За шесть-семь лет человек со средним образованием может стать профессором. За несколько лет я, напрягая все силы, смогу развить свой голос так, чтобы приблизить свое мастерство к мастерству Барсовой. Но позволят ли мои природные данные? Я думаю, да. Дело за мной, артисткой, развить свой талант, поднять его на высшую ступень».

То, что некоторые оперные актеры не справляются с драматическим действием, можно отнести лишь к их нерадивости. В

прошлые годы исполнять роль Кыз-Жибек готовилась одна молодая актриса. Мы помогали ей, учили. Прошло некоторое время, актриса овладела музыкальной стороной роли, неплохо владела голосом, но не могла правильно сделать и шага на сцене. Она считала это самым легким, но оказалось, что удачное, правдивое исполнение роли достигается в результате кропотливого, упорного труда. Игре актера перед зрителем предшествуют сотни репетиций; днем и ночью он мысленно изучает свою роль, оценивает свою игру, представляет своего героя в жизни, воплощает мысли на репетициях и лишь тогда выходит на сцену.

Я рассказываю о своем опыте создания образов Кыз-Жибек и Ак-Жунус.

Надо сказать, что образ Кыз-Жибек значительно ярче и богаче в одноименной поэме, чем в обработке драматурга, почему к поэме и приходится часто обращаться исполнительнице роли Кыз-Жибек. Кыз-Жибек изображена народным акыном кристально-чистой, прекрасной и певней. Образ Кыз-Жибек, как в народной поэме, так и у драматурга и композитора, лиричен от начала до конца. С глубочайшей лирикой в Кыз-Жибек сочетается пламенный темперамент молодости.

Создавая образ Кыз-Жибек, я много думала и о песни акына Ибрая—«Гакку».

Как показать всю глубину образа Кыз-Жибек? Как взволновать зрителя песней «Гакку»? Эти вопросы мучили меня на всех репетициях еще задолго до спектаклей. Мысленно я представляла себе такую картину:

Серебристое озеро Боровое. На вершине отвесной скалы, над гладью вод, стоит Кыз-Жибек, перекликаясь с лебедями, плавающими по поверхности озера. Звонкий, чистый голос Кыз-Жибек несется над озером, его слышно у крутых гор по ту сторону озера; он проник в леса, донесся до широких лугов. Эхо доносит из-за озера трели Кыз-Жибек. А еще через минуту переливам «Гакку» вторят соловьи. Три голоса—Кыз-Жибек, эхо и соловьи—сливаются воедино.

Эта фантазия всегда помогала мне, но в то же время казалась и недоступным идеалом. А поскольку идея была очень далеко, меня охватывала тревога, что я не сумею создать должного образа.

Опорой для меня в работе над образом Кыз-Жибек была не только ария «Гакку», но и другие народные мелодии. У Асета, Палуан Шолака, Акан Сери, Мухита, Биржан-Сара,—у любого из этих народных певцов были плавные, певчие лирические мотивы. И в каждой их песне говорилось о каком-либо событии, насыщенном глубоким смыслом. Такие народные песни во многом помогли мне в моем творчестве.

Между отдельными народными мотивами и нашими операми и образами в этих операх есть крепкая связь. Любой мало-подготовленный зритель скажет, что песня «Гакку» как нельзя лучше гармонирует с образом Кыз-Жибек, и никто не станет утверждать, что эта ария выпадает из оперы, является в ней чем-то лишним. Не только в «Кыз-Жибек», но и в большинстве, имеющихся в репертуаре нашего театра, операх народные мотивы тесно слиты с внутренним содержанием опер. Являются их неотъемлемой частью. И народными мелодиями должны широко пользоваться артисты оперы для создания правдивых образов.

Первое время у меня была серьезная ошибка—крепкий натурализм. В наиболее драматических местах я настолько сильно отдавалась своей роли, что плакала настоящими слезами. Это, может быть, и производило впечатление на зрителя, но для актера чрезвычайно вредно. Нельзя забывать, что искусство—все же лишь изображение реальной действительности, которое у зрителя оставляет впечатление настоящей жизни. Творчество актера должно идти не по пути натурализма, а по пути искусственного реалистического отражения жизненной правды. На этот путь игры я встала в последнее время, этим методом игры я пользовалась при исполнении роли Ак-Жунус в «Ер-Таргыне», роли Раушан в опере «Терен-куль».

Образ Ак-Жунус—прямая противоположность Кыз-Жибек. Ак-Жунус—избалованная, коварная, ревнивая, мстительная, спесивая хапская дочь. Мотивы для создания этого образа я искала не в лирике народной поэзии, не в народных музыкальных мотивах. Мне пришлось восстановить картины быта и жизни господствовавшего класса угнетателей, эк-

сидеататоров. Мелодии своих арий я увязывала с психологией ханской дочери, насколько я могла ее представить себе.

Обычно артисты считают отрицательные роли более легкими. В действительности же правдиво передать самые душевные переживания человека с характером не только несвойственным тебе, но и отталкивающим, передать его верно до мельчайших деталей—очень трудная и серьезная задача. Конечно, можно пойти по пути, как это делают некоторые актеры, трафарета—излишней суетливости, гримасничания, наделения роли не присущими ей дополнительными отрицательными чертами, превратить образ в шарж. Но это значит просто пойти по линии наименьшего сопротивления, испортить роль. Этот путь никогда не привлекал меня, и я надеюсь никогда на него не собьюсь.

Раушан в опере «Терзи-Куль» ближе стоит к народу, чем Кыз-Жибек. Это—героиня с исключительно честными помыслами, это—образ женщины, беззаветно любящей свой народ, родину, друга и товарища—своего мужа. Но композитор придал образу Раушан и лирические нежные ноты; кое-где слышны мотивы терзания много пережившего, заблудившегося человека. Разрешения образа я искала

теми же путями, что и в «Кыз-Жибек». Насколько удачно создан образ Раушан—скажет зритель.

Несколько слов о пятилетнем юбилее Казахского государственного театра оперы и балета. Только в нашей стране мог быть создан за пять лет совершенно новый оперный театр, заслуживший признание народа. Но если народ благодарит нас за наше мастерство, то еще больше должны благодарить мы народ, из творческой сокровищницы которого черпали мы свои таланты, на образцах искусства которого мы учились и росли. Мы благодарим великую большевистскую партию Ленина—Сталина, которая дала нам возможность проявить свои таланты, которая ведет по единственно правильному пути развития наше искусство и которая окружает нас всемерной заботой.

Казахский театр оперы и балета еще очень молод. Наш очередной долг перед республикой—со сцены театра правдиво показать счастливую и радостную жизнь сталинской эпохи, показать настоящую советскую действительность. Опера на советскую тематику должна быть создана. А мы, артисты, обязуемся отдать все свое умение и силы, чтобы правдиво отобразить на сцене счастливую нашу жизнь.

Шара ЖАНДАРБЕКОВА.
НАРОДНАЯ АРТИСТКА КАЗАХСКОЙ ССР, ОРДЕНОНОСЕЦ

АНСАМБЛЬ НАРОДНЫХ ТАНЦЕВ

Танец в форме ритмического движения с пластическими формами совмещает в себе скульптуру с живописью, как выражение определенного порядка в пространстве.

Благодаря же неразрывно связанному с танцем ритму, он может быть причислен и к искусству, родственному с музыкой. Танец имеет очень близкие отношения и к драматическому искусству. Мимика лица, жесты, позы,—это средство для выражения драматического положения. Все это, вместе взятое, показывает, насколько разнообразны элементы, входящие в область танцевального искусства.

Таким образом, танец есть ни что иное, как последовательная цепь разных телесных движений, согласованных с настроением человека и подчиненных музыкальному ритму. По принципу своему, танец, подобно жесту, всегда и у всех народов был выражением внутренних чувств: радости, горя, злости, нежности и т. д.

Но танец может быть рассматриваем, как искусство только тогда, когда в него вложена «душа».

Танец должен быть выразительным, и каждое движение в танце должно изображать как живую природу, так и человеческие чувства и страсти.

Движения первобытных народов подчинялись известным правилам: резкие рубые формы заменялись более изящными, и тем путем вырабатывался самостоятельный кодекс танцевального искусства, получившего право гражданства во всем мире.

Каждый народ, каждая эпоха имели свои формы танцевального искусства. Народные танцы в нашей стране обращают особенное внимание потому, что в них, как в зеркале, отражается характер быта каждого народа. В народных тан-

Нар. артистка КазССР, орденосеица Шара Жандарбекова в роли Балым (кино-фильм «Амангельды»).

цах, как в поэмах с завязкой и развязкой, отражающих характер каждой народности, сохраняется драгоценный материал для заложения прочного фундамента целому балетному спектаклю.

Царское самодержавие, превратившее Казахстан в колонию, не было заинтересовано в том, чтобы в «степном крае» развивалась культура, искусство казахского народа. Чем темнее и малокультурнее была народная масса, тем легче было

для паризма угнетать и эксплуатировать ее.

Советская власть открыла исключительные таланты народов Востока.

Враги народа утверждали, что казахи — неподвижный народ и не умеют танцевать. Мы на деле показали обратное; возрожденный казахский народ добился невиданных успехов и в области танцевального искусства. Вместе со всем казахским народом возродился и казахский танец. Казахские народные танцы есть и были. Доказательством этому служат народные казахские игры: коппар, жигитовка, кызкуу, актерек, аксуек, сохуртеке, айгелек и т. д.

На основании этих народных игр мы создали казахские национальные танцы. Например: танец ортеке, жигитовка, ормекби, кошмокатание, садак-би, танец с кумысом, балбраун, пляски — кобилек и татимбет. На основе этих возрожденных казахских народных танцев мы создали цельный спектакль — первый казахский балет «Калкаман и Мамыр». Из союзных республик мы первые показали национальный балет на сцене.

Основная наша задача, балетных работников, — развивать и дальше национальные танцы всех жанров: производственные, характерные, бытовые, комические, современные, патриотические, оборонные и т. д.

Для ознакомления и распространения народных танцев среди широких масс народов нашего великого Советского Союза и, в первую очередь, в областях и районах, в колхозах и совхозах нашей республики необходимо поднять сейчас вопрос об организации в нашей республике ансамбля народных танцев. Уже сейчас молодежь, которая хочет танцевать, настоятельно требует правильной организации изучения танцевального искусства и систематического руководства. Я сама получаю много писем из разных районов.

Посылать специалистов в области и районы просто невозможно, — у нас их очень мало.

Поэтому ансамбль имеет большое орга-

низационное и политическое значение.

Каждая национальная республика имеет свой ансамбль национальных танцев, которые пользуются большим успехом в крупных городах и столицах. Ансамбль должен быть создан при Казгосфилармонии из танцоров, музыкантов, солистов, художественного руководителя, балетмейстера. В ансамбль обязательно должен войти национальный оркестр из домбр, кобызы, сыбызгы, бубна.

В репертуаре ансамбля должны быть все виды казахских танцев. Такой обширный репертуар будет способствовать расширению творческой учебы и практики, а главное даст возможность изучать и осваивать все танцы других народов нашего Союза.

Второе мое предложение, — создать при нашей хореографической школе класс казахских национальных танцев. Хореографическая школа, — это кузница кадров для наших русских и казахских театров. Хореографическая школа выпускает только мастеров классики, а откуда мы возьмем мастеров национальных танцев для казахских театров, если при школе не будет класса национальных танцев?

Вот почему необходимо срочно создать при школе класс национальных танцев.

Ближайшая задача, возлагаемая на нас, работников балетного искусства, это, — по силе и возможности, — помочь в организации такого большого и важного дела.

Для организации этого дела нужно пригласить опытных балетмейстеров, хорошо знающих восточный танец.

Наша художественная литература, наш театр, наша музыка, наш танец в лице лучших своих представителей никогда не должны забывать высокой цели — служить своим творчеством народу, который их воспитал, вырастил. На наших глазах возникают самодеятельные коллективы: танцоров, певцов, музыкантов.

Но расцвет художественного творчества будет еще шире, еще ярче, если талантливая молодежь будет обеспечена систематической помощью мастеров искусства.

Касым АМАНЖОЛОВ

СОЛИСТ ОПЕРЫ

Казахский театр оперы и балета представляет своеобразный музей музыки, хранилище самых разнообразных, интереснейших мотивов и мелодий народа нашей республики. Здесь — в театре столицы Казахстана — собраны печальные песни далекой эпохи скорби казахского народа и мелодии нашего счастливого времени, бурные, как смерч в казахстанских степях, стремительные, как бег быстрого верблюда джелмая. Народные мотивы, формируясь в нашем театре оперы и балета в чудесные арии и песни, разливаются по всему Казахстану, как семь потоков Жетысу.

Создание в Казахстане театра оперы и балета позволило выявить десятки талантливых, искусных певцов казахского народа, ставших прекрасными оперными артистами. Из самых отдаленных уголков Казахстана в молодой театр стекались выдающиеся певцы, мастера казахской песни. Одним из первых певцов, из Западного Казахстана в 1934 году, в оперный театр явился Гарифолла Курмангалиев. Теперь, когда республика отмечает пятилетний юбилей своего театра оперы и балета, хочется сказать и о молодом артисте Гарифолле, выросшем вместе с театром.

Гарифолла родился в 1909 году в семье бедняка Курмангалия, из Кара-Тюбинского района. Десятилетним мальчиком Гарифолла уже искусно пел песни, аккомпанируя себе на домбре. С десяти лет до 1928 года Гарифолла «промышлял» тем, что, переходя из юрты в юрту, исполнял на домбре разнообразные мелодии, пел песни на свадьбах, пирушках, сборищах, праздниках.

Но с 1928 года, когда все решительнее ломалась, гибла старая аульная жизнь,

Гарифолла Курмангалиев в роли Арстана (опера «Айман-Шолпан»).

а на ее месте создавалась новая, — менялся и характер мотивов Гарифоллы. Тот самый мальчик, который напевал печальные мелодии о старой жизни, заменял их теперь радостными, гордыми мотивами о новой жизни. Он пел на колхозных праздниках, в колхозных селах и аулах, и по новому звучала домбра.

Певец расправил крылья, голос его зазвенел уверенней и чище.

Народ всегда высоко ценил мастеров искусства, вышедших из его среды. Оце-

нил народ и творчество своего сына Гарифоллы Курмангалиева. Колхозники Кара-Тюбинского района справедливо гордятся своим певцом Гарифоллой, выдвинутым ими в ряды мастеров казахского искусства.

В 1934 году Гарифолла был делегирован колхозом на районный слет певцов и домбристов, районным слетом — на областной, областным — на республиканскую олимпиаду. На районном слете певцов первый приз был присужден Гарифолле. На слете певцов Западного Казахстана Гарифолла также получил приз. Участником олимпиады, Гарифолла приехал в Алма-Ата. Завоевав здесь один из первых призов, он сразу выдвинулся в шереңу первоклассных певцов. Тогда же он поступил в Музыкальный театр.

В эти годы лишь изредка приходилось слушать пение Гарифоллы и то в массовых концертах. Он еще недостаточно освоился со сценой и упорно учился в студии у таких мастеров, как Курманбек, Манарбек, Жусупбек.

Но вот голос Гарифоллы зазвенел со сцены театра оперы и балета. Он сразу показал себя незаурядным солистом. Появившись на сцене в роли Кайракбая в «Жалбыре», чудесно исполнив его арии, он, вместе с другими артистами, заслужил восторженную овацию зрителей.

С тех пор Гарифолла занял прочное место на сцене театра оперы и балета, стал одним из его ведущих артистов. Все чаще зрители любовались фигурой Гарифоллы, заслушивались его голосом, когда он исполнял самые разнообразные роли. Кайракбай, Элемес в «Жалбыре», Шеге в «Кыз-Жибек», Сыпра Джрауа, Сакап — в «Ер-Таргыне», Арстан в «Айман-Шолпан» — таков богатый репертуар Гарифоллы. Сейчас Гарифолла упорно работает над ролью Шуана из оперы «Терен-куль».

Бросая взгляд на рост и развитие Гарифоллы, можно сказать, что артист добился огромных успехов. Но эти успехи — только первый шаг. Гарифолла находится еще в процессе творческого роста. Нам, зрителям, особенно хорошо заметны все недостатки отдельных артистов, в том

числе и Гарифоллы, их слабые места, промахи.

Успех оперного певца заложен не столько в высокой технике исполнения арии, сколько в умении довести до сердца зрителя самые различные оттенки своих переживаний, тончайшие интонации. На высоких нотах голос Гарифоллы звенит, разносится далеко, увлекает за собою, но при переходе на низкие ноты, переливах, замедлениях, голос падает сразу, без мягкого перехода. Это производит неприятное впечатление. Иногда при этом голос Гарифоллы становится совсем неслышимым.

Кроме того страдает и дикция певца: он недостаточно отчетливо произносит слова. Так, в партии Сыпра Джрауа в опере «Ер-Таргын», самое ценное — его песня, льющая, как весенний дождик. В исполнении Гарифоллы зритель с трудом улавливает слова песни Сыпра Джрауа, до него доходит только мелодия. Надо сказать, что неясным, невнятным произношением слов, скверной дикцией страдают, как правило, певцы из Западного Казахстана и Гурьевской области. В то же время певцы, вышедшие из Семипалатинска, Кокчетавы, Карааралы и Караганды, наряду с тончайшими, нежными интонациями в пении, обладают и четкой дикцией. Это выгодно отличает их в оценке зрителя.

Солист оперы должен быть и хорошим актером. Надо смело сказать, что, признавая Гарифоллу как солиста-певца, мы пока не можем признать его хорошим актером. Ему надо учиться на образцах Канобека, Курманбека и ряда других народных артистов, как сочетать музыку, пение с умелым драматическим мастерством. Переживая глубоко свою роль, артист еще с большим воодушевлением будет своим голосом передавать душевные стремления героя. Если же артист безжизненен, то как бы не был силен голос, он будет звучать мертво, глухо, неприятно.

Наше пожелание артисту — всецело отдаться учебе, освоению искусства певца, не питать ложной уверенности, что достигнуто все, ибо такая уверенность под стать только бесталанным, бездарным людям.

Ф. А. КУЗЬМИЧ,
ДИРИЖЕР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ КАЗАХСКОЙ ССР

ЗАМЕТКИ ДИРИЖЕРА

Роль дирижера в опере чрезвычайно велика, ибо он не только ведет спектакль, но является музыкальным его руководителем; он «делает» спектакль. В Казахском театре, который берет свое начало от полусамодельного, полупрофессионального коллектива, работе дирижера отводится особо ответственный, трудный, но и благодарный участок творческой деятельности. Достаточно сказать, что певцы нашего театра в пору его становления были в основном музыкально неграмотными, а порой неграмотными в полном смысле слова. Одни пришли в театр из далеких глухих аулов, другие, в лучшем случае, из самодельных кружков. Теперь же многие из них выдвинулись в число передовых, ведущих актеров театра.

В 1934-35 году театр имел только одного постоянного концертмейстера, на которого возлагалась так называемая черновая работа по разучиванию партий на слух. Певцы, не работавшие никогда с европейским оркестром, не понимали руки дирижера. В результате ему приходилось быть каким-то виртуозом, дабы подчинить оркестр себе настолько, чтоб он мог очень быстро и своевременно реагировать на ритмические «капризы» певца на сцене. Оркестр театра в эти годы состоял из 13-14 музыкантов, считавших своей основной профессией любую, кроме музыкальную, которая была для них подсобным заработком.

Репетиции велись беспланоно, так как театр не имел постоянного помещения. Работа наладилась лишь с предоставлением нам помещения теперешней филармонии, а тогда же началась деятельная подготовка театра к декаде казахского искусства в Москве, которая вошла в его историю, так одна из славных, незабываемых страниц. Работали с огромным энтузиаз-

мом и подъемом дни и ночи, зная, что в столице Союза нас будет слушать великий Сталин. Декада прошла блестяще, еще раз доказав на что способен казахский народ, возрожденный Октябрьской революцией.

После декады начался второй этап, еще более ответственный, этап овладения музыкальной культурой, перехода от примитивного исполнения к исполнению, а бы сказал, сознательному, с применением полученных знаний музыкальной грамотности. Теперь дирижер требовал от певца не только точного и музыкального исполнения партии, фразы, отрывка, но и должен был педагогическими приемами заинтересовать артиста, показав, как нужно пользоваться теми основами теории музыки, которые он получил в результате учебы в студии. Большая часть этой работы ложилась на концертмейстера. Должен сказать, что в лице концертмейстера Г. П. Петрова, с которым мы делали юбилейный спектакль «Теренкуль», коллектив оперы приобрел талантливого, чуткого музыканта-педагога, сделавшего очень много для освоения музыки этого ответственного спектакля.

Оперы «Жалбыр», «Ер-Таргын», «Айман-Шолпан» явились трамплином, который позволил нам создать такой спектакль, как опера «Терен-куль». Здесь композитор уже не писал партии с учетом возможностей того или иного конкретного певца, как приходилось делать в предшествующих постановках Е. Г. Брусиловскому, а развернул широкое оперное полотно с оригинальной музыкой, построенной на казахском национальном фольклоре.

Необходимо сказать, что казахская опера, вступая в настоящий этап своего развития, благодаря тому исключительному вниманию, которым она пользуется со

стороны партии и правительства, обладает всем необходимым для дальнейшего роста. Помимо настоящего оперного оркестра в составе 52 артистов, хорошо оборудованной сцены, прекрасного здания Дворца культуры, мы имеем самое главное и самое ценное—талантливую, быстрорастущую молодежь, из которой в основном состоит наш коллектив; мы имеем большой хор, балетную труппу; мы имеем людей, преданных нашему общему делу, по-большевистски сознательно относящихся к нему, непрерывно растущих и совершенствующихихся.

Целая плеяда молодых певцов-актеров занимает теперь ведущее положение в театре. Имена Хафизы Нурмухамедовой, Абжанова, Курмангалиева, Артыковой и мно-

гих других широко известны зрителю; их любят, ценят, о них говорят, и это должно породить у них чувство еще большей ответственности за свою работу. В среде наших актеров не должно быть места зазнайству, самоуспокоенности. Повседневную участь, актеры смогут идти в первых шеренгах нашего многонационального искусства, объединяемого социалистическим содержанием.

Пятилетний срок жизни театра — это целая эпоха, за которую вся страна прошла огромный путь под водительством великой партии Ленина—Сталина, завоевала первое место в мире по культуре, создала передовое социалистическое искусство.

В ДНИ ЮБИЛЕЯ

В течение шести дней, начиная с 17 марта, во Дворце культуры проходило празднование пятилетнего юбилея театра Казахской оперы и балета.

На юбилейные торжества прибыли гости из братских республик: нар. артистка УзССР Тамара Ханум, засл. артист УзССР Халмухаммедов, нар. артист КирССР Оразов, режиссер Киргизского музыкального театра Джатыкашкаев, артист Чимкентского драмтеатра Мадыходжаев и другие.

17 марта состоялось торжественное юбилейное заседание. С докладом о работе Казахского оперного театра выступил председатель Комитета по делам искусств при СНК КазССР т. Косунов. Он рассказал о небывало быстром творческом росте коллектива театра, об отдельных талантливых артистах, о воспитании способной многочисленной театральной молодежи.

Театр получил, зачитанное на заседании, приветствие ЦК КП(б)К и СНК КазССР. Текст приветствия гласит:

«Коллективу Казахского государственного театра оперы и балета.

Центральный комитет коммунистической партии большевиков Казахстана и Совет Народных Комиссаров КазССР, в день славного пятилетнего юбилея Казахского государственного театра оперы и балета, шлют коллективу театра свой горячий большевистский привет.

Под руководством коммунистической партии большевиков и великого вождя трудящихся товарища Сталина, при активной помощи великого русского народа, за годы двух сталинских пятилеток искусство возрожденного казахского народа получило широкое развитие. Казахский государственный театр оперы и балета является детищем второй сталинской

пятилетки. За эти годы выросли прекрасные кадры, появились десятки талантливых людей вокального, музыкального и балетного искусства.

ЦК КП(б)К и СНК КазССР желают коллективу театра еще больших успехов в творческой работе, в овладении высотами театральной культуры, в овладении теорией марксизма-ленинизма.

**Совет Народных Комиссаров
Казахской ССР
Центральный Комитет КП(б)
Казахстана.»**

Театр получил приветствия и самые теплые пожелания от работников искусства Узбекистана и Киргизии, от Всесоюзного Комитета по делам искусств, от коллективов Русской оперы, Казахского академического театра драмы, Уйгурского театра, Русского театра драмы и др.

Верховным Советом КазССР выражена благодарность за выдающиеся успехи в деле развития казахского искусства тт. К. Байсеитовой, Е. Г. Брусиловскому, Ф. А. Кузьмичу, М. Ерманову.

Указом Верховного Совета КазССР присвоены звания:

засл. артистке КазССР Урие Турдыкуловой—звание народной артистки КазССР; профессору пения Н. В. Коржевину—звание заслуженного деятеля искусств КазССР;

артистам Х. Нумагамбетовой, Б. Балабекову, Б. Артыковой, Г. Курмангалиеву—звание заслуженных артистов КазССР.

Боле 20 артистов и работников театра награждены грамотами Верховного Совета КазССР.

18 марта состоялся первый спектакль новой казахской оперы композитора Надирова «Терен-куль» («Глубокое озеро»). Спектакль был горячо принят зрителями.

ПИСАТЕЛИ КАЗАХСТАНА К XVIII СЪЕЗДУ ВКП(б)

ДЖАМБУЛ

XVIII Съезду Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков готовлю песню «Съезду победителей».

Абдильда ТАЖИБАЕВ, орденоносец

Работаю над двумя произведениями: над пьесой «Депутат» о советской интеллигентке и над исторической поэмой «Курман-Газы» о народном казахском композиторе XIX века Курман-Газы.

Иса БАЙЗАКОВ, орденоносец

Работаю над песней «XVIII Съезд ВКП(б)». В этой песне я говорю о мощи и силе советской родины, о расвете литературы и искусства, о счастливой, радостной жизни в нашей стране.

Али ИСМАМБЕТОВ

С большим волнением и творческим подъемом работаю над поэмой «Песня о третьей пятилетке». Кроме того, пишу специальный цикл лирических стихов, который также закончу к открытию XVIII партсъезда.

Кадыр ХАСАНОВ

Закончил перевод пьесы Мдивани «Честь» на уйгурский язык. Перевод одобрен и принят к постановке Государственным уйгурским театром в гор. Алма-Ата.

Пишу поэму «Клятва», в которой стремлюсь отобразить мужество и героизм бойцов и командиров Красной Армии.

Поэма построена на событиях, происходивших летом 1938 года у озера Хасан.

Николай ТИТОВ

Написал стихи, посвященные XVIII партсъезду. Закончил перевод поэмы поэта Хажима Джумалиева «Песня о Сталине». Сейчас работаю над поэмой о наших советских пограничниках.

Дихан АБИЛЕВ

Заканчиваю рассказ «Шамсия». Рассказ—о девушке-казашке, комсомолке, работавшей в ауле в годы коллективизации.

Калмакан АБДУКАДЫРОВ

К XVIII Съезду Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков закончу рассказ «Партработник». В нем я стараюсь показать ответственного партийного работника на одном промышленном предприятии во всей его многообразной и сложной деятельности.

Сабит МУКАНОВ

К VIII Съезду ВКП(б) заканчиваю драматическую поэму (она же будет использована в качестве либретто для оперы) под названием «Золотое зерно», где показываю жизнь социалистического аула последних двух лет, борьбу, происходившую между колхозной массой и остатками контрреволюционной буржуазии в лице шпионов, диверсантов—агентов мирового фашизма. Положительными действующими лицами являются: Асан—председатель колхоза, Айша—бригадир-комсомолка, Нарша—ее подруга, Танаш—тракторист-комсомолец, Тайбагар, Даурен, Далабай—честные колхозники; отрицательными персонажами являются: шпион—Баймулда, его сообщница (жена Асана)—Маша. Пьеса заканчивается ликвидацией врагов.

Касым АМАНЖОЛОВ

Заканчиваю либретто к опере «Хорлыгач». Опера пишется по мотивам одноименной песни народного композитора Естая Беркимбаева.

Джумагали САИН

Две поэмы—«Куланда» и «Рассказ Рыспая»—заканчиваю ко дню открытия XVIII Съезда ВКП(б).

ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЕЙ С КОМПОЗИТОРАМИ

Большой вечер-концерт состоялся в Казахской государственной филармонии имени Джамбула. На этом вечере впервые перед зрителем одновременно выступали представители смежных искусств — писатели, композиторы и артисты Казахстана.

Разнообразная программа вечера-концерта оказалась весьма интересной и привлекла много зрителей. На вечере читали свои произведения поэты и писатели Казахстана: И. Шухов, К. Аманжолов, С. Муқанов, П. Кузнецов, К. Сатыбалдин, Дм. Снегин и другие.

Казахская капелла исполнила «Песню о Сталине» — композитора Надирова, «Комсомольскую» — Зильбера, «Кавалерийскую» — Хожамьярова. Квартет исполнил «Печальный товарищ» — Ерзаковича.

С большим вниманием посетители вечера прослушали выступление Народной артистки СССР, орденоноски, Куляш Байсеитовой. Куляш Байсеитова спела арию Айман из оперы «Айман-Шолпан» и арию Кыз-Жибек из оперы «Кыз-Жибек».

КЛУБ РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ

19 февраля в Алма-Ата открылся клуб работников искусства. На открытии клуба присутствовали: композиторы, артисты театра оперы и балета и драматических театров, писатели, поэты и художники столицы.

В клубе открыта шахматная комната, танцевальный зал, на сцене устраиваются самодеятельные выступления.

25 февраля, второй клубный вечер был посвящен творчеству орденоносного артиста Казахского академического театра драмы — Елеубая Умурзакова.

В течение двух часов перед зрителем прошли самые противоположные по своему характеру, по своим жизненным устремлениям, сценические образы героев драматических произведений. Эти образы созданы длительной настойчивой, полной страсти, работой талантливого актера Елеубая Умурзакова.

Мы тяжело переживаем смерть большевика, героя казахского народа — Амангельды Иманова, погибшего на

боевом посту в сражении с белобандитами. Мы восхищаемся обаятельным образом пастуха Малкамбая — жизнерадостного аульного парня, скрашивающего остроумными шутками повседневную горечь своей батрацкой жизни.

Сменяется сцена. Перед нами юрта. У очага беседуют три женщины. Проходит мгновение. Женщины встревожены. Где-то далеко за юртами слышен свист, вой. Шум приближается. Но не буря разыгралась за дверями юрты. Сопутствующий лаем аульных собак, в юрту с диким воем врывается в белой длинной рубахе, с копьем в руках, юродствующий шаман.

И вы уже не узнаете все того же, но уже в новой роли выступающего, Елеубая Умурзакова.

Вслед за этим, проходят на сцене бессмертные герои классической комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Здесь Елеубай Умурзаков также умело ведет роль Осипа.

Вечер, посвященный творчеству Елеубая Умурзакова, прошел удачно. Посетители клуба ознакомились с жизнью и творчеством одного из талантливых, ведущих актеров Казахского академического театра драмы — Елеубая Умурзакова.

Такие же вечера, посвященные творчеству отдельных актеров, композиторов, писателей и поэтов Казахстана, решено устраивать и в дальнейшем.

ПИСАТЕЛИ-ОРДЕНОНОСЦЫ В МОСКВЕ

Во второй половине февраля в Москву прибыли писатели и поэты Казахстана, награжденные Орденами Союза: Т. Жароков, О. Токмагамбетов, А. Абишев и народный акын Сеядиль Керимбеков.

Трудящиеся Москвы тепло встретили орденоносцев. На заводе имени Сталина и в московском Доме учителя были устроены литературные вечера, посвященные творчеству казахских писателей.

За время пребывания в Москве писатели-орденоносцы приняли участие в редакционных совещаниях «Известий» и Гослитиздата, ознакомились с материалами Антологии казахской литературы.

издаваемой Гослитиздатом, организовали литературные страницы в «Вечерней Москве» и «Литературной газете», посвященные казахской литературе.

26 февраля казахские писатели и поэты-орденосцы: Т. Жароков, О. Токамагамбетов, А. Абишев и народный акын Сеядиль Керимбеков выехали из Москвы в Алма-Ата.

НОВЫЕ ПЬЕСЫ НА КАЗАХСКОЙ СЦЕНЕ

Пьесу современного советского драматурга Н. Погодина «Аристократы» перевел на казахский язык М. Ауэзов. Казахская литература выпустило художественной литературы выпустило эту пьесу в свет тиражом в 10.000 экземпляров.

Таким образом, пьеса Н. Погодина «Аристократы» получила доступ не только в Алма-Атинский театр, но ее с успехом также будут ставить и казахские театры в областных центрах и колхозно-совхозные театры республики.

***

В конце апреля этого года исполняется 375 лет со дня рождения величайшего английского драматурга Вильяма Шекспира. В дни юбилея Казахский академический театр драмы (Алма-Ата) будет ставить пьесу Шекспира «Отелло», переведенную на казахский язык драматургом М. Ауэзовым.

Подготовка к постановке «Отелло» в Казахском драматическом театре ведется давно. В театре проводились беседы и лекции об эпохе Шекспира, о его творчестве, о предстоящем спектакле. Будучи в Москве и Ленинграде, артисты Казахского академического театра драмы специально знакомились с игрой артистов московских и ленинградских театров и исполняющих ведущие роли в «Отелло».

Постановка «Отелло» на сцене Казахского академического театра драмы будет серьезным экзаменом на художественную зрелость актерского коллектива театра.

ПИСАТЕЛИ У ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Большой литературный вечер, посвященный встрече писателей Казахстана с

рабочими Турксиба, состоялся в клубе железнодорожников ст. Алма-Ата I.

В клубе собрались рабочие, учащиеся, домохозяйки,—всего около 850 человек.

Вступительное слово сделал писатель Иван Шухов. Он сказал, что встреча писателей Казахстана с рабочими Турксиба имеет исключительное значение с точки зрения непосредственного общения писателей с читателями. От учащейся станции, писателей приветствовали ученики Васильев и Соколова.

Затем с четкой своих произведений выступили писатели и поэты Казахстана. Главы из новых романов читали Иван Шухов—из романа «Действующая армия», Ю. Домбровский — «Хранитель древностей», Л. Макеев — «Дорога в степь». Дм. Снегин, Т. Жароков, П. Кузнецов, К. Сатыбалдин, П. Богданов, И. Калашников, В. Копытин прочитали свои новые стихи. С большим интересом и вниманием прослушали присутствующие выступление народного акына Исы Байзакова.

После чтения произведений собравшиеся задавали писателям много самых разнообразных вопросов. Они высказывали также свои впечатления о произведениях, указывали на недостатки и особенно отмечали тот факт, что писатели Казахстана очень мало пишут о железнодорожном транспорте.

В теплой товарищеской обстановке прошел литературный вечер встречи писателей Казахстана с рабочими Турксиба. Писатели решили организовать на станции литературный кружок и прикрепить к нему для руководства работой литкружковцев одного из писателей.

ЗАКАЗ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ“

Редакция «Литературной энциклопедии» обратилась в Союз советских писателей Казахстана с просьбой представить список поэтов, писателей, акынов и сказителей Казахстана, имеющих ценные литературные труды, которые должны быть включены в «Литературную энциклопедию».

При Союзе советских писателей Казахстана создана специальная комиссия, которой поручен сбор и редактирование

всех материалов для «Литературной энциклопедии».

АНСАМБЛЬ СЕМИРЕЧЕНСКИХ КАЗАКОВ

5 и 6 марта состоялись первые концерты ансамбля песни и пляски семиреченских казаков. Ансамбль был создан три месяца назад при Казахской государственной филармонии и все это время готовился к первым публичным выступлениям. В составе ансамбля—57 человек певцов, танцоров, баянистов, гусяров. 12 участников ансамбля—недавние талгарские колхозники, семиреченские казаки, остальные—артистическая молодежь.

Почти весь репертуар ансамбля построен на фольклорном материале, на записях казахских песен в семиреченских станицах. Записью мелодий занималась заслуженная артистка КазССР Пирогова, музыкальной обработкой—композитор Шабельский. Ею записано около 40 казахских песен, причем 7 из них по напевам талгарского казака Сазонтова и казачки Пожеленко, которые сейчас являются членами ансамбля.

В репертуаре ансамбля также прекрасная песня донских казаков «Дума о Сталине», народная хороводная «Калинка» и др.

Руководит ансамблем, один из его создателей, хормейстер филармонии Б. В. Лебедев.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ХУДОЖНИКИ

Алма-Атинские художники начали готовиться к выставке в честь 20-летия

Казахстана. Большинство из них будет писать крупные полотна из истории революционного движения в Казахстане.

Так, большую картину «Выступление Фурманова на втором митинге в крепости г. Верного» пишет худ. Бортник. Художник, вместе с пятью очевидцами и участниками исторического митинга, посетил крепость. Из рассказов очевидцев и книги Фурманова «Мятеж» он точно восстановил обстановку и отдельные детали митинга.

Приступил к работе над картиной «Фурманов у прямого провода во время разговора с Ташкентом» худ. А. И. Ильин. Сюжет также взят из «Мятежа».

Интересно задумана работа худ. Г. И. Симкина—«Чапаев и Фурманов в цепи». В красноармейских цепях замешательство. Но вот на конях мчатся любимые бойцами руководители, Чапаев и Фурманов, и полк переходит в победное наступление—таков замысел картины.

Худ. А. К. Евдаков готовит эскизы к картине «Фурманов под арестом у мятежников и попытка Караваева убить его». Худ. Тихов выбрал тему «Заседание штаба Туркфронта», на котором Фурманов был назначен уполномоченным в г. Верный.

Худ. Н. В. Цивчинский пишет один из эпизодов борьбы Амангельды с алаш-ордынцами. Серию рисунков «Старая и новая Алма-Ата» готовит художник Л. В. Куропаткин.

Все эскизы будут обсуждаться на художественном совете Союза художников.

ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ КРУЖКАМ РЕСПУБЛИКИ

СЕМИПАЛАТИНСК

Литкружковцы города Семипалатинска объединены при областных газетах в две литературные группы и работают в тесном содружестве. И казахская и русская литературные группы созданы недавно,— всего три месяца тому назад, но уже сейчас выявляются талантливые молодые писатели, способные в будущем, при упорной работе над собой, создавать и не плохие художественные произведения.

Кружковцы выпустили уже несколько литературных страниц в областных газетах, организовали читку своих произведений по радио, на предприятиях и в учебных заведениях, провели несколько лекций о жизни и творчестве Тараса Григорьевича Шевченко.

Большой литературный актив в Семипалатинске работает дружно. Все вновь написанное литкружковцы обсуждают на собраниях, лучшее отбирают для печати. Молодой казахский поэт Мошаков,

выпустивший в прошлом году свой первый сборник стихов «За родину», работает сейчас над большой поэмой «Иван Трунов». Литкружковец Байтурсунов перевел на казахский язык пьесу А. Корнейчука «Платон Кречет». Эта пьеса ставится сейчас на сцене областного театра. Кроме этого тов. Байтурсунов написал ряд рассказов, которые были напечатаны в областной газете. Студент педагогического института Закиров написал поэму о своем товарище — участнике боев на озере Хасан. Несколько стихотворений этого талантливого начинающего поэта были напечатаны в республиканской газете. Начинающий поэт Мих. Корзеников, молодые прозаики гг. Павлов, Лукьянов, А. Вольф, Ал. Григорьев — все это талантливые кружковцы, которые упорно, настойчиво работают над собой и объединяют вокруг себя пишущую молодежь Семипалатинска.

Особенный интерес представляет работа молодых прозаиков Семипалатинска в области небольшого рассказа и новеллы. Кружковцы поставили перед собой задачу — изучать технику небольшого, строго сюжетного рассказа. Они изучают творчество А. М. Горького, А. П. Чехова, Г. Мопассана, О. Генри и других классиков литературы — мастеров рассказа.

АКМОЛИНСК

Три раза в месяц проводит занятия литературный кружок при редакции районной газеты «Сталинский путь». В кружок входят 8 человек начинающих прозаиков и поэтов. Литкружковцы читают и обсуждают свои произведения, совместно читают также статьи по теории стиха и рассказа.

Стихи «Призывникам», «Комсомолец», «В поле», написанные учащимся восьмого класса литкружковцем Зайкиным Леонидом и рассказы «Воспоминание», «Гнев», «Степь», «В дороге», «Рассказ из прошлого» Андрея Дубицкого напечатаны в газете «Сталинский путь».

Большую помощь литкружковцам в их работе оказывает редактор газеты «Сталинский путь» тов. Л. Верховец.

АЛМА-АТА

По инициативе студентов литературного факультета при Казахском государст-

венном университете организован литературный кружок.

Члены кружка делают доклады и рефераты на различные литературные темы, выступают на вечерах с читкой собственных произведений.

Работа в литературном кружке приносит большую пользу студентам в их академической учебе.

ПЕТРОПАВЛОВСК

При железнодорожном техникуме станции Петропавловск работают два литературных кружка — казахский и русский. Они объединяют студенческую молодежь. Всего в состав кружков входит более 30 человек.

Литкружковцы разработали подробный план занятий. По плану проводится четыре занятия в месяц. Первое занятие отводится лекциям на тему «Как работали классики», второе — литературным вечерам кружковцев совместно с читателями, третье — читке и обсуждению произведений, напечатанных в журналах «Литература и искусство Казахстана» и «Адабиет жана искусство» и последнее занятие — читке и критическому разбору произведений самих литкружковцев.

Литкружковцы провели два больших литературных вечера, посвященных Николаю Алексеевичу Островскому и Владимиру Владимировичу Маяковскому.

ПАВЛОДАР

При редакции областной газеты «Большевикский путь» организован литературный кружок.

Кружок ставит своей целью объединение всего литературного молодняка в области. Литкружковцы будут изучать литературное наследие великих русских и иностранных писателей-классиков, современных художников слова, обсуждать и детально разбирать творчество самих членов кружка.

18 января силами кружковцев выпущена первая литературная страница, в которой напечатаны стихи начинающих поэтов П. Реева, К. Коробаева, Мих. Редько; рассказ С. Анисимова «Поэма о безусом почтальоне» и новелла Б. Федина «Две встречи».

Кружок избрал бюро, в которое вошли П. Нештенко, И. Маслов и С. Анисимов. Составлен и утвержден план работы кружка на 3 месяца.

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Отчетный доклад т. Сталина на XVIII-ом съезде партии о работе ЦК ВКП(б)	3
Джамбул. Съезду победителей	32
Слава и гордость народной поэзии	35
Т. Г. Шевченко. Цари, стихи.	44
Джамбул. Тарас, стихи.	47
Д. Николитч. Первая ночь, рассказ.	49
И. Байзанов. Прощай мать!, стихи.	54
А. Дубовицкий. Разлив, повесть.	55
А. Токмагамбетов. Дальний Восток, стихи.	79
Д. Снегин. Мой город, стихи.	80
С. Анисимов. Поэма о безусом почтальоне, рассказ.	86
Н. Титов. Амангельды, стихи.	89
П. Богданов. Стихи.	90
П. Мочалов. Думы мастера Адигенова, очерк.	92

И С К У С С Т В О

Н. Байсеитова. Сценическая правда	96
Ш. Жандарбекова. Ансамбль народных танцев	100
Н. Аманжолов. Солист оперы	102
Ф. А. Кузьмич. Заметки дирижера	104
В дни юбилея	106
Хроника.	107

Ответственный редактор
Павел Кузнецов.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
*Д. Абилов, М. Ауэзов, П. Кузнецов,
Дм. Снегин, И. Шухов.*

Адрес редакции: Алма-ата, Пролетарская, 3. Тел. 5-27. Рукописи не возвращаются.

Тех. редактор **И. Малиновский.**

Отв. корректор **В. Короленко.**

Сдано в набор 5-III-1939 г.

Подписано к печати 7-IV-1939 г.

Объем 7³/₄ печ. лист. Тираж 3000. В печ. лист. 62 т. зн. Уполказглавлит № 2598.

Гор. Алма-ата, Газетная типография Казполиграфтреста, пр. Ленина, 2. Зак. № 510.